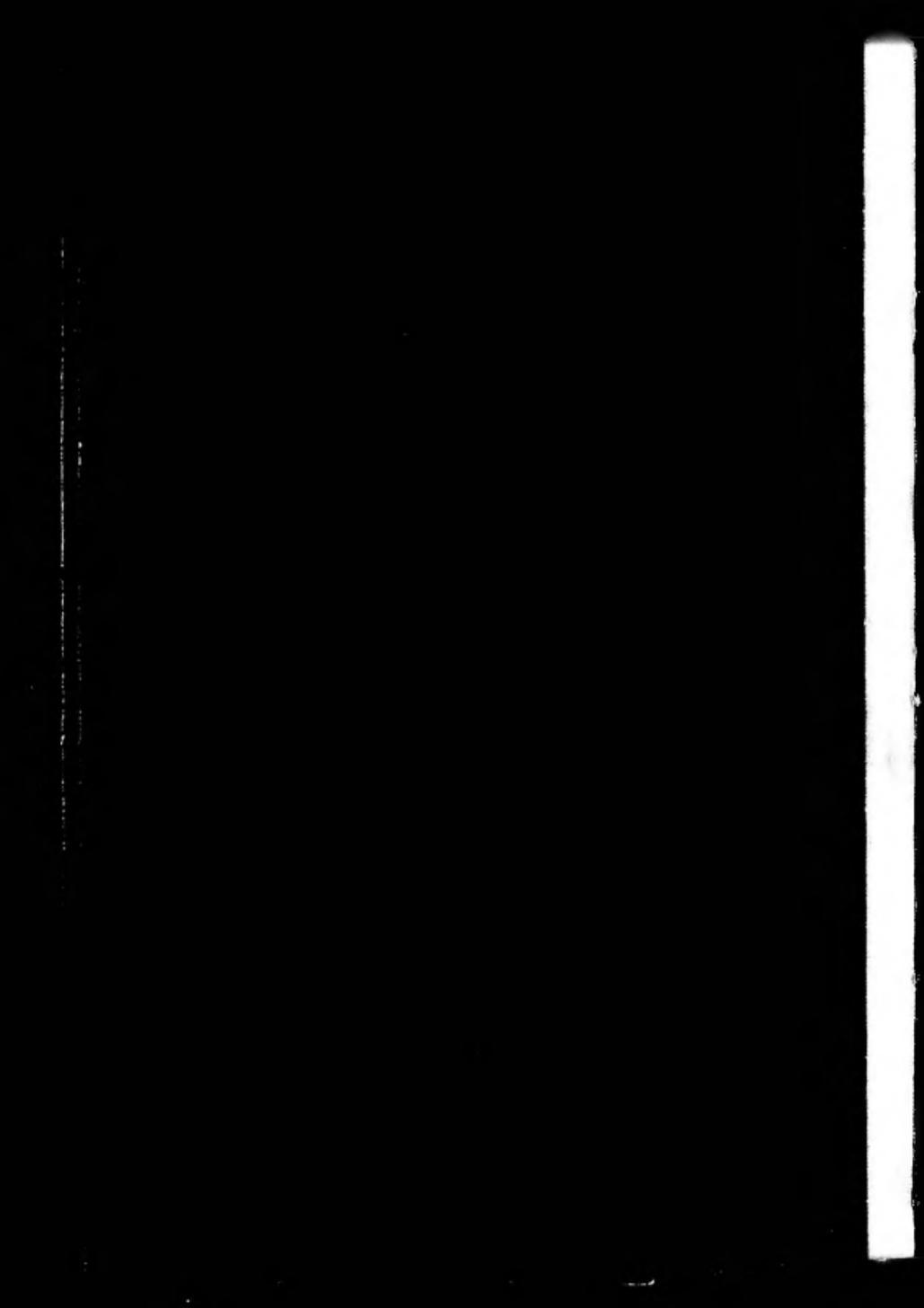

ТРОИЦКИЙ
КУДА ИДЕТ
АНГЛИЯ

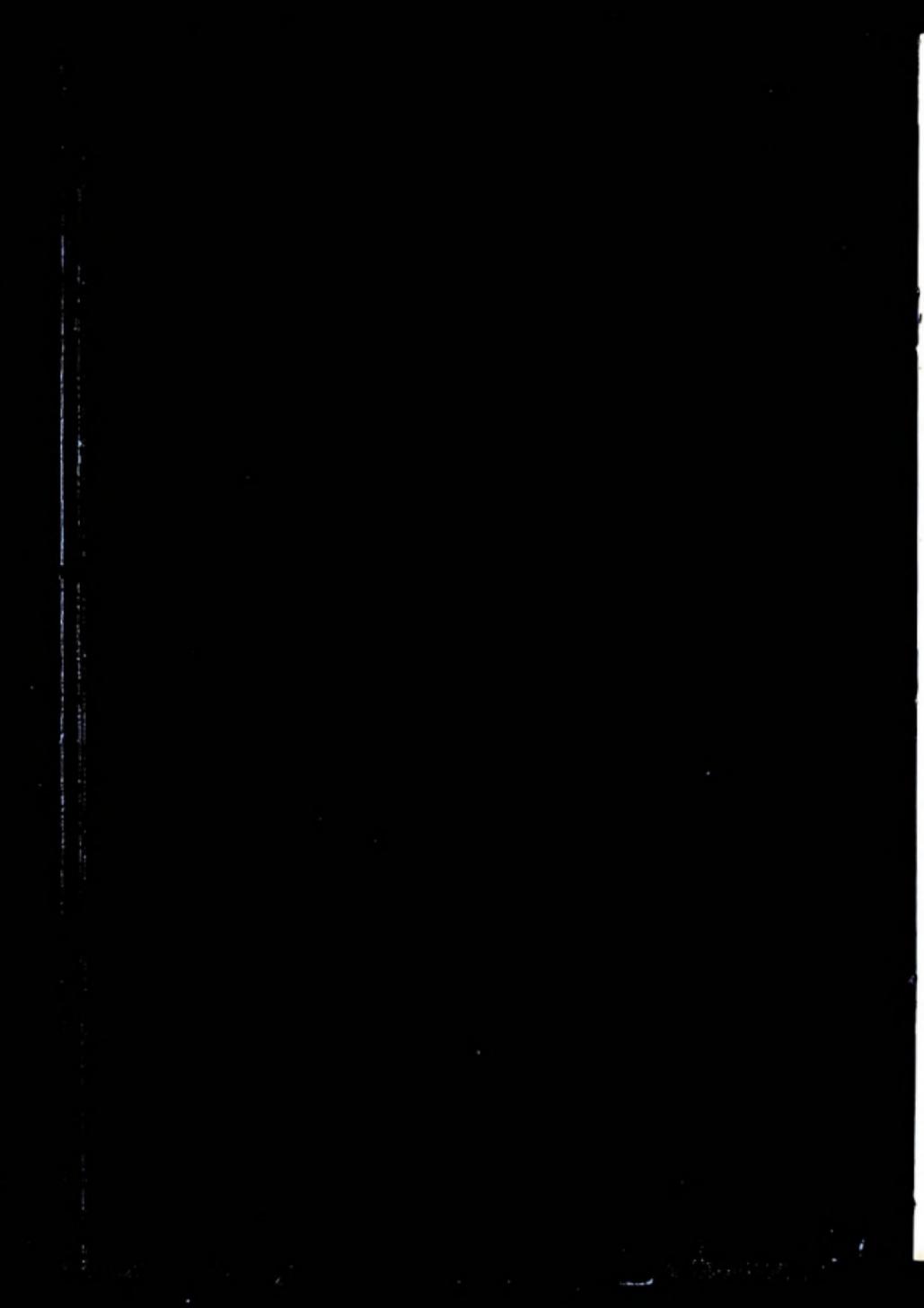
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЕН 171
К 958

308

Т-70

Л. ТРОЦКИЙ

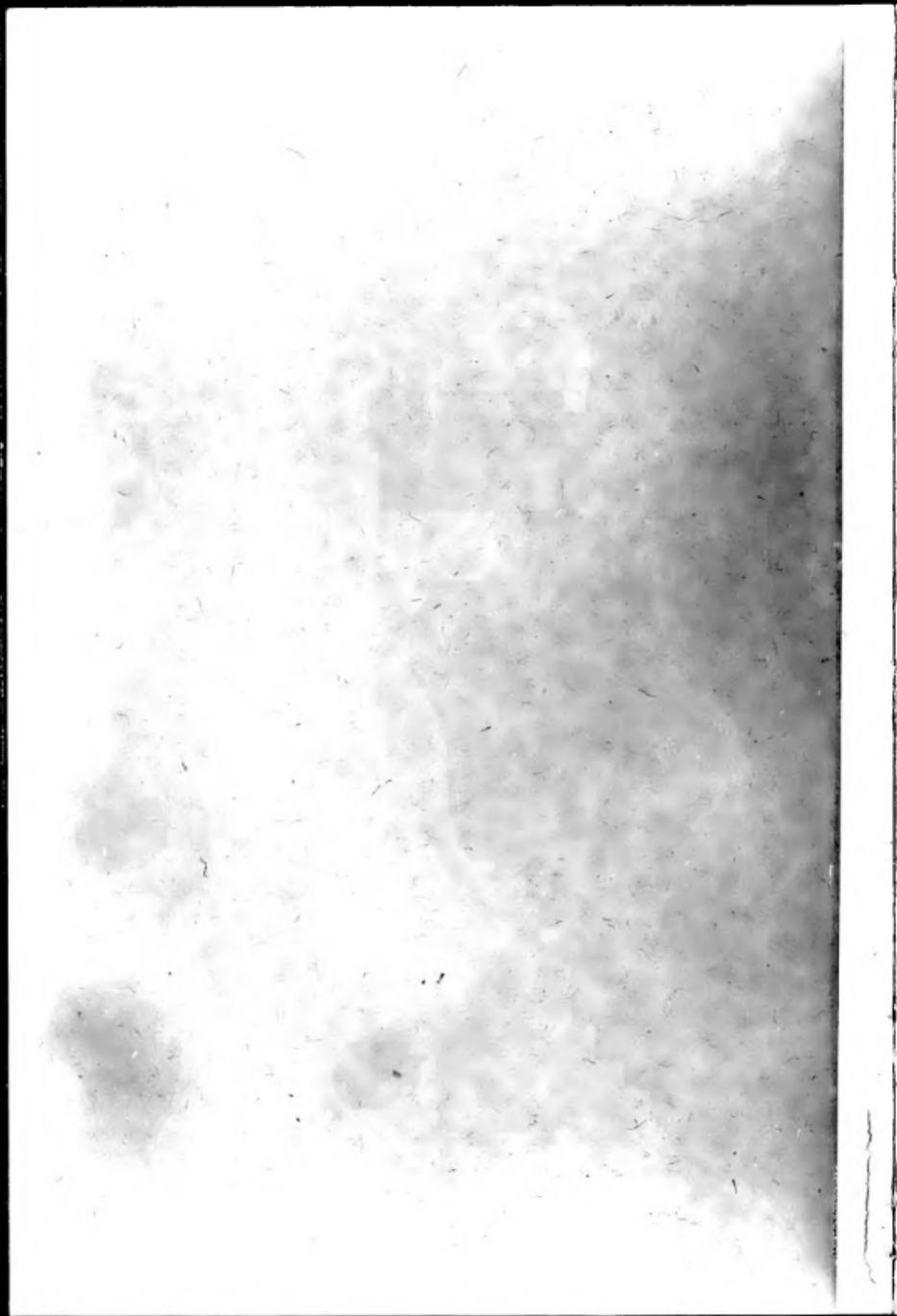
ЕН171

к958

КУДА ИДЕТ
АНГЛИЯ?

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

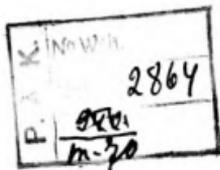
4 9 2 5

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН 171
К 958

КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1925 * ЛЕНИНГРАД

EH171
K958

~~1068574~~
~~ср~~
~~12072~~

~~(1809)~~
~~28~~
~~2984~~
~~38~~ е.1.

ПРЕДИСЛОВИЕ *).

Настоящая работа посвящена дальнейшим судьбам Англии. Но она может представить интерес и для американского читателя. Во-первых, потому что Англия занимает слишком большое место в мире, и, во-вторых, потому что Соединенные Штаты и Великобритания представляют собою парное созвездие, в котором одна звезда тем быстрее угасает, чем ярче разгорается другая.

Вывод, к которому я прихожу в своем исследовании, таков, что Англия приближается полным ходом к эпохе великих революционных потрясений. Конечно, английские охранники и их американские ученики скажут, что я занимаюсь пропагандой пролетарской революции,—как если бы можно было извне, при помощи брошюры, изменить направление развития великого народа. На самом деле я пытаюсь лишь путем анализа важнейших факторов исторического развития Англии уяснить тот исторический путь, на который она толкается внешними и внутренними условиями своего существования. Выдвигать по этому поводу обвинение в революционном вмешательстве в чужие дела почти то же самое, что обвинять астронома, предсказывающего солнечное затмение, в том, что он вызывает его.

Мы итэж не хотим, разумеется, сказать, что астрономические явления тождественны с общественными. Первые развиваются помимо нас, вторые—через нас. Но это вовсе

---

*) Написано Л. Д. Троцким для американского издания этой книги.

не значит, что исторические события совершаются по нашему произволу и могут направляться при помощи брошюр. Книг и газет, имеющих своей задачей защиту и охранение капитализма, в том числе и великобританского, издано и издается несравненно больше, чем направленных против него. Вопрос, однако, этим не решается. Те или другие идеи могут оказать свое действие постольку, поскольку они коренятся в материальных условиях общественного развития. Англия идет к революции, потому что для нее наступила эпоха капиталистического заката. И если уж искать виновников, то на вопрос о том, кто и что толкает Англию на путь революции, пришлось бы ответить: не Москва, а Нью-Йорк.

Такой ответ может показаться парадоксальным. Тем не менее, он целиком отвечает действительности. Могущественное и все возрастающее мировое давление Соединенных Штатов делает положение британской промышленности, британской торговли, британских финансов, британской дипломатии все более безвыходным и безнадежным.

Соединенные Штаты не могут не стремиться к расширению на мировом рынке, иначе собственной их промышленности грозит удар от полнокровия. Расширяться Соединенные Штаты могут только за счет других экспортирующих стран и, в первую голову, за счет Англии. Ироническую улыбку могут вызвать речи о революционном значении той или иной «московской» брошюры перед лицом патентованной системы Дауэса, при помощи которой хозяйственная жизнь великого народа берется в стальные тиски американского руководства. Под покровом умиротворения и оздоровления Европы подготавливаются величайшие революционные и военные потрясения и конфликты завтрашнего дня. Мистер Юлиус Барнес, близко стоящий к вашингтонскому министерству торговли, предлагает отвести европейским должникам Соединенных Штатов такие участки мирового рынка, на которых бедные и задолжавшие европейские родственники не мешали бы экспансии своего заокеанского кредитора. Содействуя восстановлению европейской денежной системы, Соединенные Штаты лишь разрушают одну инфляционную иллюзию за другой и помогают Европе перевести свою бедность и зависимость на язык твердой валю-

ты. Нажимая на своих должников или давая им отсрочку, кредитуя европейские страны или отказывая им в кредите, Соединенные Штаты создают для них все более и более стесненное, экономически зависимое, в последнем счете безысходное положение, которое и является предпосылкой неизбежных социально-революционных потрясений. Коммунистический Интернационал является сейчас... почти консервативным учреждением по сравнению с нью-йоркской биржей. Мистер Морган, мистер Дауэс, мистер Юлиус Барнес—вот атлетические кузнецы грядущих европейских революций.

Свою работу в Европе и во всем мире Соединенные Штаты совершают в значительной мере в сотрудничестве с Англией, через ее посредство. Но для Англии это сотрудничество является только формой возрастающей зависимости. Англия вводит, так сказать, Соединенные Штаты во владение. Сдавая свое мировое господство, английские дипломаты и дельцы рекомендуют своим бывшим клиентам нового владыку мира. Сотрудничество Америки с Англией прикрывает глубочайший мировой антагонизм между этими двумя державами и подготавливает грозные конфликты будущего, может быть, не столь отдаленного.

В рамках этого краткого предисловия не место говорить о судьбах самой Америки. Ясно, что нигде капитал не чувствует себя сегодня так прочно, как здесь. Американский капитал чудовищно возрос и окреп сперва за счет войны в Европе, а ныне—путем ее «умиротворения» и «восстановления». Но американский капитализм, при всем своем могуществе, является не самодовлеющим целым, а частью мирового хозяйства. Более того: чем могущественнее становится промышленность Соединенных Штатов, тем глубже и теснее ее зависимость от мирового рынка. Загоняя все больше Европу в тупик, американский капитал подготавливает войны и революционные потрясения, которые затем страшным рикошетом ударяют по хозяйству Соединенных Штатов. Такова перспектива для самой Америки. На линии революционного развития Америка занимает лишь вторую очередь. Американская буржуазия будет еще иметь возможность наблюдать великое крушение своей старшей европейской сестры. Но и для американского капитала

пробьет неотвратимый час. Магнаты американских трестов, великие плантаторы, нефтяники и экспортеры, миллиардеры Нью-Йорка, Чикаго и Сан-Франциско неустойчиво, хотя и бессознательно, выполняют свое революционное предназначение. Американский пролетариат в конце концов выполнит свое.

Л. ТРОЦКИЙ

24 мая 1925 года.

КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?

Англия стоит сейчас на повороте—пожалуй, более, чем какая-либо из капиталистических стран. А поворот Англии есть в огромной степени поворот четырех частей света и, по крайней мере, начало поворота пятой части, ныне наиболее могущественной—Америки. Между тем политическое развитие Англии представляет величайшие особенности, вытекающие из всего ее прошлого и стоящие в значительной мере поперек дороги ее будущему. Не загромождая изложение цифрами и фактами, которые читатель без труда найдет в справочниках или в специальных исследованиях об экономическом положении Англии, мы поставили себе целью выделить и охарактеризовать те исторические факторы и обстоятельства, которые должны определить развитие Англии в ближайшую эпоху. Речь у нас идет именно об Англии, а не о Великобритании, о метрополии, а не о колониях и доминионах. У этих последних свои собственные пути развития, которые все больше расходятся с путями метрополии.

Наше изложение будет в значительнейшей своей части критическим и полемическим. История делается через людей. Оценка живых сил, делающих сегодняшнюю историю, не может не быть активной. Чтобы понять, за что классы, партии и их вожди борются и что их ожидает завтра,

нужно прорваться сквозь чашу политических условностей, лжи, лицемерия, всепроникающего парламентского «кэнта» *). Полемика становится в этом случае необходимым методом политического анализа. Но вопрос, который мы себе ставим и на который пытаемся дать ответ, имеет объективный характер: «Куда идет Англия?»

---

*) Cant—специфический вид условной лжи, всеми молчаливо признаваемой по соображениям общественного лицемерия. По Карлейлю, cant является искусством придавать явлениям, в собственных интересах, такой вид, какого они не имеют в действительности. В парламентарно-протестантской Англии это искусство доведено до чрезвычайной высоты (или... низости).

I.

УПАДОК АНГЛИИ.

Капиталистическая Англия была подготовлена политической революцией середины XVII столетия и так называемой индустриальной революцией конца XVIII столетия¹⁾. Из эпохи своей гражданской войны и диктатуры Кромвеля²⁾ Англия вышла, как маленький народ, едва насчитывавший 1½ миллиона семейств. В империалистскую войну 1914 г. она вступила, как империя, насчитывающая в своих пределах пятую часть всего человечества.

Английская революция XVII века, школа пуританизма³⁾, суровая школа Кромвеля, подготовила английский народ, собственно его средние классы, к дальнейшей мировой роли. С середины XVIII века мировое могущество Англии становится бесспорным. Англия господствует на океанах и на мировом рынке, создавая его.

В 1826 году один английский консервативный публицист следующими чертами живописал век индустрии: «Эпоха, развертывающаяся пред нашими глазами, обещает стать веком индустрии... Индустрией будут диктоваться отныне международные союзы и заключаться международные дружбы... Перспективы, открывающиеся теперь перед британцами, почти превосходят границы человеческой мысли. История не имеет еще масштаба для них... Фабричная промышленность Англии производит, по всей вероятности, вчетверо больше изделий, чем все континенты, взятые вместе, а хлопчатобумажных тканей—в 16 раз больше всей континентальной Европы...» (Бер, «История социализма в

Англии», стр. 303). Колоссальный промышленный перевес Англии над остальной Европой и над всем миром составлял основу ее богатства и ее ни с чем несравнимого мирового положения. Век индустрии стал вместе с тем веком мировой гегемонии Великобритании.

С 1850 по 1880 г. Англия стала промышленной школой Европы и Америки. Но этим самым подтачивалось ее собственное монопольное положение. С 80-х годов начинается видимое ослабление Англии. На мировую арену вступают новые государства, в первую очередь Германия. Вместе с тем капиталистическое первородство Англии впервые обнаруживает свои невыгодные, консервативные стороны. Доктрине свободы торговли наносятся тяжкие удары немецкой конкуренцией.

Оттирание Англии с занимаемых ею позиций мирового господства явно обнаружилось, таким образом, уже в последнюю четверть прошлого столетия и породило к началу нынешнего века состояние внутренней неуверенности и брожения на верхах и глубокие молекулярные процессы революционного, по существу, характера в рабочем классе. Главное место в этих процессах занимали могущественные конфликты труда и капитала. Потрясенным оказалось не только аристократическое положение английской промышленности в мире, но и привилегированное положение рабочей аристократии внутри Англии. 1911—1913 г.г. были временем невиданных классовых битв горнорабочих, железнодорожников и вообще транспортных рабочих. В августе 1911 г. развернулась национальная, т.е. всеобщая, забастовка на железных дорогах. В те дни смутный призрак революции витал над Англией. Вожди приложили все силы, чтобы парализовать движение. Мотивом их был «патриотизм»: дело происходило во время агадирского инцидента, грозившего войной с Германией⁴). Премьер, как ныне стало известно, пригласил рабочих вождей на тайное заседание и призвал их к спасению отечества. И вожди сделали все, что могли, укрепляя буржуазию и подготавливая тем самым империалистскую бойню.

Война 1914—1918 г.г. как бы оборвала революционный процесс. Она приостановила развитие стачечной борьбы. Приведя к разгрому Германии, она вернула, казалось, Ан-

глин роль мирового гегемона. Но уже скоро обнаружилось, что, временно задержав упадок Англии, война в действительности только углубила его.

В 1917—20 годах английское рабочее движение снова вошло в крайне бурную полосу. Стачки носили грандиозный характер. Макдональд подписывал манифесты, от которых он ныне с ужасом отвернется. Лишь к концу 20 года движение вошло в берега, после «черной пятницы», когда тройственный союз угольных, железнодорожных и транспортных лидеров предал всеобщую забастовку. Парализованная в сфере экономического действия, энергия масс направилась в политическую плоскость. Рабочая партия выросла как бы из-под земли.

В чем состоит перемена во внешнем и внутреннем положении Великобритании?

За время войны гигантский экономический перевес Соединенных Штатов развился и обнаружился полностью и целиком. Выход Соединенных Штатов из стадии заокеанского провинциализма сразу сдвинул Великобританию на второстепенное место.

«Сотрудничество» Америки с Великобританией есть та мирная пока форма, в которой происходит дальнейшее, все более глубокое отступление Англии перед Америкой.

Это «сотрудничество» может направляться в тот или другой момент против третьего; тем не менее, основным мировым антагонизмом является англо-американский, и все остальные антагонизмы, более острые в данный момент и более непосредственно угрожающие, могут быть поняты и оценены только на основе англо-американского антагонизма.

Англо-американское «сотрудничество» так же подготавливает войну, как эпоха реформ подготавливает эпоху революции. Именно тот факт, что Англия на пути «реформ», т.-е. вынужденных сделок с Америкой, будет очищать одну позицию за другой, заставит ее, в конце-концов, сопоставляться.

Производительные силы Англии и, прежде всего, ее живая производительная сила, пролетариат, не соответствуют более месту Англии на мировом рынке. Отсюда—хроническая безработица.

Торгово-промышленная и военно-морская гегемония Англии в прошлом обеспечивала почти автоматически связь частей империи. Новозеландский министр Ривс писал еще в конце прошлого века: «Две вещи поддерживают теперешнее отношение колоний к Англии: 1) их вера, что политика Англии есть, главным образом, политика мира, и 2) их вера, что Англия господствует над морями». Решающее значение принадлежало, конечно, второму условию. Утрата гегемонии над морями идет параллельно с развитием центробежных сил внутри империи. Сохранение имперского единства все больше затрудняется расходящимися интересами доминионов и борьбой колоний.

Развитие военной техники оказалось направленным против безопасности Великобритании. Рост авиации и военнотехнических средств сводит на-нет величайшие исторические преимущества островного положения. Америка — этот гигантский остров, огражденный с обеих сторон океанами, — остается неуязвимой. Наоборот, наиболее жизненные центры Англии и, прежде всего, Лондон могут подвергнуться в течение нескольких часов убийственной воздушной атаке со стороны европейского континента.

Утратив преимущества неприступной изолированности, английское правительство вынуждено принимать все более непосредственное участие в чисто европейских делах и европейских военных соглашениях. Заокеанские владения Англии, ее доминионы, нисколько не заинтересованы в этой политике. Их интересуют Тихий океан, Индийский, отчасти Атлантический, но ни в каком случае не Ламанш. Это расхождение интересов при первом мировом толчке превратится в зияющую пропасть, в которой будут похоронены имперские связи. В предвидении этого великобританская политика парализована внутренними трениями, обречена по существу на пассивность, а, следовательно, и на ухудшение мирового положения империи.

Военные расходы должны в то же время составлять все большую и большую долю уменьшившегося национального дохода Англии.

Одним из условий «сотрудничества» Англии с Америкой является выплата гигантского британского долга Америке без надежды когда-либо получить уплату долгов со сто-

роны континентальных государств. Экономическое соотношение сил этим еще более изменяется в пользу Америки.

5 марта этого года Английский Банк поднял учетный процент с 4 до 5, вслед за Ньюйоркским Федеральным Банком, который повысил свой процент с 3 до 3 $\frac{1}{2}$. В лондонском Сити ⁵⁾ очень болезненно почувствовали это резкое напоминание о денежной зависимости от заатлантического кузена. Но что поделаешь? Американский запас золота составляет приблизительно 9 миллиардов рублей, тогда как английский не превосходит 1 $\frac{1}{2}$ миллиарда, т.е. в шесть раз меньше. В Америке — золотое обращение, тогда как Англия лишь делает отчаянные усилия, чтобы восстановить его. Естественно, если на повышение учета в Америке с 3 до 3 $\frac{1}{2}$ Англия вынуждена откликнуться повышением с 4 до 5 процентов. Эта мера ударяет по английской торговле и промышленности, удорожая необходимые средства. Таким образом, Америка на каждом шагу указывает Англии ее место, в одном случае — приемами дипломатического нажима, в другом — мерой банковского характера, всегда и везде — давлением своего колоссального экономического перевеса ^{*)}.

^{*)} С того времени, как была написана наша работа, английское министерство приняло ряд мер законодательного и банковско-финансового характера, обеспечивающих переход к золотой валюте. Мы имеем здесь как бы „крупную победу“ английского капитализма. На самом деле, ни в чем упадок Англии не выражается ярче, как в этом финансовом достижении. Англия вынуждена была совершить эту дорогую стоящую операцию под давлением полновесного американского доллара и финансовой политики своих собственных доминионов, которые все более ориентировались на доллар, поворачивая спину фунту стерлингов. Совершить последний скачек к золоту Англия не смогла без крупной финансовой „помощи“ Соединенных Штатов. Но это значит, что судьба фунта стерлингов попадает в непосредственную зависимость от Нью-Йорка. Соединенные Штаты получают в свои руки могущественное орудие финансовой репрессии. За эту зависимость Англия вынуждена платить высоким процентом. Высокий процент ложится на хворающую и без того промышленность. Чтобы препятствовать экспорту своего золота, Англия вынуждена подсекать экспорт своих товаров. В то же время она не может отказаться от перехода к золотой валюте, не ускоряя своего упадка на мировом рынке капиталов. Это фатальное стечение обстоятельств вызывает чувство острого недомогания у правящих кругов Англии и порождает злое, но бессильное ворчание самой консервативной печати. „Дэйли

Наряду с этим английская печать с тревогой отмечает «поразительный прогресс» в различных отраслях немецкой промышленности и, в частности, в немецком судостроении. По поводу этого последнего «Таймс» от 10 марта пишет: «Возможно, что одним из факторов, которые создают способность успешной конкуренции германских верфей, является полная трестификация материалов, — от шахты до соответственной металлической плиты, от финансового банка до розницы. Эта система не остается без последствий для заработной платы и стоимости жизни. Когда все эти силы направлены по одному и тому же пути, то поле для понижения расходов становится очень значительным». Другими словами, «Таймс» констатирует здесь, что органические преимущества более современной немецкой индустрии снова обнаруживаются со всей силой, как только хозяйству Германии дана внешняя возможность проявить признаки жизни.

Есть, правда, указания на то, что заказ на суда сдан гамбургской верфи со специальной целью запугать трэдиюнионы и подготовить, таким образом, почву для нажима на них с целью понижения заработной платы и удлинения рабочего дня. Незачем говорить, что такой маневр более

Мэйль⁴ пишет: «...Принимая золотой базис, английское правительство дает возможность федеральным банкам (практически находящимся под влиянием правительства Соединенных Штатов) в любой момент инсценировать в Англии денежный кризис... Английское правительство подчиняет всю финансовую политику своей страны чужой нации... Британская империя отдается в заклад Соединенным Штатам». «Благодаря Черчиллю, — пишет консервативная газета, «Дэйли Экспресс», — Англия подпадает под пяту американских банкиров». Еще решительнее выражается «Дэйли Кроникл»: «Англия фактически низводится на положение сорок девятого штата Америки». Ярче и выразительнее сказать нельзя! На все эти резкие самообличения — без выводов и перспектив — министр финансов Черчилль отвечает в том смысле, что Англии ничего другого не остается, как привести свою финансовую систему в соответствие с действительностью (Dith reality). Слова Черчилля означают: мы стали неизмеримо беднее, Соединенные Штаты неизмеримо богаче; нам надо либо сражаться с Америкой, либо подчиняться ей; ставя судьбу фунта стерлингов в зависимость от американских банков, мы лишь переводим наш общий экономический упадок на язык валюты; нельзя прыгнуть выше собственной головы; надо быть «в согласии с действительностью».

чем вероятен. Но это несколько не ослабляет общих соображений о нерациональной организации английской индустрии и об вытекающих отсюда накладных расходах.

Вот уже четыре года, как число официально зарегистрированных безработных в Англии не понижалось ниже 1.135.000, колеблясь фактически между $1\frac{1}{4}$ и $1\frac{1}{2}$ миллионами. Хроническая безработица есть наиболее вопиющее обнаружение несостоятельности режима и вместе с тем его ахиллесова пята. Страхование безработных, введенное в 1920 году, было рассчитано на исключительные обстоятельства, которые должны скоро пройти. Между тем, безработица стала постоянной, и страхование перестало быть страхованием, расходы на безработных совершенно не покрываются взносами заинтересованных лиц. Английские безработные — это уже не «нормальная» резервная армия, то сужающаяся, то расширяющаяся и постоянно обновляющаяся в своем составе, а некоторый постоянный общественный слой, порожденный индустрией в эпоху подъема и извергнутый ею в эпоху упадка. Это подагрический ступок в общественном организме с дурным обменом веществ.

Председатель федерации британских индустрий (F. V. I.), полковник Уилли (Willey), заявил в начале апреля, что доход на промышленный капитал за последние два года был настолько незначителен, что не мог побуждать предпринимателей к развитию промышленности. Предприятия дают не более высокий процент, чем бумажные ценности с фиксированным доходом (государственные займы и пр.). «Наша национальная проблема — не проблема производства, а проблема сбыта». Как разрешить, однако, проблему сбыта? Нужно производить дешевле других. Но для этого нужно либо коренным образом реорганизовать промышленность, либо уменьшить налоги, либо понизить заработную плату, либо сочетать все эти три способа. Понижение заработной платы, могущее дать ничтожный результат в смысле снижения издержек производства, вызовет решительный отпор, ибо рабочие борются сейчас за повышение заработной платы. Понизить налоги невозможно, раз нужно платить долги, восстанавливать золотое обращение, поддерживать имперский аппарат да, кроме того, $1\frac{1}{2}$ миллиона безработных. Все это ложится на цену продукта. Реорга-

низовать промышленность можно было бы только вложив свежие капиталы. Между тем, низкая прибыль толкает свободные капиталы на путь государственных и иных займов.

Стенли Мечин (Machin), председатель ассоциации британских торговых палат, заявил в те же дни, что выход из безработицы — в эмиграции. Любезное отечество говорит миллиону с лишним тружеников, что составляет с семьями несколько миллионов граждан: «Полезайте в трюм и проваливайте куда-нибудь за море!» Полное банкротство капиталистического режима признается здесь без всяких околочностей.

Внутреннюю жизнь Англии надо рассматривать в обрисованной выше перспективе резкого и все возрастающего снижения мировой роли Великобритании, которая, сохраняя еще целиком владения, аппарат и традиции мирового господства, на деле все более отодвигается на второстепенные позиции. !

Крушение либеральной партии завершает столетие развития капиталистического хозяйства и буржуазного общества. Утрата мировой гегемонии завела в тупик целые отрасли английской промышленности и нанесла смертельный удар самостоятельным промышленным и торговым капиталам среднего размера — этой базе либерализма. Свобода торговли уперлась в тупик.

Между тем, внутренняя устойчивость капиталистического режима в значительной мере определялась разделением труда и ответственности между консерватизмом и либерализмом. Крушение либерализма есть обнаружение всех других противоречий в мировом положении буржуазной Англии и в то же время источник внутренней неустойчивости режима. Рабочая партия на верхах своих политически очень близка к либералам, но она неспособна вернуть английскому парламентаризму его прежнюю устойчивость, потому что сама она, в ее нынешнем виде, является лишь кратковременным этапом в революционном развитии рабочего класса. Макдональд сидит еще менее прочно, чем Ллойд-Джордж.

Маркс рассчитывал в начале пятидесятых годов на то, что консервативная партия скоро сойдет со сцены, и все политическое развитие пойдет по линии борьбы между ли-

берализмом и социализмом. Это предвидение предполагало быстрый ход революционного развития в Англии и в Европе. Подобно тому, например, как кадетская партия стала у нас под напором революции единственной партией помещиков и буржуазии, так и английский либерализм растворил бы в себе консервативную партию, ставши единой партией собственности, если бы в течение второй половины XIX столетия развернулся революционный натиск пролетариата. Но предсказание Маркса было сделано как раз накануне новой эпохи бурного капиталистического развития (1851 — 1873). Чартизм окончательно сошел на-нет ⁶⁾. Рабочее движение пошло по пути трэд-юнионизма. Господствующие классы получили возможность выносить наружу свои противоречия в форме борьбы либеральной и консервативной партий. Раскачивая парламентские качели справа налево и слева направо, буржуазия давала выход оппозиционным настроениям рабочих масс.

Германская конкуренция явилась первым грозным предостережением британской мировой гегемонии и нанесла ей первые серьезные удары. Свобода торговли наталкивалась на преимущества германской техники и организации. Английский либерализм был только политическим обобщением свободы торговли. Манчестерская школа ⁷⁾ заняла господствующее положение со времени буржуазно-цензурной избирательной реформы 1832 года и отмены хлебных пошлин в 1846 г. ⁸⁾. После этого в течение полувека доктрина свободной торговли казалась незыблемой программой. В соответствии с этим руководящая роль принадлежала либералам. Рабочие шли за ними в хвосте. С середины семидесятых годов начинается замикка в делах. Свобода торговли дискредитируется. Начинается протекционистское движение ⁹⁾. Буржуазия все более охватывается империалистскими тенденциями. Симптомы разложения либеральной партии обнаружались еще при Гладстоне ¹⁰⁾, когда группа либералов и радикалов с Чемберленом ¹¹⁾ во главе подняла знамя протекционизма и присоединилась к консерваторам. С середины девяностых годов торговые дела пошли лучше. Это задержало политическую трансформацию Англии. Но к началу XX столетия либерализм, как партия средней буржуазии, оказывается над-

1062594

СР
12072

ломленным. Лидер его Розбери открыто становится под знамя империализма. Однако, либеральной партии, прежде чем сойти со сцены, суждено было еще раз пройти через подъем. Под влиянием явного упадка гегемонии британского капитала, с одной стороны, могущественного революционного движения в России — с другой, в Англии развернулось политическое оживление рабочего класса, которое, направляясь на создание парламентской рабочей партии, в первый момент понесло полую воду на мельницу либеральной оппозиции. Либерализм снова приходит к власти в 1906 году. Но этот его подъем, по самому существу, не может быть длительным. Политическая линия пролетариата ведет к дальнейшему росту рабочей партии. До 1906 г. представительство рабочей партии возрастало более или менее одновременно с либеральным представительством. После 1906 г. рабочая партия стала явно расти за счет либералов.

Формально либеральная партия, через Ллойд-Джорджа, возглавляла войну. По существу империалистская война, от которой Англию не оградила священный режим свободной торговли, должна была неминуемо укрепить консерваторов, как более последовательную партию империализма. Этим окончательно подготовлены были условия для выхода на сцену рабочей партии.

Беспомощно вертеться вокруг вопроса о безработице, ежедневник рабочей партии «Дэйли Геральд» делает из приведенных нами выше капиталистических признаний тот общий вывод, что так как английские капиталисты предпочитают давать деньги взаймы иностранным правительствам, вместо того, чтобы расширять производство, то английским рабочим ничего не остается, как производить без капиталистов. Вывод, вообще говоря, правильный; но делается он вовсе не для того, чтобы побудить рабочих прогнать капиталистов, а для того лишь, чтобы подтолкнуть капиталистов на путь «прогрессивных усилий». На этом, как увидим, держится вся политика рабочей партии. Веббы пишут для этой цели книги, Макдональд произносит речи, редакторы «Геральда» поставляют ежедневные статьи. Между тем, если эти жалкие запугивания и действуют на капиталистов, то в прямо противоположном направлении. Каждый серьезный

английский буржуа понимает, что за бутафорскими угрозами вождей рабочей партии скрывается действительная опасность со стороны глубоко растревоженных пролетарских масс. Именно поэтому умный буржуа делает тот вывод, что не нужно увязывать новые средства в промышленности.

Страх буржуазии перед революцией не всегда и не при всяких условиях является «прогрессивным» фактором. Так, не может быть никакого сомнения, что английское хозяйство получило бы гигантские выгоды от сотрудничества Англии с Россией. Но это предполагает большой план, широкий кредит, приспособление значительной части английской промышленности к нуждам России. Помехой этому является страх буржуазии перед революцией, неуверенность капиталистов в завтрашнем дне.

Боязнь революции до тех пор толкала английских капиталистов на путь уступок и преобразований, пока материальные возможности английского капитализма были неограниченными или казались таковыми. Толчки европейских революций всегда очень явственно сказывались на общественном развитии Англии; они приводили к реформам до тех пор, пока английская буржуазия, благодаря своему мировому положению, сохраняла в своих руках гигантские ресурсы маневрирования. Она могла легализовать трэджюны, отменять пошлины на хлеб, повышать заработную плату, расширять избирательные права, вводить социальные реформы и пр., и пр. При нынешнем, в корне изменившемся мировом положении Англии угроза революции уже не способна толкать буржуазию вперед, наоборот, она парализует последние остатки ее промышленной инициативы. Сейчас нужны не угрозы революцией, а сама революция.

Все перечисленные выше факторы и обстоятельства имеют не случайный и не скоропреходящий характер. Они развиваются в одном и том же направлении, систематически ухудшая международное и внутреннее положение Великобритании и придавая ему характер исторической безыходности.

Противоречия, подтачивающие социальный организм Англии, будут неизбежно обостряться. Мы не собираемся

предсказывать, каков будет темп этого процесса, но, во всяком случае, он будет измеряться годами, в крайнем случае — пятилетиями, но никак не десятилетиями. Общая перспектива такова, что приходится, прежде всего, поставить себе вопрос: успеет ли в Англии сложиться коммунистическая партия, достаточно сильная, достаточно связанная с массами, чтобы сделать в нужный момент все необходимые практические выводы из обостряющегося кризиса? В этом вопросе сейчас резюмируется судьба Англии.

II.

МИСТЕР БОЛДУИН И ... ПОСТЕПЕННОСТЬ.

12 марта текущего года мистер Болдуин, английский премьер-министр и лидер консервативной партии, произнес в Лидсе перед консервативной аудиторией большую речь о судьбах Англии. Речь эта, как и многие другие выступления мистера Болдуина, была проникнута тревогой. Мы считаем эту тревогу вполне обоснованной с точки зрения партии мистера Болдуина. Сами мы подходим к тем же вопросам с несколько другого конца. Мистер Болдуин боится социализма и в своих доказательствах опасности и трудности пути к социализму мистер Болдуин сделал несколько неожиданную попытку опереться на автора этих строк. Это дает нам, надеемся, право ответить мистеру Болдуину без риска быть обвиненными во вмешательстве во внутренние дела Великобритании.

Болдуин считает—и не без основания—величайшей опасностью для того режима, который он поддерживает, рост рабочей партии. Разумеется, он надеется победить, ибо «наши (консерваторов) принципы находятся в более тесной связи с характером и традициями нашего народа, чем традиции и принципы насильственных изменений». Тем не менее, консервативный лидер напоминает своим слушателям, что последний избирательный вердикт страны не был окончательным. Сам Болдуин твердо знает, разумеется, что социализм неосуществим. Но так как он находится в состоянии некоторой растерянности и так как он, кроме

того, выступает перед аудиторией, которая и без того убеждена в неосуществимости социализма, то доводы мистера Болдуина по этой линии не отличаются большой изобретательностью. Он напоминает консервативной аудитории, что люди не рождаются ни свободными, ни равными, ни братьями. Он обращается к каждой матери, присутствующей на собрании, с вопросом: родятся ли ее дети равными? Самодовольный и непритязательный смех аудитории является ему ответом. Правда, эти самые доводы английские народные массы слышали от духовных прапрадедов мистера Болдуина в ответ на требование для себя права свободно верить и по своему устраивать церковь. Те же самые доводы выдвигались затем против равенства перед судом и позже, даже совсем недавно, против всеобщего избирательного права. Люди не рождаются равными, мистер Болдуин, почему же они должны отвечать перед одними и теми же судами, по одним и тем же законам? Можно было бы также возразить Болдуину, что хотя дети и рождаются неодинаковыми, но мать обыкновенно кормит своих неодинаковых детей за столом одинаково и заботится, если в состоянии, чтобы у всех у них была пара башмаков на ногах. Иначе поступает злая мачеха. Можно было бы разъяснить мистеру Болдуину, что социализм вовсе не ставит себе задачей создать анатомическое, физиологическое и психическое равенство, но стремится лишь обеспечить для всех людей однородные материальные условия существования. Не будем, однако, утруждать наших читателей дальнейшим развитием этих очень элементарных мыслей. Сам мистер Болдуин может, если заинтересуется, обратиться к соответственным источникам, и так как, по роду своего мирозерцания, он более склонен к старым и чисто-британским авторам, то мы могли бы ему рекомендовать старика Роберта Оуэна¹²⁾, который, правда, совершенно не понимал классовой динамики капиталистического общества, но у которого можно найти в высшей степени ценные общие соображения насчет преимуществ социализма.

Но социалистическая цель, достаточно предосудительная сама по себе, не так пугает, разумеется, мистера Болдуина, как насильственный путь к ней. В рабочей партии Болдуин усматривает две тенденции. Одна из них предста-

влепа, по его словам, мистером Сидней Вебб, который признал «неизбежность постепенности». Но есть, по его словам, и другого рода лидеры, как Кук или Уитли, особенно после того, как последний покинул министерский пост,—эти верят в насилие. Вообще же правительственная ответственность оказала, по мнению Болдуина, спасительное действие на лидеров рабочей партии и заставила их, вместе с Веббом, признать невыгодность революционных методов и преимущество постепенности. На этом месте Болдуин произвел некоторую духовную интервенцию в русские дела, чтобы обогатить свой небогатый арсенал доводов против британского социализма.

Мы цитируем дальше дословно по отчету «Гаймса».

«Премьер-министр цитировал Троцкого, который,—по словам Болдуина,—открыл в самые последние годы и писал, что «чем легче пролетариат России прошел через революционный кризис, тем труднее пришлось ему в деле его строительства». Троцкий сказал также и то, чего ни один из экстремистских лидеров еще не сказал в Англии: «Мы должны учиться работать более производительно». Хотел бы я знать,—говорит мистер Болдуин,—скольким голосов было бы подано за революцию в Англии, если бы сказать заранее населению, что единственным (?) результатом ее будет необходимость работать более производительно (смех и одобрение). Троцкий сказал в своей книге: «В России до и после революции существовала и существует неизменившаяся натура русского человека (?)». Троцкий—человек действия—изучал реальности, он постепенно и сопротивляясь открыл то, что мистер Вебб открыл уже два года тому назад: неизбежность постепенности (смех и одобрения)».

Конечно, очень лестно быть рекомендованным консервативной аудитории Лидса: большего вообще вряд ли может желать смертный. Почти столь же лестно попасть в непосредственное соседство с мистером Сидней Вебб, пророком постепенности. Но, прежде чем принять это звание, мы были бы не прочь получить от мистера Болдуина некоторые авторитетные разъяснения.

Отрицать постепенность развития в природе, как и в человеческом обществе, в его экономике, политике или

нравах, никогда не приходило в голову ни нашим учителям, ни нам самим, даже и до опыта «самых последних лет». Мы хотели бы только условиться относительно характера этой постепенности. Так, чтобы взять близкий мистеру Болдуину, как протекционисту, пример, мы сошлемся на то, что Германия, постепенно вышедшая в последнюю четверть прошлого столетия на арену мировой конкуренции, стала чрезвычайно грозным соперником Англии. Дело, как известно, дошло на этом пути до войны. Считает ли Болдуин войну проявлением методов постепенности? Во время войны консервативная партия требовала «разгрома туинов» и низвержения германского кайзера силою британского меча. С точки зрения теории постепенности было бы, пожалуй, правильнее полагаться на смягчение нравов Германии и постепенное улучшение ее взаимоотношений с Англией. Однако же в период 1914—1918 гг. мистер Болдуин, насколько мы помним, категорически отвергал применимость метода постепенности к англо-германским отношениям и стремился разрешить задачу при помощи возможно больших масс взрывчатого вещества. Полагаем, что динамит и лигнит едва ли могут быть признаны орудиями консервативно-эволюционного действия.

Довоенная Германия, в свою очередь, отнюдь не вышла в своем бронированном могуществе в одно утро из пены морской. Нет, она развилась постепенно на своего бывшего хозяйственного ничтожества. Однако, в этом процессе постепенности были кое-какие перерывы: так, войны, которые Пруссия вела в 64 году—с Данией, в 66 году—с Австрией, в 70 году—с Францией, сыграли колоссальную роль в увеличении ее могущества и дали ей возможность победоносно выступить на путь мировой конкуренции с Англией.

Богатство, результат человеческого труда, создается, несомненно, с известной постепенностью. Но может быть мистер Болдуин согласится признать, что в развитии богатства Соединенных Штатов годы войны вызвали гигантский скачек вверх. Постепенность накопления была резко нарушена катастрофой войны, вызвавшей обеднение Европы и бешеное обогащение Америки.

О прыжке в своей собственной судьбе мистер Болдуин рассказал в парламентской речи, посвященной тред-юнио-

нам. В молодости Болдуин управлял фабрикой, которая переходила из поколения в поколение, где рабочие рождались и умирали и где, следовательно, полностью господствовал принцип патриархальной постепенности. Но разразилась стачка углекопов, фабрика не могла работать за недостатком угля, и мистер Болдуин оказался вынужден закрыть ее и отпустить на все четыре стороны тысячу «своих» рабочих. Правда, Болдуин может сослаться на злую волю углекопов, которые вынудили его нарушить священный консервативный принцип. Углекопы, вероятно, могли бы сослаться на злую волю своих патронов, которые вынудили их к грандиозной стачке, представляющей перерыв монотонного процесса эксплуатации. Но, в конце концов, субъективные побуждения в данном случае безразличны: с нас достаточно того, что постепенность в разных областях жизни идет бок-о-бок с катастрофами, перерывами и скачками вверх и вниз. Долгий процесс соревнования двух государств постепенно подготавливает войну, недовольство эксплуатируемых рабочих постепенно подготавливает стачку, плохое управление банком постепенно подготавливает банкротство.

Почтенный консервативный лидер может, правда, сказать, что такие перерывы постепенности, как война и банкротство, обеднение Европы и обогащение за ее счет Америки, очень печальны, и что их, вообще говоря, следовало бы избегать. Мы на это ничего не можем возразить, кроме того, что история народов есть в значительной своей части история войн, а история экономического развития украшена статистикой банкротств. Мистер Болдуин, вероятно, сказал бы тут, что таковы уж свойства человеческой природы. Допустим, что так, но ведь это и значит, что сама «натура» человека сочетает постепенное развитие с катастрофическими скачками.

Однако, история человечества есть не только история войн, но также и история революций. Сеньориальные права, которые складывались столетиями и под которые хозяйственное развитие подкапывалось затем в течение столетий, были сметены во Франции одним ударом 4 августа 1789 г. Немецкая революция уничтожила 9 ноября 1918 г. германский абсолютизм, подкопанный борьбой пролетариата

и подкошенный военными победами союзников. Мы уже напоминали, что один из военных лозунгов британского правительства, в состав которого входил мистер Болдуин, гласил: «Война до полного разгрома германского милитаризма!» Не думает ли мистер Болдуин, что поскольку военная катастрофа, при некотором содействии самого мистера Болдуина, подготовила в Германии революционную катастрофу, все это произошло с немалым ущербом для исторической постепенности? Конечно, можно возразить, что тут виноват германский милитаризм и злая воля кайзера в придачу. Мы охотно верим, что если бы мистер Болдуин создавал мир, то он населил бы его самыми благожелательными кайзерами и самыми добродушными милитаризмами. Но такой случай не представился английскому премьеру; к тому же мы слышали от него самого, что люди, в том числе и кайзер, не рождаются ни равными, ни добрыми, ни братьями. Приходится брать мир таким, как он есть. Более того: если разгром германского империализма есть добро, то приходится признать, что добром была немецкая революция, которая довершила дело военного разгрома, т. е. добром была катастрофа, которая сразу опрокинула то, что сложилось постепенно.

Мистер Болдуин может, правда, возразить, что все это не имеет прямого отношения к Англии и что лишь в этой избранной стране принцип постепенности нашел свое законченное выражение. Но если бы дело обстояло так, то напрасно мистер Болдуин ссылался на мои слова, относившиеся к России, придавая этим самым принципу постепенности универсальный, всеобщий, абсолютный характер. Мой политический опыт этого не подтверждает. На моей памяти в России произошли три революции: в 1905 г., в феврале 1917 г. и в октябре 1917 г. Что касается февральской революции, то ей некоторое скромное содействие оказал небезизвестный мистеру Болдуину Бьюкенен, который, очевидно, считал в этот момент, не без ведома своего правительства, что маленькая революционная катастрофа в Петербурге будет полезнее для дела Великобритании, чем распутицкая постепенность.

Но верно ли, в конце концов, что «характер и история английского народа» в такой решительной и безусловной

степени проникнуты консервативными традициями постепенности? Верно ли, что английский народ так враждебен «насильственным изменениям»? Прежде всего, вся история Англии есть история насильственных изменений, которые британские правящие классы производили в жизни... других народов. Так, например, было бы интересно узнать, можно ли захват Индии или Египта истолковать при помощи принципа постепенности? Политика британских имущих классов в отношении Индии откровеннее всего выражена словами лорда Сольсбери: «Индии необходимо пускать кровь!» («India must be bled!»). Не лишне напомнить, что Сольсбери был лидером той самой партии, которой ныне руководит мистер Болдуин. К этому надо еще в скобках прибавить, что вследствие превосходно организованного заговора буржуазной печати английский народ фактически не знает, что делается в Индии (NB: это и называется демократией). Может быть, напомнить историю злосчастной Ирландии, особенно богатую проявлениями мирных эволюционных методов действия британских господствующих классов? Насколько мы помним, подчинение южной Африки¹⁹⁾ не произошло из-за протеста мистера Болдуина, а между тем, когда войска генерала Робертса сломили оборонительный фронт бурских колонистов, вряд ли последние увидели в этом особенно убедительное проявление постепенности. Все это, правда, относится к внешней истории Англии. Но странно все-таки, что принцип эволюционной постепенности, который нам рекомендуется в качестве всеобщего начала, прекращает свое действие за пределами Англии—на границах Китая, когда нужно путем войны заставить его покупать опиум; на границах Турции, когда нужно отнять у нее Мосул; на границах Персии и Афганистана, когда нужно навязать им смирение перед Англией.... Нельзя ли из этого сделать тот вывод, что Англии в тем большей степени удавалось осуществлять «постепенность» в своих собственных границах, чем с большим успехом она применяла насилие над другими народами? Именно так! В течение трех столетий Англия вела непрерывную цепь войн, направленных к тому, чтобы путем пиратства и насилия над другими нациями расширить арену своей эксплуатации, отнять чужие богатства, убить чужую торговую конкурен-

цию, уничтожить иностранные морские силы и этим обогатить британские правящие классы. Серьезное исследование фактов и их внутренней связи неизбежно приводит к выводу, что правящим классам Англии тем лучше удавалось избегать революционных потрясений внутри страны, чем успешнее они, путем войн и всяких вообще потрясений в других странах, увеличивали свою материальную мощь, получая этим возможность посредством своевременных уступок, всегда очень скарденных, сдерживать революционное возмущение масс. Но такой вывод, совершенно неопровержимый сам по себе, доказывает прямо противоположное тому, что хотел доказать Болдуин, ибо на деле как раз история Англии свидетельствует, что обеспечить «мирное развитие» можно лишь при помощи цепи войн, колониальных насилий и кровавых потрясений. На «постепенность» это не похоже!

Довольно известный вульгаризатор английской истории для народных масс, Гиббонс, пишет в своем очерке современной истории Англии: «В общем,—хотя, конечно, из этого правила бывают исключения,—поддержка политической свободы и конституционного правления является руководящим принципом английской иностранной политики». Эта фраза поистине замечательна; являясь глубоко официозной, «национальной», традиционной, она не оставляет живого места в лицемерной доктрине невмешательства в дела других народов; в то же время она свидетельствует, что Англия поддерживала конституционное движение в других странах лишь постольку, поскольку это выгодно было для ее торговых и иных интересов; в противном случае, как говорит неподражаемый Гиббонс, «из этого правила бывают исключения». Для поучения собственного народа вся прошлая история Англии, наперекор доктрине невмешательства, изображается в качестве славной борьбы британского правительства за свободу во всем мире. Каждый же новый акт коварства и насилия—война с Китаем из-за опиума, закабаление Египта, война с бурами, интервенция в пользу царских генералов—истолковывается, как случайное исключение из правила. В общем, таким образом, в «постепенности» оказывается не мало прорех, и в сторону «свободы» и в сторону деспотизма.

Можно, конечно, пойти дальше и сказать, что насилие в международных отношениях допустимо и даже неизбежно, а в междуклассовых—предосудительно. Но тогда незачем говорить об естественном законе постепенности, который управляет будто бы всем развитием природы и общества. Тогда надо сказать просто: угнетенный класс обязан поддерживать угнетающий класс своей нации, когда тот применяет насилие в своих целях; но угнетенный класс не имеет права употреблять насилие, чтобы обеспечить себе лучшее положение в обществе, основанном на угнетении. Это будет не «закон природы», а закон буржуазного уголовного кодекса.

Однако, и в границах внутренней истории Великобритании принцип постепенного и мирного развития совсем не является таким господствующим, как это изображают консервативные философы. В конце концов, вся нынешняя Англия вышла из революции XVII столетия. В могущественной гражданской войне той эпохи берут свое начало торь и виги ¹⁴⁾, попеременно накладывавшие печать на историю Англии в течение почти трех столетий. Когда мистер Болдуин апеллирует к консервативным традициям английской истории, мы позволим себе напомнить ему, что традиция самой консервативной партии упирается в революцию середины XVII века. Равным образом, ссылка на «характер английского народа» заставляет нас напомнить, что этот характер выковывался молотом гражданской войны между круглоголовыми и кавалерами ¹⁵⁾. Характер индепендентов ¹⁶⁾: мелких буржуа, торговцев, ремесленников, свободных землевладельцев, мелко-поместных хозяев-дворян, деловых, благочестивых, экономных, трудолюбивых, предпримчивых—враждебно столкнулся с характером праздных, распутных и надменных правящих классов старой Англии: придворной знати, титулованного чиновничества и епископата. А ведь те и другие были англичанами! Тяжелым военным молотом на наковальне гражданской войны Оливер Кромвель выковывал тот самый национальный характер, который в течение двух с половиной веков обеспечивал гигантские преимущества английской буржуазии в мировой борьбе, чтобы затем, на исходе XIX столетия, обнаружиться, как слишком консервативный даже под углом зрения капи-

талистического развития. Разумеется, борьба Долгого парламента с самовластьем Карла I¹⁷) и суровая диктатура Кромвеля были подготовлены предшествовавшей историей Англии. Но это лишь значит, что революции не делаются по произволу, а органически возникают из условий общественного развития и являются, по меньшей мере, такими же неизбежными этапами в развитии отношений между классами одного и того же народа, как войны—в развитии отношений между организованными нациями. Может быть, в этой постепенности подготовки мистер Болдуин может открыть источник теоретического утешения?

Старые консервативные люди и в том числе мистрис Сноуден¹⁸), открывшая недавно, что королевские семьи составляют самый трудолюбивый класс общества, должны, вероятно, содрогаться по ночам при воспоминании о казни Карла I. Между тем, даже достаточно реакционный Маклей приблизился к пониманию этого события. «Люди, державшие его в своих руках,—говорит он,—не были ночными убийцами. То, что они делали, делалось ими с целью, чтобы оно могло быть зрелищем для неба и земли, чтобы оно могло храниться в вневременной памяти. Они жадно наслаждались самым соблазном, который причиняли. Древняя конституция и общественное мнение Англии прямо противились царубийству; оттого-то и казалось царубийство особенно привлекательным для партии, стремившейся произвести совершенную политическую и общественную революцию. Для исполнения этого намерения ей необходимо было предварительно разбить вдребезги все части правительственной машины; и эта необходимость была для нее скорее приятна, нежели тягостна... Учреждено было революционное судилище. Это судилище признало Карла тираном, измешником, убийцею и общественным врагом; и голова короля скатилась с плеч перед тысячами зрителей, насупротив пирушественной залы собственного его дворца» (Маклей, Полн. собр. соч., Т. VI, стр. 126. Изд. 1861. СПб.). С точки зрения стремления пуритан разбить вдребезги все части старой правительственной машины совершенно второстепенным являлось то обстоятельство, что Карл Стюарт был сумасбродным, лживым и трусливым негодяем. Не только Карлу I, но и королевскому абсолютизму пуритане на-

несли смертельный удар, плодами которого проповедники парламентской постепенности пользуются по сей день.

Роль революции в политическом и вообще общественном развитии Англии не исчерпывается, однако, XVII столетием. Можно сказать,—хотя это как будто и звучит парадоксально,—что все новейшее развитие Англии шло на помочах европейских революций. Мы дадим здесь лишь конспективный перечень важнейших моментов, который пригодится может быть не только мистеру Болдуину.

Великая французская революция дала мощный толчок развитию демократических тенденций в Англии и, прежде всего, рабочему движению, которое исключительными законами 1799 г. было загнано в подполье. Война против революционной Франции была популярной только среди правящих классов; народные массы сочувствовали французской революции и негодовали на правительство Питта¹⁹). Создание английских трэд-юнионов было в значительной мере вызвано влиянием французской революции на трудящиеся массы Англии.

Победа реакции на континенте, усилившая значение лэнд-лордов, привела в 1815 г. к восстановлению Бурбонов во Франции и к введению хлебных пошлин в Англии.

Июльская революция 1830 г. во Франции дала толчок первому биллю об избирательной реформе 1831 г. в Англии: буржуазная революция на континенте вызвала буржуазную реформу на британском острове.

Радикальная реорганизация управления Канадой в направлении широкой автономии была проведена после восстания в Канаде в 1837—38 г.г.

Революционное движение чартизма привело в 1844—47 г.г. к введению десятичасового рабочего дня, а в 1846 г. к отмене хлебных пошлин. Разгром революционного движения в 1848 г. на континенте означал не только упадок чартистского движения, но и надолго затормозил демократизацию английского парламента.

Избирательной реформе 1868 г. предшествовала гражданская война в Соединенных Штатах²⁰). Когда в 1861 г. в Америке вспыхнула борьба между Севером и Югом, английские рабочие демонстрировали свое сочувствие север-

ным штатам, тогда как симпатии господствующих классов были целиком на стороне рабовладельцев. Поучительно, что либерал Пальмерстон ²¹⁾, так называемый лорд-«поджигатель», и многие его коллеги, в том числе пресловутый Гладстон, симпатизировали Югу и поспешно признали южные штаты не мятежниками, а воюющей стороной. В английских верфях строились военные суда для южап. Победил тем не менее Север, и эта революционная победа на территории Америки доставила части английского рабочего класса избирательное право (закон 1876 г.). В самой Англии избирательная реформа сопровождалась, к слову сказать, бурным движением, приведшим к «июльским дням» 1868 г., когда крупные беспорядки длились двое суток.

Разгром революции 1848 г. ослабил английских рабочих, русская революция 1905 г. сразу усилила их. В результате общих выборов 1906 г. рабочая партия впервые создала в парламенте крупную фракцию из 42 членов. В этом проявилось несомненное влияние революции 1905 г.!

В 1918 г., еще до окончания войны, была проведена в Англии новая избирательная реформа, значительно расширившая кадры избирателей-рабочих и впервые допустившая к участию в выборах женщины. Вероятно и мистер Болдуин не станет отрицать, что русская революция 1917 г. была главным побудительным толчком для этой реформы. Английская буржуазия считала, что таким путем можно избежать революции. Следовательно, и для проведения реформ недостаточно одного принципа постепенности, а нужна реальная угроза революции.

Если, таким образом, оглянуться на историю Англии за последние полтора столетия в рамках общеевропейского и общемирового развития, то окажется, что Англия не только экономически, но и политически эксплуатировала другие страны, сокращая свои политические «издержки» за счет гражданской войны народов Европы и Америки.

Какой же смысл имеют те две фразы, которые мистер Болдуин извлек из моей книги, чтобы противопоставить их политике революционных представителей английского пролетариата? Нетрудно показать, что прямой и ясный смысл моих слов прямо противоположен тому, какой нужен мистеру Болдуину. Чем легче русскому пролетариату далось

овладение властью, тем большие препятствия он встретил на пути своего социалистического строительства. Да, я это сказал и это повторяю. Наши старые правящие классы были экономически и политически ничтожны. Наши парламентские и демократические традиции почти не существовали. Нам было легче вырвать массы из-под влияния буржуазии и опрокинуть ее господство. Но именно потому, что наша буржуазия явилась поздно и сделала мало, мы получили скудное наследство. Нам приходится теперь проводить дороги, строить мосты, школы, обучать взрослых грамоте и пр., т.е. выполнять главную массу той экономической и культурной работы, которую в более старых капиталистических странах выполнил буржуазный режим. В этом именно смысле я говорил, что чем легче нам было справиться с буржуазией, тем труднее нам приходится в деле социалистического строительства. Но эта прямая политическая теорема предполагает и обратную: чем богаче и культурнее страна, чем старше ее парламентарно-демократические традиции, тем труднее коммунистической партии овладеть властью; но тем быстрее и успешнее пойдет работа социалистического строительства после завоевания власти. Еще конкретнее: ниспровергнуть господство английской буржуазии задача нелегкая; она требует необходимой «постепенности», т.е. серьезной подготовки; но зато, овладев властью, землю, промышленным, торговым и банковским аппаратом, пролетариат Англии сможет с гораздо меньшими жертвами, с гораздо большим успехом, гораздо более быстрым темпом произвести реорганизацию капиталистического хозяйства в социалистическое. Такова обратная теорема, которую мне не раз приходилось излагать и обосновывать и которая имеет самое прямое отношение к интересующему мистера Болдуина вопросу.

Однако, это не все. Когда я говорил о трудности социалистического строительства, я имел в виду не только отсталость нашей страны, но и гигантское сопротивление извне. Мистеру Болдуину, вероятно, известно, что великобританские правительства, в состав которых он входил, израсходовали около ста миллионов фунтов стерлингов на военные интервенции и на блокаду Советской России. Целью этих дорого стоящих мероприятий, напомним кстати, явля-

лось низвержение Советской власти: английские консерваторы, как и английские либералы,—по крайней мере в тот период—решительно отказывались от принципа «постепенности» по отношению к Рабоче-Крестьянской Республике и стремились разрешить исторический вопрос путем катастрофы. В сущности достаточно привести одну эту справку, чтобы вся философия постепенности оказалась чрезвычайно похожей на мораль тех гейневских монахов, которые сами пьют вино, а пастве рекомендуют воду *).

Так или иначе, русский рабочий, захватив первым власть, имел против себя сперва Германию, а затем все страны Антанты, руководимые Англией и Францией. Английский пролетариат, взяв власть, не будет иметь против себя ни русского царя, ни русской буржуазии. Наоборот, он сможет опереться на гигантские материальные и человеческие ресурсы нашего Советского Союза, ибо—это мы не скроем от мистера Болдуина—дело английского пролетариата по крайней мере в такой же мере является нашим, в какой дело русской буржуазии было и, по существу, остается делом английских консерваторов.

Мои слова о трудностях нашего социалистического строительства британский премьер истолковывает так, как если бы я хотел сказать: игра не стоила свеч. Между тем, мысль моя имела прямо противоположный характер: наши трудности вытекают из неблагоприятной для нас, как социалистических пионеров, международной обстановки; преодолевая эти трудности, мы изменяем обстановку к выгоде пролетариата других стран; таким образом, в международном балансе сил ни одно из наших революционных усилий не пропало и не пропадет даром.

Несомненно, что мы стремимся, как на это указывает Болдуин, к большей производительности труда. Без этого

---

*) Мы не хотим быть нескромными и потому не спрашиваем, в какой мере, например, фальшивые документы, приписываемые иностранному государству и используемые в избирательных целях, могут почитаться орудием «постепенности» в развитии так-называемой христианской морали цивилизованного общества? Но и не ставя этого щекотливого вопроса, не можем все-таки отказаться от напоминания, что, еще по утверждению Наполеона, нигде фальсификация дипломатических документов не применяется так широко, как у английской дипломатии. А ведь с того времени техника сильно шагнула вперед.

немыслим был бы подъем благосостояния и культуры народа, а в этом ведь и состоит основная цель коммунизма. Но русский рабочий работает ныне на себя. Получив в свои руки хозяйство, разоренное сперва империалистской войной, затем гражданской войной, которая питалась интервенцией и блокадой, рабочие России успели сейчас довести промышленность, почти замершую в 1920—21 г.г., в среднем до 60% ее довоенной производительности. Достижение это, как оно ни скромно по сравнению с нашими целями, представляет собой несомненный и серьезный успех. Если бы 100 миллионов фунтов стерлингов, израсходованные Англией на попытки катастрофического переворота, были, в виде займа или концессионного капитала, вложены в советское хозяйство для его постепенного подъема, мы бы теперь, несомненно, уже перешагнули довоенный уровень, платили бы английскому капиталу высокие проценты и, главное, представляли бы для него широкий и все возрастающий рынок. Не наша вина, если мистер Болдуин нарушил принцип постепенности как раз там, где этого не нужно было делать. Но и при нынешнем, очень еще низком уровне нашей промышленности, положение рабочих значительно улучшилось по сравнению с недавними годами. Когда мы достигнем довоенного уровня,—а это дело ближайших двух-трех лет,—положение наших рабочих будет несравненно лучше, чем было до войны. Именно поэтому, и только поэтому, мы считаем себя вправе призывать пролетариат России к повышению производительности труда. Одно дело работать на заводах, фабриках, верфях и шахтах, принадлежащих капиталистам, а другое дело—на своих собственных. Тут большая разница, мистер Болдуин! И когда английские рабочие овладеют могущественными средствами производства, которые ими же и их предками созданы, они изо всех сил постараются поднять производительность труда. Английская промышленность в этом очень нуждается, ибо, несмотря на свои высокие достижения, она вся опутана сетями своего собственного прошлого. Болдуин как будто знает об этом, по крайней мере, в той же своей речи он говорит: «Мы обязаны нашей позицией, нашим местом в мире, в широкой мере тому факту, что мы были первой нацией, которая подверглась мукам, причинен-

ным миру индустриальной эпохой; но мы также и платим высокую цену за это привилегированное первенство, и частью этой цены являются наши скверно планированные, зараженные города, с их скученными домами, наши безобразные фабрики и наша отравленная дымом атмосфера». Сюда же надо присоединить раздробленность английской промышленности, ее технический консерватизм, ее недостаточную организационную гибкость. Именно поэтому английская промышленность пасует ныне перед германской и американской. Английская промышленность для своего спасения нуждается в широкой и смелой реорганизации. Нужно рассматривать почву и подпочву Англии, как базу единого хозяйства. Только таким путем можно перестроить на здоровых началах угольное дело. Электрическое хозяйство Англии отличается крайней раздробленностью и отсталостью; попытки рационализировать его наталкиваются на каждом шагу на сопротивление частных интересов. Не только английские города, в силу своего исторического происхождения, дурно распланированы, вся английская промышленность, «постепенно» нагромождавшаяся, лишена системы и плана. Влить в нее новую жизнь можно только, если подойти к ней, как к единому целому. Но это немисливо при сохранении частной собственности на средства производства. Главная цель социализма—поднять экономическую мощь народа. Только на этой основе мыслимо построить более культурное, более гармоническое, более счастливое человеческое общество. Если мистер Болдуин, при всех своих симпатиях к старой английской промышленности, вынужден признать, что новые капиталистические формы—тресты и синдикаты—представляют собой шаг вперед, то мы считаем, что единый социалистический комбинат промышленности представляет собой гигантский шаг вперед по сравнению с капиталистическими трестами. Но эта программа не может быть осуществлена без передачи всех средств производства в руки рабочего класса, т.-е. без экспроприации буржуазии. Болдуин сам напоминает о «титанических силах, которые были освобождены индустриальной революцией XVIII столетия и которые изменили лицо страны и все черты ее национальной жизни». Почему в этом случае Болдуин говорит о революции, а не о постепенном развитии? Потому что в конце

XVIII столетия произошли в короткий срок радикальные изменения, приведшие, в частности, к экспроприации мелких промышленников. Для всех, кто отдает себе отчет во внутренней логике исторического процесса, должно быть ясно, что промышленная революция XVIII столетия, переродившая Великобританию сверху донизу, была бы невозможна без политической революции XVII столетия. Без революции во имя буржуазных прав и буржуазной деловитости—против аристократических привилегий и дворянской праздности—не пробудился бы великий дух технических изобретений и некому было бы применять их для хозяйственных целей. Политическая революция XVII столетия, выросшая из всего предшествующего развития, подготовила индустриальную революцию XVIII столетия. Сейчас Англия, как и все капиталистические страны, нуждается в хозяйственной революции, далеко превосходящей по своему историческому значению индустриальную революцию XVIII века. Но эта новая экономическая революция—перестройка всего хозяйства по единому социалистическому плану—не может быть разрешена без предварительной политической революции. Частная собственность на средства производства является сейчас гораздо большей помехой на пути хозяйственного развития, чем в свое время цеховые привилегии, которые были формой мелко-буржуазной собственности. Так как буржуазия ни в каком случае не откажется добровольно от своих собственнических прав, то необходимо пустить в ход смелое революционное насилие. До сих пор история не выдумала другого метода. И для Англии исключения не будет.

Что касается второй цитаты, приписываемой мне мистром Болдуином, то здесь я нахожусь в величайшем недоумении. Я решительно отрицаю, чтобы я где-нибудь и когда-нибудь мог сказать, будто существует какая-то неизменная природа русского человека, против которой оказалась бессильна революция. Откуда эта цитата? Из долгого опыта знаю, что не все люди, даже не все премьер-министры, цитируют точно. Совершенно случайно я натолкнулся на одно место в своей книжке «Вопросы культурной работы», которое полностью и целиком относится к интересующему нас вопросу. Привожу это место целиком.

«Каковы же основания для наших надежд на победу? Первое основание то, что в народных массах пробудилась критика и активность. Через революцию народ наш открыл себе окно в Европу—понимая под «Европой» культуру,— как 200 с лишним лет перед тем петровская Россия открыла не окно, а оконце в Европу для верхушки дворянско-чиновничьей государственности. Те пассивные качества кротости и смирения, которые казенными или добровольно юродствующими идеологами объявлялись специфическими, неизменными и священными качествами русского народа, а на деле были лишь выражением его рабской придавленности и культурной отрешенности,—эти жалкие, постыдные качества получили смертельный удар в октябре 1917 г. Это не значит, конечно, что мы уже не несем в себе наследия прошлого. Несем и долго еще будем нести. Но великий перелом, не только материальный, но и психический, совершился. Никто уже не посмеет рекомендовать русскому народу строить свою судьбу на началах кротости, покорности и долготерпения. Нет, отныне добродетелями, все глубже входящими в народное сознание, являются: критика, активность, коллективное творчество. И на это величайшее завоевание народного характера опирается, прежде всего, наша надежда на успех всей нашей работы».

Это, как мы видим, очень мало похоже на то, что мне приписывает мистер Болдуин. В оправдание его нужно сказать, что британская конституция не налагает на премьера обязательства правильно цитировать. Что же касается прецедентов, играющих в британской жизни столь крупную роль, то в них уж во всяком случае недостатка нет: по части фальшивых цитат один Вильям Питт чего стоит!

✱

Можно возразить: имеет ли смысл спорить о революции с вождем ториев? Какое значение может иметь для рабочего класса историческая философия консервативного премьера? Но здесь-то и обнаруживается гвоздь вопроса: философия Макдональда, Сноудена, Вебба и др. лидеров рабочей партии является только перепевом исторической теории Болдуина. Мы это в дальнейшем покажем—со всей необходимой... постепенностью.

III.

КОЕ-КАКИЕ «ОСОБЕННОСТИ» АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ ЛИДЕРОВ.

По смерти Керзона лидеры партий и добровольцы произносили хвалебные речи. Социалист Макдональд закончил в палате общин такими словами: «Он был великий слуга общества, прекрасный коллега с высокими идеалами и образец для тех, кто должен прийти после него». Это о Керзоне! Когда рабочие протестовали против этой речи, «Дэйли Геральд», ежедневная газета рабочей партии, печатала протесты под скромным заголовком: «Другая точка зрения». Мудрая редакция хотела этим очевидно сказать, что кроме царедворческой, византийской, подхалимской, лакейской точки зрения, имеется еще и рабочая.

В начале апреля небезызвестный рабочий лидер Томас, секретарь союза железнодорожников, бывший министр колоний, принимал, вместе с премьером Болдуином, участие в банкете, данном правлением компании западных железных дорог. Болдуин был некогда директором этой компании, а Томас работал у него кочегаром. Мистер Болдуин с великолепнейшим покровительством говорил о своем «друге» Джиме Томасе, а Томас провозгласил гост за директоров «великой западной» и за ее председателя лорда Черчилля²²). Томас с великим умилением говорил о мистере Болдуине, который—вы подумайте только!—всю жизнь шел по следам своего достопочтенного отца. Его (Томаса)—говорил этот совершенно беспримерный лакей—будут, конечно, обвинять за банкет и за общение с Болдуином, как изменника своему

классу, но он, Томас, не принадлежит ни к какому классу, ибо истина не является собственностью класса.

По поводу вызванных «левыми» рабочими депутатами дебатов об ассигновании принцу Уэльскому денег на заграничное путешествие та же «Дэйли Геральд» разразилась принципиальной статьей об отношении к королевской власти. Кто стал бы из дебатов заключать о желании рабочей партии уничтожить королевскую власть,—говорит газета,— тот впал бы в ошибку. Но, с другой стороны, нельзя не отметить, что королевская семья не улучшает своего положения в общественном мнении разумных людей: слишком много помпы и церемоний, внушаемых может быть «неразумными советниками»; слишком много внимания к скачкам с неизбежным тотализатором; к тому же герцог и герцогиня Йоркские в восточной Африке охотились на носорогов и других животных, заслуживающих лучшей участи. Конечно,—размышляет газета,—винить одну королевскую семью нельзя; традиция слишком сильно связывает ее с бытом и привычками одного только класса. Но надлежит сделать усилие, чтобы порвать с этой традицией. Это, по нашему мнению, не только желательно, но прямо необходимо. Для наследника престола надо бы найти занятие, которое превратило бы его в часть правительственной машины, и т. д., и т. д., в том же необыкновенно пошлом, необыкновенно глупом, необыкновенно лакейском духе. Так мог бы в прошлом, примерно в 1905—6 годах, писать у нас орган самарских мирно-обновленцев.

В дело о королевской семье вмешалась неизбежнейшая мистрис Сноуден и в коротком письме заявила, что только хриплые ораторы уличных перекрестков могут не знать и не понимать, что королевские семьи принадлежат к наиболее тяжело работающим элементам Европы. А так как еще библия гласит: «не заграждай рта у вола молотящего», то мистрис Сноуден, разумеется, за ассигнование денег на путешествие принца Уэльского.

«Я социалистка, демократка и христианка»—писала некогда та же особа, объясняя, почему она против большевизма. Это, однако, не полный перечень качеств мистрис Сноуден. Из вежливости мы не называем остальных.

Почтенный мистер Шильс, рабочий депутат восточного

Эдинбурга, разъяснил в газете, что путешествие принца Уэльского полезно для торговли, а следовательно и для рабочего класса. Поэтому он за ассигнование денег.

Возьмем теперь кое-кого из «левых» или полу-левых рабочих депутатов. В парламенте обсуждается вопрос о некоторых имущественных правах шотландской церкви. Шотландский рабочий депутат Джонстон, ссылаясь на «акт безопасности» 1707 года ²³), отрицает право британского парламента вмешиваться в торжественно признанные права шотландской церкви. Спикер отказывается снять вопрос. Тогда другой шотландский депутат Маклин заявляет, что если билль пройдет, то он и его друзья вернутся в Шотландию и будут призывать к тому, чтобы договор об унии между Англией и Шотландией был признан расторгнутым и чтобы шотландский парламент был восстановлен (смех консерваторов и одобрения представителей шотландской рабочей партии). Здесь все поучительно. Шотландская группа, стоящая на левом крыле рабочей фракции парламента, протестует против церковного законодательства, исходя не из принципа отделения церкви от государства или каких-либо деловых соображений, но опираясь на священные права шотландской церкви, обеспеченные ей договором, которому уже более двух столетий. В отместку за нарушение прав шотландской церкви те же рабочие депутаты угрожают потребовать восстановления шотландского парламента, который сам по себе им совершенно не нужен.

Джордж Ленсбери, левый пацифист, в руководящей статье ежедневного органа рабочей партии рассказывает, как на одном из собраний в Монмутшире рабочие и работницы с величайшим энтузиазмом пели религиозный гимн, и как этот гимн «помог» ему, Ленсбери. Отдельные лица могут отвергать религию, говорит он, но рабочее движение, как движение, не может с этим примириться. Наша борьба нуждается в энтузиазме, благочестии и верности, а этого нельзя достигнуть путем призыва только к личным интересам. Таким образом, если наше движение нуждается в энтузиазме, то вызывать его оно, по Ленсбери, не в силах и вынуждено заимствоваться им у попов.

Джон Уитли, бывший министр здравоохранения в кабинете Макдональда, считается почти-что крайним левым.

Однако, Уитли не только социалист, но и католик. Вернее сказать: он в первую голову католик, а затем уж социалист. Так как римский папа призвал к борьбе с коммунизмом и социализмом, то редакция «Дэйли Геральд», не называя из вежливости святейшего отца, обратилась к Уитли с просьбой разъяснить, как обстоит дело насчет взаимоотношений между католицизмом и социализмом. Не нужно полагать, что газета спрашивала о том, может ли социалист быть католиком или вообще верующим; нет, вопрос ставился о том, допустимо ли католику стать социалистом. Обязанность человека быть верующим остается вне сомнения; под сомнение ставится лишь право верующего быть социалистом, оставаясь добрым католиком. На этой же почве стоит в своем ответе «левый» Уитли. Он считает, что католицизм, не вдаваясь прямо в политику, определяет «только» нравственные правила поведения и обязывает социалиста применять свои политические принципы «с должным вниманием к моральным правам других». Уитли полагает единственно правильной в этом вопросе политику британской партии, которая, в отличие от континентального социализма, не приняла «анти-христианского» направления. Для этого «левого» социалистическая политика направляется личной моралью, а личная мораль—религией. Это несколько не отличается от философии Ллойд-Джорджа, который считает церковь центральной электрической станцией всех партий. Соглашательство получает здесь религиозное освящение.

О депутате Кирквуде, который покусился на путевые деньги принца Уэльского, один из социалистов писал в «Дэйли Геральд», что у него, Кирквуда, имеется в жилах капля крови старого Кромвеля, очевидно, в смысле революционной решимости. Так ли это, мы пока не знаем. Во всяком случае, Кирквуд унаследовал от Кромвеля благочестие. В своей парламентской речи Кирквуд разъяснил, что он не имеет никаких личных счетов с принцем и не завидует ему. «Принц ничего не может дать мне. Я пребываю в превосходном здравии, обладаю своей независимостью человека, и есть только один, перед которым я несу ответственность за мои действия—это мой создатель (creator)». Таким образом, мы из этой речи узнаем не только о добром здравии шотландского депутата, но и о том, что самое происхожде-

ние его объясняется не законами биологии и физиологии, а замыслом некоего создателя, с которым у мистера Кирквуда сохраняются вполне определенные отношения, основанные на личном одолжении, с одной стороны, и на благодарном обязательстве, с другой.

Число таких примеров можно было бы по желанию увеличить во много раз. Вернее сказать, почти всю политическую деятельность верхов рабочей партии можно было бы разбить на такого рода эпизоды, которые на первый взгляд представляются смешными или неприличными курьезами, но в которых на самом деле отложились особенности всей прошлой истории, подобно тому, например, как в камнях мочевого пузыря отлагаются сложные процессы организма. Этим мы хотим напомнить, что «органический» характер происхождения тех или иных особенностей вовсе не исключает хирургического вмешательства с целью их устранения.

Доктриной лидеров английской рабочей партии является некоторая амальгама из консерватизма и либерализма, частично приспособленная к потребностям трэд-юнионов, вернее их верхов. Все они одержимы религией «постепенности». Кроме этого, они признают религию ветхого и нового завета. Они все считают себя архи-цивилизованными людьми и в то же самое время верят, что отец небесный создал человечество для того, чтобы затем любвеобильно проклясть его и чтобы впоследствии попытаться через распятие собственного сына несколько поправить это в высшей степени запутанное дело. Из духа христианства выросли такие национальные учреждения, как бюрократия трэд-юнионов, первое министерство Макдональда и мистрис Сноуден.

С религией постепенности и с кальвиновой религией предопределения²⁴⁾ тесно связана религия национального высокомерия. Макдональд убежден, что так как его буржуазия была ранее первой буржуазией в мире, то ему, Макдональду, решительно нечему учиться у варваров и полуварваров европейского континента. В этом отношении, как и во всех других, Макдональд только обезьянничает буржуазных вождей, вроде Каннинга, который провозглашал, — однако, с гораздо большим основанием, — что парламентской Англии не к лицу учиться подитике у народов Европы. Монотонно апеллируя к консервативным традициям политического раз-

вития Англии, Болдуин апеллирует несомненно к могущественной опоре буржуазного господства в прошлом. Буржуазия сумела пропитать консерватизмом верхи рабочего класса. Не случайно самые решительные борцы чартизма вышли из ремесленных слоев, пролетаризованных на глазах одного-двух поколений натиском капитализма. Столь же знаменательно, что наиболее радикальные элементы современного английского рабочего движения родом чаще всего из Ирландии или Шотландии (правило это не распространяется, конечно, на шотландца Макдональда). Соединение в Ирландии социального гнета с национальным, при резком столкновении аграрной страны с капиталистической, обуславливает резкие переломы в сознании. Шотландия позже Англии вступила на капиталистический путь: более крутой перелом в жизни народных масс порождает более крутую политическую реакцию. Если бы господа британские «социалисты» были способны продумать свою собственную историю, в частности, роль Ирландии и Шотландии, им удалось бы, может быть, понять, каким образом и почему отсталая Россия, с ее резким переходом к капитализму, выдвинула наиболее решительную революционную партию и первой стала на путь социалистического переворота.

Однако, устои консерватизма английской жизни подкопаны ныне безвозвратно. В течение десятилетий «вожди» британского рабочего класса считали, что самостоятельная рабочая партия есть печальная привилегия континентальной Европы. От этого наивного и невежественного самомнения ныне не осталось и следа. Пролетариат вынудил трэд-юнионы создать самостоятельную партию. На этом деле, однако, не остановится. Либеральные и полулиберальные вожди рабочей партии все еще думают, что социальная революция есть печальная привилегия европейского континента. И тут события обнаружат их отсталость. Для того, чтобы превратить рабочую партию в революционную, нужно будет гораздо меньше времени, чем понадобилось для того, чтобы создать ее.

Важнейшим элементом консерватизма политического развития являлась и до известной степени остается религиозность английского народа на протестантской основе. Пуританизм был школой сурового воспитания, социальной дрес-

сировки средних классов. Народные массы, однако, всегда сопротивлялись ему. Пролетарий не чувствует себя «избранным»,—кальвинистическое предопределение явно не за него. На подкладке индипендентства сложился английский либерализм, главная миссия которого была—воспитать, т. е. подчинить буржуазному обществу рабочие массы. В известных пределах и до поры до времени либерализм выполнял эту миссию, но, в конце концов, ему так же мало удалось переварить рабочий класс, как и пуританизму. На смену либералам пришла рабочая партия, с теми же традициями—пуританскими и либеральными. Если взять рабочую партию только в разрезе Макдональда, Гендерсона и компании, то пришлось бы сказать, что они пришли довершить недовершенную работу полного закабаления рабочего класса буржуазному обществу. Но на самом деле против их воли в массах идет другой процесс, который должен окончательно ликвидировать пуритански-либеральные традиции, ликвидировав попутно Макдональда.

Для английских средних классов католицизм, как и англиканство, было готовой традицией, связанной с привилегиями дворянства и духовенства. Против католицизма и англиканства молодая английская буржуазия создала протестантизм, как свою форму веры и как оправдание своего места в обществе.

Кальвинизм с его железным предопределением был мистической формой подхода к закономерности исторического процесса. Восходящая буржуазия чувствовала, что законы истории за нее, и это свое сознание облекала в форму учения о предопределении. Кальвиновское отрицание свободной воли отнюдь не парализовало революционную энергию индипендентов, наоборот, создавало для нее могущественную опору. Индипенденты чувствовали себя призванными выполнить великое историческое дело. Можно с известным правом провести аналогию между учением о предопределении в революции пуритан и ролью марксизма в революции пролетариата. И там и здесь величайшая активность опирается не на субъективный произвол, а на железную закономерность, в одном случае—мистически искаженную, в другом—научно познанную.

Английский пролетариат принял протестантизм, как

готовую традицию, т.е. так, как буржуазия до XVII века принимала католицизм и англиканство. Подобно тому, как пробужденная буржуазия католицизму противопоставила протестантизм, так революционный пролетариат протестантизму противопоставит материализм и атеизм.

Если для Кромвеля и его сподвижников кальвинизм был духовным орудием революционного преобразования общества, то Макдональдам он внушает лишь коленапреклоненное отношение ко всему тому, что «постепенно» создано. От пуританства Макдональды унаследовали не его революционную силу, а его религиозные предрассудки. От оуэнистов—не их коммунистический энтузиазм, а их утопически-реакционную вражду к классовой борьбе. Из прошлой политической истории Англии фабианцы²⁵⁾ заимствовали только духовную зависимость пролетариата от буржуазии. История повернулась к этим джентльменам своей задней стороной, и те письма, которые они там прочитали, стали их программой.

Островное положение, богатство, удача мировой политики,—все это, цементированное пуританизмом, религией «избранного народа», превратилось в высокомерное пренебрежение ко всему континентальному и не-английскому вообще. Средние классы Британии были долго убеждены, что язык, наука, техника, культура других народов не заслуживают изучения. Все это целиком переняли филистеры, возглавляющие ныне рабочую партию.

Любопытно, что даже Гайндман²⁶⁾, выпустивший еще при жизни Маркса книжку «Англия для всех», ссылается в ней на автора «Капитала», не называя ни его, ни его произведения: причина этого странного умолчания состояла в том, что Гайндман не хотел шокировать англичан,—мыслимо ли, в самом деле, чтобы британец мог чему-либо научиться у немца!

С Англией историческая диалектика сыграла в этом отношении злую шутку, превратив преимущества ее передового развития в причины отсталости. Мы видим это в области промышленности, в науке, в государственном строе, в политической идеологии. Англия развивалась, не имея precedентов. Она не могла в передовых странах искать и находить образ своего будущего. Она шла вперед ошупью, эмпи-

рически, лишь в самых необходимых размерах обобщая свой путь и заглядывая вперед. Печатью эмпиризма отмечено традиционное мышление англичанина, т.е. прежде всего английского буржуа, и эта же духовная традиция перешла к верхам рабочего класса. Эмпиризм стал традицией и знаменем, т.е. сочетался с презрительным отношением к «абстрактному» мышлению континента. Германия долго философствовала об истинной природе государства, тогда как британская буржуазия построила самое совершенное в своем роде государство для надобностей своего господства. Но с течением времени оказалось, что практически отсталая и потому склонная к теоретическим спекуляциям немецкая буржуазия из своей отсталости сделала свое преимущество и создала промышленность, гораздо более научно организованную и приспособленную к борьбе на мировом рынке. Английские социалистические филистеры переняли от своей буржуазии высокомерное отношение к континенту в тот период, когда прежние преимущества Англии обернулись противоположным своим концом.

Макдональд, обосновывая «прирожденные» особенности британского социализма, заявляет, что в поисках его идейных корней мы «должны будем пройти мимо Маркса к Годвину»²⁷). Годвин для своего времени крупная фигура. Но возвращаться к нему для англичанина то же, что для немца искать корней у Вейтлинга или для русского возвращаться к Чернышевскому. Этим мы вовсе не хотим сказать, что у английского рабочего движения нет «особенностей». Именно марксистская школа посвящала всегда большое внимание своеобразию английского развития. Но это своеобразие мы выясняем из объективных условий, из структуры общества и изменений ее. Благодаря этому мы, марксисты, гораздо лучше понимаем ход развития британского рабочего движения и предвидим его завтрашний день, чем нынешние «теоретики» рабочей партии. Призыв старой философии «познай самого себя» прозвучал не для них. Они считают, что призваны предопределением перестроить заново самый застарелый общественный строй, и в то же время останавливаются в полной прострации перед проведенной на полу меловой чертой. Как им посягнуть на буржуазную собственность, если они не смеют отказать в карманных деньгах принцу Уэльскому?

Королевская власть, заявляют они, «не мешает» прогрессу страны и обходится дешевле, чем президент, если считать все расходы на выборы и пр. и пр. Такие речи рабочих лидеров характеризуют ту сторону «своеобразия», которую нельзя назвать иначе, как консервативным тупоумием. Королевская власть слаба, поскольку орудием буржуазного господства является буржуазный парламент и поскольку буржуазия не нуждается во внепарламентских способах действия. Но в случае нужды буржуазия с большим успехом может использовать королевскую власть, как средоточие всех внепарламентских, т.е. реальных сил, направленных против рабочего класса. Английская буржуазия сама прекрасно понимала в соответственных случаях опасность даже самой фиктивной монархии. Так, в 1837 году английское правительство уничтожило в Индии звание Великого Могола, удалив его носителя из священного города Дели, несмотря на то, что это звание успело к тому времени стать призрачным: английская буржуазия понимала, что в известных условиях Великий Могол мог стать средоточием борьбы индийских верхов против английского владычества.

Провозглашать социалистическую программу и в то же время заявлять, что королевская власть «не мешает» и обходится дешевле, совершенно то же, например, что признавать материалистическую науку и пользоваться наговором колдуньи от зубной боли—на том основании, что колдунья обходится дешевле. В такой маленькой «мелочи» сказывается человек целиком, вся фиктивность его признания материалистической науки и вся фальшь его идейной системы. Для социалиста вопрос о монархии не решается с точки зрения сегодняшней бухгалтерии, тем более фальшивой. Дело идет о полном перевороте общества, об очищении его от всех элементов рабства. Эта работа и политически и психологически исключает примирение с монархией.

Г.г. Макдональд, Томас и др. возмущаются теми рабочими, которые протестовали, когда их министры наряжались в шутовское придворное платье. Конечно, это не главное из преступлений Макдональда; но оно прекрасно символизирует все остальные. Когда молодая буржуазия дралась с дворянством, она отказалась от локонов и шелковых кафтанов. Буржуазные революционеры носили черное платье

пуритан. В противоположность кавалерам, за ними установилось прозвище стриженных голов. Новое содержание ищет для себя новой формы. Конечно, форма одежды лишь условность, но масса не хочет понимать, и она права, почему представители рабочего класса должны подчиняться шутовским условностям монархического маскарада? И масса все больше научается понимать, что неверный в малом и во многом неверен будет.

Черты консерватизма, религиозности, национального высокомерия мы видим в разной степени и в разном сочетании у всех нынешних официальных лидеров, от архи-правого Томаса и до левого Кирквуда. Было бы величайшей ошибкой недооценивать упорство и цепкость этих консервативных особенностей верхов английского рабочего класса. Мы этим не хотим, разумеется, сказать, что церковные и консервативно-национальные тенденции совершенно не свойственны массам. Но в то время, как у лидеров, у выучеников либеральной партии, буржуазно-национальные черты вьелись в плоть и кровь, у рабочей массы они имеют несравненно менее глубокий и устойчивый характер. Мы уже упоминали, что пуританизму, этой религии разживающихся классов, не удалось никогда проникнуть глубоко в сознание рабочих масс. То же самое относится и к либерализму. Рабочие голосовали за либералов, но оставались в массе своей рабочими, и либералам приходилось всегда быть начеку. Самое вытеснение либеральной партии рабочею явилось результатом давления пролетарских масс. В других условиях, т.е. если бы Англия экономически крепла и росла, рабочая партия нынешнего типа могла бы продолжить и углубить «воспитательную» работу протестантизма и либерализма, т.е. крепче связать сознание широких кругов рабочего класса консервативно-национальными традициями и дисциплиной буржуазного порядка. При нынешних же условиях явного хозяйственного упадка Англии и отсутствия перспектив, надо ждать развития в прямо противоположном направлении. Война уже нанесла сильный удар традиционной религиозности английских масс. Недаром же мистер Уэльс²⁸⁾ занялся созданием новой религии, пытаясь на путях между Землей и Марсом сделать карьеру фабианского Кальвина. Мы весьма сомневаемся в его успехе. Слишком хорошо роет

на этот раз крот революции! Рабочие массы будут бурно освобождаться от национально-консервативной дисциплины, вырабатывая свою собственную дисциплину революционного действия. Под этим напором снизу верхи рабочей партии будут быстро литься. Этим мы никак не хотим сказать, что Макдональд выливается в революционера. Нет, он будет отброшен. Но те, которые, по всей вероятности, создадут первую смену, люди типа Ленсбери, Уитли и Кирквуда, неизбежно обнаружат, что они только левая разновидность того же основного фабианского типа. Их радикализм ограничен демократией, религией и отравлен национальным высокомерием, которое духовно закабальет их британской буржуазии. Рабочему классу придется, по всей вероятности, несколько раз обновлять свой руководящий состав, прежде чем создастся партия, действительно отвечающая исторической обстановке и задачам британского пролетариата.

IV.

ФАБИАНСКАЯ «ТЕОРИЯ» СОЦИАЛИЗМА.

Учиним над собою необходимое насилие и прочтем статью Рамзея Макдональда, в которой он изложил свои взгляды незадолго до своего ухода от власти*). Заранее предупреждаем, что нам придется вступить в идейную лавку старьевщика, где удушливый запах нафталина не мешает успешной работе моли.

«В области чувства и совести,—начинает Макдональд,— в области духовной социализм составляет религию служения народу». В этих словах сразу выдает себя благожелательный буржуа, левый либерал, который «служит» народу, приходя к нему со стороны или, вернее, сверху. Такой подход целиком коренится в далеком прошлом, когда радикальные интеллигенты поселялись в рабочих кварталах Лондона с целью культурно-просветительной работы. Каким чудовищным анахронизмом звучат эти слова в применении к нынешней рабочей партии, непосредственно опирающейся на трэд-юнионы!

Слово «религия» надлежит здесь понимать не просто в патетическом духе. Речь идет о христианстве в его англосаксонском истолковании. «Социализм основан на евангелии,—проповедует Макдональд,—он обозначает собою хорошо продуманную (еще бы!) и решительную попытку охристианить правительство и общество». На этом пути

*) Мы пользуемся русским переводом этой статьи, напечатанным в пражском эсеровском журнале „Воля Народа“.

встречаются, однако, на наш взгляд, некоторые затруднения. Во-первых. Народы, которые числятся, по статистике, христианскими, составляют, примерно 37% населения человечества. Как быть с не-христианским миром? Во-вторых. Атеизм среди христианских народов делает не малые успехи, притом именно в среде пролетариата. В англо-саксонских странах это пока еще заметно менее. Но человечество, даже и христианское, не состоит только из англо-саксов. В Советском Союзе, насчитывающем 130 миллионов душ, атеизм есть официально проповедуемая государственная доктрина. В-третьих. Англия уже в течение столетий владычествует над Индией. Европейские народы, с той же Англией во главе, давно проложили дорогу в Китай. Тем не менее, число атеистов в Европе растет скорее, чем число христиан в Индии и Китае. Почему? Потому что христианство предстоит перед китайцами и индусами, как религия угнетателей, насильников, рабовладельцев, могущественных грабителей, врывающихся в чужой дом со взломом. Китайцы знают, что христианские миссионеры посылаются для того, чтобы проложить дорогу крейсерам. Вот что такое реальное, историческое, действительное христианство! И это христианство есть основа социализма? Для Китая и для Индии? В-четвертых. Христианство, по официальному исчислению, существует 1925-й год. Прежде, чем стать религией Макдональда, оно было религией римских рабов, осевших в Европе кочевников-варваров, религией коронованных и некоронованных деспотов, феодалов, религией инквизиции, религией Карла Стюарта и, в перелицованном виде, религией Кромвеля, который отрубил Карлу Стюарту голову. Наконец, сейчас оно является религией Ллойд-Джорджа, Черчилля, «Таймса» и, надо полагать, того благочестивого христианина, который подделал «письмо Зиновьева» во славу консервативных выборов самой христианской из демократий. Каким же это образом христианство, которое в течение двух тысячелетий при помощи проповеди, школьного насилия, застрашивания загробными муками, адского огня и полицейского меча внедрялось в сознание европейских народов и превратилось в их официальную религию, каким образом привело оно в XX веке своего существования к кровопролитнейшей и злейшей из

войн—после того, впрочем, как остальные девятнадцать веков истории христианства были веками зверств и преступлений? И где собственно разумные основания для надежд на то, что «божественное учение» в XX, XXI или XXV. веке своей истории должно установить равенство и братство там, где оно освящало насилие и порабощение? Напрасно было бы ждать от Макдональда ответа на эти вопросы школьного масштаба. Наш мудрец—эволюционист, т.-е. он верит, что все «постепенно» изменяется и, с божьей помощью, к лучшему. Макдональд—эволюционист, он не верит в чудеса, он не верит в скачки, кроме одного единственного, который произошел 1925 лет тому назад: тогда в органическую эволюцию врезался клином не кто иной, как сын божий, и ввел в оборот некоторое количество небесных истин, с которых духовенство собирает обильную земную ренту.

Христианское обоснование социализма дается в двух решающих фразах его статьи: «Кто может отрицать, что бедность—зло, не только личное, но и общественное? Кто не чувствует жалости к бедности?». За теорию социализма здесь выдается философия социально настроенного филантропического буржуа, который чувствует «жалость» к беднякам и из этой жалости делает «религию своей совести», не особенно, впрочем, нарушающую его деловые привычки.

Кто не чувствует жалости к бедности? Вся история Англии есть, как известно, история жалости ее имущих классов к бедности трудящихся масс. Чтобы не уходить в глубь веков, достаточно проследить эту историю хотя бы, скажем, с XVI столетия, со времени огораживания крестьянских земель, т.-е. превращения большинства крестьян в бездомных бродяг, когда жалость к бедности выражалась в галерах, виселицах, отрезании ушей и других мероприятиях христианского сострадания. Герцогиня Соутерлендская закончила огораживание на севере Шотландии в начале прошлого столетия, и потрясающую повесть этого палачества дал Марке в бессмертных строках, где мы не встретим, конечно, слюнявого «сострадания», но найдем зато страсть революционного возмущения²⁹⁾.

Кто не чувствует жалости к бедности? Прочитайте исто-

рию промышленного развития Англии и, в частности, эксплуатации детского труда. Жалость богатых к бедности никогда не ограждала бедных от унижений и нищеты. В Англии не меньше, чем где бы то ни было, бедность добивалась чего-нибудь только в тех случаях, когда ей удавалось взять за горло богатство. Ужели это нужно доказывать в стране с вековой историей классовой борьбы, которая была, вместе с тем, историей скаредных уступок и беспощадных расправ?

«Социализм не верит в насилие,—продолжает Макдональд.—Социализм—это здоровье, а не болезнь ума... И поэтому по самой природе своей он с ужасом должен отвергать насилие... Он борется только умственными и нравственными орудиями». Все это прекрасно, хотя и не совсем ново; в нагорной проповеди были изложены те же мысли, притом значительно лучшим стилем. Мы уже напомнили выше, к чему это привело. Нам не ясно, почему бездарный макдональдовский пересказ нагорной проповеди должен дать лучшие результаты? Толстому, располагавшему куда более могущественными средствами идейного убеждения, не удалось привлечь к евангельским заветам даже членов своей собственной помещичьей семьи. Насчет недопустимости насилия Макдональд поучал в то время, когда стоял у власти. Мы припоминаем, что полиция в это время не была распущена, суды не были уничтожены, тюрьмы не были разрушены, военные корабли не были потоплены,—наоборот, строились новые. А насколько нам дано судить, полиция, суды, тюрьмы, армия и флот являются органами насилия. Признание той истины, что «социализм—здоровье, а не болезнь ума», насколько не мешало Макдональду шествовать в Индии и Египте по священным стопам великого христианина Керзона. В качестве христианина, Макдональд отшатывается от насилия «с ужасом»; в качестве премьера, применяет все методы капиталистического гнета и в неприкосновенности передает инструменты насилия своему консервативному преемнику. Что же означает в конце концов на практике отвержение насилия? Только то, что угнетенные не должны применять насилие против капиталистического государства: рабочие—против буржуазии, фермеры—против лордов, индусы—против британской администрации и английского капитала. Го-

сударство, созданное путем насилия монархии над народом, буржуазии над рабочими, ленд-лордов над фермерами, офицеров над солдатами, англо-саксонских рабовладельцев над колониальными народами, «христиан» над язычниками, этот пропитанный кровью аппарат многовекового насилия внушает Макдональду благочестивое преклонение. «С ужасом» он относится только к освободительному насилию. В этом и состоит священная суть его «религии служения народу».

«В социализме есть новая и есть старая школа,—говорит Макдональд.—Мы принадлежим к новой». «Идеал» у Макдональда (у него есть «идеал») общий со старой школой, но зато новая школа имеет «лучший план» для осуществления этого идеала. В чем этот план состоит? Макдональд не оставляет нас без ответа: «У нас нет классового сознания. Наши противники—вот люди с классовым сознанием... Мы же, вместо классового сознания, хотим выдвинуть сознание общественной солидарности». Переливая и далее из пустого в порожнее, Макдональд заключает: «Классовая война не дело наших рук. Она создана капитализмом и всегда будет плодом его, как и чертополох будет всегда плодом чертополоха». Что у Макдональда нет классового сознания, а у вождей буржуазии такое сознание есть,—это совершенно бесспорно и означает, в сущности, что английская рабочая партия ходит, пока-что, без головы на плечах, тогда как у партий английской буржуазии такая голова есть, при том с очень крепким лбом и не менее крепким затылком. И если бы Макдональд ограничился признанием того, что у него в голове слабо по части «сознания», не было бы основания и спорить. Но Макдональд из головы со слабым «сознанием» хочет строить программу. На это никак нельзя согласиться.

«Классовая война,—говорит Макдональд,—создана капитализмом». Это, конечно, неверно. Классовая война существовала и до капитализма. Но верно, что современная классовая война—между пролетариатом и буржуазией—создана капитализмом. Верно также и то, что она «всегда будет плодом его», т.-е. будет существовать до тех пор, пока существует капитализм. Но на войне, очевидно, имеются две воюющие стороны. Одну из них составляют наши враги, которые, по Макдональду, «стоят за привилегированный класс и хотят его сохранить». Казалось бы, раз мы стоим за уни-

чтожение привилегированного класса, который не хочет сойти со сцены, то в этом именно и состоит основное содержание классовой борьбы. Но нет, Макдональд «хочет выдвинуть» сознание общественной солидарности. С кем? Солидарность рабочего класса есть выражение его внутренней спайки в борьбе с буржуазией. Общественная солидарность, которую проповедует Макдональд, есть солидарность эксплуатируемых с эксплуататорами, т.е. поддержка эксплуатации. Макдональд хвастает при этом, что его идеи отличаются от идей наших дедушек: он имеет в виду Карла Маркса. На самом деле, Макдональд отличается от «дедушки» в том смысле, что возвращается к прадедушке. Та идейная размазня, которую Макдональд выдает за новую школу, означает—на совершенно новой исторической базе—возврат к мелко-буржуазному сентиментальному социализму, подвергнутому Марксом уничтожающей критике еще в 1847 году и ранее того.

Классовой борьбе Макдональд противопоставляет идею солидарности всех тех добродетельных граждан, которые стремятся, путем демократических реформ, перестроить общество. В этом представлении борьба класса заменяется «конструктивной» деятельностью политической партии, которая строится не на классовой базе, а на основе общественной солидарности. Эти великолепные идеи наших прадедушек—Роберта Оуэна, Вейтлинга и др.,—окончательно выхолощенные и приспособленные для парламентского употребления, звучат особенно нелепо в современной Англии, с могущественной по численности рабочей партией, опирающейся на трэд-юнионы. Нет другой страны в мире, где бы классовый характер социализма был историей вскрыт так объективно, явно, бесспорно, эмпирически, как в Англии, ибо здесь рабочая партия выросла из парламентского представительства трэд-юнионов, т.е. чисто классовых организаций наемного труда. Когда консерваторы, как впрочем и либералы, пытаются запретить трэд-юнионам взимание политических взносов, то тем самым они не без успеха противопоставляют макдональдовское идеалистическое понятие партии тому эмпирически-классовому характеру, какой партия приняла в Англии. Правда, на верхах рабочей партии имеется известное количество фабианской интелли-

генции и пришедших в отчаяние либералов, но, во-первых, надо твердо надеяться, что, раньше или позже, рабочие выметут этот шлак помелом, а, во-вторых, и сейчас уже те 4½ миллиона голосов, которые поданы за рабочую партию, являются, за ничтожным изъятием, голосами английских рабочих. Еще далеко не все рабочие голосуют за свою партию. Но за рабочую партию голосуют почти только рабочие.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что фабианцы, независимцы и либеральные выходцы не оказывают влияния на политику рабочего класса. Наоборот, влияние их очень велико, но оно не имеет самостоятельного характера. Борющиеся против пролетарского классового сознания реформисты являются, в последнем счете, орудием господствующего класса.

Через всю историю английского рабочего движения проходит давление на пролетариат буржуазии через посредство радикалов, интеллигентов, салонных и церковных социалистов, оуэнистов, которые отвергают классовую борьбу, выдвигают принцип общественной солидарности, проповедают сотрудничество с буржуазией, обуздывают, расслабляют и политически принижают пролетариат. В полном соответствии с этой «традицией» программа независимой рабочей партии указывает, что партия стремится «к объединению организованных рабочих совместно со всеми людьми всех классов, верующими в социализм». Эта сознательно расплывчатая формулировка имеет своей задачей смазать классовый характер социализма. Никто не требует, конечно, полного закрытия дверей партии для испытанных входцев из других классов. Однако же число их и сейчас совершенно ничтожно, если не ограничиваться статистикой командных верхов, а брать партию в целом; в дальнейшем же, когда партия встанет на революционный путь, станет еще меньше. Но независимцам их формула насчет «людей всех классов» нужна для того, чтобы обмануть самих рабочих относительно действительного, классового источника их силы, подменив ее фикцией внеклассовой солидарности.

Мы упоминали, что многие рабочие голосуют еще за буржуазных кандидатов. Макдональд умудряется и этот факт истолковать в политических интересах буржуазии. «Нужно смотреть на рабочего не как на рабочего, а как на

человека,—поучает он и прибавляет:—даже торизм до некоторой степени научился... обращаться с людьми, как с людьми. Поэтому множество рабочих голосовало за торизм». Другими словами, так как консерваторы, напуганные напором рабочих, научились приспособляться к наиболее отсталым из них, разлагать их, обманывать их, играть на их наиболее темных предрассудках и запугивать их подложными документами, то этим самым тори показывают, что умеют обращаться с людьми, как с людьми!

Английские рабочие организации, самые беспримесные по классовому составу, именно трэд-юнионы, непосредственно на плечах своих подняли рабочую партию. В этом пашли свое выражение глубокие изменения в положении Англии—ослабление ее на мировом рынке, изменение ее экономической структуры, выпадение средних классов, крушение либерализма. Пролетариату нужна классовая партия, он всеми силами стремится ее создать, он давит на трэд-юнионы, он платит политические взносы. Но этому возрастающему напору снизу, с заводов и фабрик, с доков и рудников, противостоит отпор сверху, из области официальной английской политики, с ее национальными традициями «свободолюбия», мирового превосходства, культурного первородства, демократии и протестантского благочестия. Если из всех этих составных элементов приготовить политическую микстуру (для расслабления классового сознания английского пролетариата), то и получится программа фабианства.

Раз Макдональд рабочую партию, открыто опирающуюся на трэд-юнионы, пытается объявить внеклассовой организацией, то тем более внеклассовый характер имеет для него «демократическое» государство английского капитала. Правда, нынешнее государство, управляемое землевладельцами, банкирами, судовладельцами и угольными магнатами, не есть «полная» демократия. В нем остаются еще косякие недочеты: «Демократия и, например (!), неуправляемая народом промышленная система — несовместимые понятия». Другими словами, демократия оказывается с небольшим изъянцем: богатство, созданное нацией, принадлежит не нации, а ничтожному ее меньшинству. Может быть это случайно? Нет, буржуазная демократия есть такая система учреждений и мероприятий, при помощи которых нужды и требо-

вания рабочих масс, продвигаясь вверх, нейтрализуются, искажаются, обезвреживаются или, просто -напросто, сводятся на -нет. Кто говорит, что в Англии, Франции, Соединенных Штатах и других демократиях частная собственность держится волею народа, тот лжет. Никто об этом не спрашивал народ. Трудящиеся рождаются и воспитываются в условиях, не ими созданных. Государственная школа, государственная церковь прививают им понятия, направленные исключительно на поддержание существующего порядка. Парламентская демократия только резюмирует это положение вещей. Партия Макдональда входит в эту систему необходимой составной частью. Когда ход событий—обыкновенно катастрофического характера, как великие экономические потрясения, кризисы, войны—делают для трудящихся общественную систему невыносимой, то у них не оказывается ни возможности, ни желания ввести свое революционное возмущение в каналы капиталистической демократии. Другими словами: когда массы постигают, как долго их обманывали, тогда они совершают революцию. Успешная революция передает им власть, а обладание властью позволяет им строить государственный аппарат, отвечающий их интересам.

Но именно этого-то и не приемлет Макдональд. «Революция в России,—говорит он,—преподала нам великий урок. Она показала, что революция—это разрушение и бедствие и ничего больше». Здесь реакционный фабианец выступает перед нами во всей своей отталкивающей наготе. Революция приводит только к бедствиям! Но ведь английская демократия привела к империалистской войне, и не только в в смысле общей ответственности за войну всех капиталистических государств,—нет, в смысле прямой и непосредственной ответственности английской дипломатии, сознательно и рассчитанно толкавшей Европу к войне. Если бы английская «демократия» заявила, что вмешается в войну на стороне Антанты, Германия и Австро-Венгрия, вероятно, отступили бы. Если бы Англия заявила, что останется нейтральной, отступили бы, вероятно, Франция и Россия. Но британское правительство поступило иначе: оно втайне обещало Антанте поддержку и рассчитанно обманывало Германию возможностью своего нейтралитета. Таким образом, английская «демократия» преднамеренно привела к войне, с

разрушениями которой бедствия революции не могут, конечно, идти и в самое отдаленное сравнение. Но, и помимо этого, какие нужно иметь уши и какой лоб, чтобы перед лицом революции, низвергнувшей царизм, дворянство, буржуазию, пошатнувшей церковь, пробудившей к новой жизни полтораста-миллионный народ, целую семью народов, утверждать, что революция есть бедствие и ничего больше. Макдональд и здесь только повторяет Болдуина. Он не знает и не понимает не только русской революции, но и английской истории. Мы вынуждены ему напомнить то, что напоминали консервативному премьеру. Если в экономической области инициатива до последней четверти прошлого века принадлежала Англии, то в области политической Англия развивалась за последние полтора столетия в значительной мере на помочах европейских и американских революций. И великая французская революция, и июльская революция 1830 г., и революция 48 г., и северо-американская гражданская война 60-х годов, и русская революция 1905 г., и русская революция 1917 г. толкали вперед общественное развитие Англии и запечатлелись в ее истории веками крупнейших законодательных реформ. Без русской революции 1917 г. Макдональд не был бы премьером в 1924 г. Разумеется, этим мы не хотим сказать, что министерство Макдональда было высшим завоеванием Октября. Но, во всяком случае, оно было в значительной мере его побочным продуктом. А еще детские книжки учат нас, что не хорошо, пользуясь желудями, подрывать в то же время дуб.

И затем, какое бессмысленное фабианское высокомерие: так как русская революция преподала «нам» (кому?) урок, то «мы» (кто?) устроимся без революции. Но почему же урок всех предшествующих войн не позволил «вам» обойтись без империалистской войны? Подобно тому, как буржуазия каждую очередную войну называет последней войной, Макдональд русскую революцию хочет назвать последней революцией. Но почему, собственно, английская буржуазия должна делать уступки английскому пролетариату и мирно, без борьбы, отказаться от своей собственности, раз она заранее получила твердое заверение Макдональда, что после опыта русской революции английские социалисты никогда не встанут на путь насилия? Где и когда господствующий класс

уступал власть и собственность в порядке мирного голосования,—да еще такой класс, как английская буржуазия, имеющая за собою века мирового хищничества!

Макдональд против революции, но за органическую эволюцию: он переносит на общество плохо переваренные биологические понятия. Революция для него, как сумма накопленных частичных изменений, уподобляется развитию живых организмов, превращению куколки в бабочку и пр., при чем в этом последнем процессе он игнорирует как раз решающие критические моменты, когда новое существо революционным путем разрывает старую оболочку. Тут же рядом оказывается, что Макдональд «за революцию, подобную той, которая происходила в недрах феодализма, когда назревала промышленная революция». Повидимому, в своем вопиющем невежестве Макдональд воображает, что промышленная революция произошла молекулярно, без потрясений, без бедствий и опустошений. Он просто не знает истории Англии (об истории других стран нечего и говорить) и, прежде всего, не понимает, что промышленная революция, назревавшая уже в недрах феодализма, в виде торгового капитала, привела к реформации, столкнула Стюартов с парламентом, породила гражданскую войну, разорила и опустошила Англию для того, чтобы затем обогатить ее.

Было бы слишком утомительно заниматься здесь истолкованием процесса превращения куколки в бабочку, с целью получения необходимых общественных аналогий. Проще и короче порекомендовать Макдональду поразмыслить над старым сравнением революции с родами. Нельзя ли и здесь, как из русской революции, извлечь «урок»: так как роды не дают «ничего», кроме болей и мучений (младенец не в счет!), то в дальнейшем населению рекомендуется размножаться безболезненными фабианскими способами, прибегая к талантам мистрис Сноуден в качестве повивальной бабки.

Предупреждаем, однако, что это совсем не так просто. Даже цыпленок, оформившийся в яйце, должен применить насилие к замыкающей его известковой тюрьме: если бы какой-либо фабианский цыпленок, по христианским или иным соображениям, решил воздержаться от насильственных действий, известковая оболочка неизбежно задушила бы его. Английские любители голубей, путем искусственного

отбора, достигают особой разновидности, со все более и более коротким клювом. Приходит, однако, момент, когда клюв нового отпрыска оказывается настолько коротким, что бедняга уже неспособен пробить яичную скорлупу: молодой голубь погибает жертвой вынужденного воздержания от насильственных действий, и дальнейший прогресс разновидности короткоклювых останавливается. Если память нам не изменяет, Макдональд может об этом прочитать у Дарвина. Став на излюбленный Макдональдом путь аналогий с органическим миром, можно сказать, что политическое искусство английской буржуазии состоит в том, чтобы укоротить революционный клюв пролетариата и не дать ему, таким образом, прободать оболочку капиталистического государства. Клюв пролетариата — его партия. Если взглянуть на Макдональда, Томаса, мистера и мистрис Сноуден, то придется признать, что работа буржуазии по отбору короткоклювых и мягкоклювых увенчалась поразительным успехом, ибо эти господа не годятся не только на то, чтобы пробить капиталистическую скорлупу, но не годятся вообще ни на что.

Здесь, однако, аналогия прекращается, обнаруживая всю условность такого рода беглых справок в учебниках биологии, вместо изучения условий и путей исторического развития. Человеческое общество хотя и выросло из условий органического и неорганического мира, но представляет такое их сложное и концентрированное сочетание, которое требует самостоятельного познания. Общественный организм отличается от биологического, между прочим, и гораздо большей гибкостью, способностью к перегруппировке элементов, к сознательному (до известной степени) подбору своих орудий и приемов, к сознательному (в известных пределах) использованию опыта прошлого и пр. Голубенок в яйце не может сменить свой слишком короткий клюв и погибает. Рабочий класс, поставленный перед вопросом — быть или не быть, может прогнать Макдональда и мистрис Сноуден и вооружиться клювом революционной партии для разрушения капиталистической системы.

Особенно курьезно выглядит у Макдональда сочетание грубо-биологической теории общества с идеалистически-христианской ненавистью к материализму. — Вы говорите о

революции, о катастрофическом скачке, но взгляните на природу, как разумно поступает гусеница, когда ей надлежит превратиться в куколку, взгляните на эту почтенную черепаху, и вы найдете в ее движении естественный ритм преобразования общества. Учитесь у природы! — И тем же духом Макдональд клеймит материализм — «пошлость, бессмысленное утверждение, в нем нет тонкости духовной и умственной»... Макдональд и — тонкость! Разве это в самом деле не изумительная «тонкость»: искать для коллективной общественной деятельности человека виушений у гусеницы и в то же время требовать для своего личного обихода бессмертной души с комфортабельным загробным существованием?

«Социалистов обвиняют в том, что они поэты. Это правильно, — поясняет Макдональд. — Мы поэты. Нет хорошей политики без поэзии. Вообще, без поэзии нет ничего хорошего». И так далее, в том же стиле. И в заключение: «Больше всего мир нуждается в каком-нибудь политическом и социальном Шекспире». Эта болтовня о поэзии политически может быть не так тлетворна, как разговоры о недопустимости насилия. Но полная духовная бездарность Макдональда здесь выражена, если возможно, еще убедительнее. Трезвый и трусливый крохобор, в котором столько же поэзии, как в квадратном вершке войлока, пытается поразить мир шекспировскими гримасами. Вот уж подлинно где начинаются «обезьяньи штучки», которые Макдональд как-то приписывал большевикам.

Макдональд, как «поэт» фабианства! Политика Сидней Вебба, как художественное творчество! Министерство Томаса, как колониальная поэзия! И, наконец, бюджет мистера Сноудена, как песнь торжествующей любви лондонского Сити!

Болтая о социальном Шекспире, Макдональд проглядел Ленина. Как хорошо — для Макдональда, если не для Шекспира, — что величайший английский поэт творил более трех веков назад: Макдональд имел достаточно времени, чтобы увидеть Шекспира в Шекспире. Он никогда не признал бы его, если бы был его современником. Ведь проглядел же Макдональд — полностью и целиком проглядел — Ленина. Филистерская слепота находит двойное выражение

в беспредметных вздохах по Шекспиру и в игнорировании величайшего современника.

«Социализм заинтересован в искусстве и классиках». Удивительно, как этот «поэт» умеет своим прикосновением опошлять мысли, в которых, самих по себе, нет ничего пошлого. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть вывод: «Даже там, где существует большая бедность и большая безработица, как, к сожалению, в нашей стране, граждане (?) не должны скупиться на приобретение картин и вообще всего, что вызывает восторг и возвышает дух у молодых и старых». Из этого превосходного совета не совсем, однако, ясно, рекомендуется ли приобретение картин самим безработным и предполагается ли соответственное дополнительное ассигнование на их нужды, или же Макдональд советует благородным джентльменам и лэди покупать картины, «несмотря на безработицу», и тем «возвышать свой дух». Надо полагать, что второе объяснение ближе к истине. Но разве же, в таком случае, мы не видим перед собою салонно-либерального протестантского попа, который сперва наговорит слезливых слов насчет бедности и «религии совести», а затем пригласит свою светскую паству не слишком предаваться унынию и продолжать свой прежний образ жизни? Пусть кто хочет верит после этого, что материализм — пошлость, а Макдональд — социальный поэт, тоскующий по Шекспиру. Что касается нас, мы думаем, что, если в мире физическом существует градус абсолютного холода, то в мире духовном должен быть градус абсолютной пошлости, — и это есть идейная температура Макдональда.

Сидней и Беатриса Вебб представляют другую разновидность фабианства. Они привыкли к усидчивой работе, знают цену фактам и цифрам, и это налагает известное ограничение на их расплывчатую мысль. Они не менее скучны, чем Макдональд, но бывают более поучительны, когда не выходят за пределы фактических исследований. В области обобщений они немногим выше Макдональда.

На конгрессе рабочей партии в 1923 году Сидней Вебб напоминал, что основателем британского социализма был не Карл Маркс, а Роберт Оуэн, проповедывавший не классовую борьбу, а освященную временем доктрину братства всего человечества. Сидней Вебб до сих пор считает Джона Стюарта Милля ³⁰⁾ классиком политической экономии и, в соответствии с этим, поучает, что борьба должна вестись не между капиталом и трудом, а между подавляющим большинством нации и присвоителями ренты. Это одно достаточно характеризует теоретический уровень главного экономиста рабочей партии! Исторический процесс идет, как известно, и в Англии не по Веббу. Трэд-юнионы представляют собою организацию наемного труда против капитала. На основе трэд-юнионов выросла рабочая партия и даже сделала Сиднея Вебба министром. Он выполнил свою программу лишь в том смысле, что не вел борьбы против экспроприаторов прибавочной ценности. Но он не вел ее и против присвоителей ренты.

В 1923 году супругами Вебб выпущена книга «Закат капитализма». В основе книга представляет собою отчасти разжиженный, отчасти подновленный пересказ старых комментариев Каутского к Эрфуртской программе. Но зато в «Закате капитализма» политическая тенденция фабианства выражена во всей своей безнадежности, на этот раз наполовину осознанной. Что капиталистическая система должна быть изменена, — говорят супруги Вебб, — в этом нет сомнений (для кого?). Но весь вопрос в том, как она будет изменена. «Можно путем осторожного, вдумчивого приспособления заставить ее постепенно и мирно перейти в новую форму». Для этого нужно немного: добрая воля с обеих сторон. «К несчастью», — повествуют почтенные авторы, — насчет того, как изменить капиталистическую систему, согласие не достигается, ибо «многие» считают, что уничтожение частной собственности равносильно прекращению вращения земли вокруг своей оси. «Но они неправильно понимают сущность положения». Вот как неудачно складывается обстановка. Все могло бы устроиться ко всеобщему удовольствию путем «вдумчивого приспособления», если бы рабочие и капиталисты одинаково понимали, что и как нужно делать. Но так как «пока что» это

не достигнуто, то капиталисты голосуют за консерваторов. А вывод? На этом наши бедные фабианцы сбиваются окончательно, и здесь «закат капитализма» превращается в плачевный «закат фабианства». «До всемирной войны, казалось, было почти общепризнанным, — повествует книжка, — что нынешний общественный строй должен быть постепенно преобразован» в направлении большего равенства и пр. Кем это было признано? Где это было признано? Свой маленький фабианский муравейник эти люди принимают за мир. «Мы думали, быть может ошибочно (!), что это характерное для британцев (!) признание со стороны узкого правящего класса правоты (!) растущих требований «народных масс» будет продолжаться и приведет к мирному преобразованию общества. Но после войны все повернулось вспять: условия жизни рабочих масс ухудшились, нам угрожают восстановлением вето сильной второй палаты (палаты лордов), специально с целью борьбы с дальнейшими уступками рабочим» и пр. Какой же отсюда вывод? В безнадежных поисках вывода супруги Вебб и написали свою книжку. Заключительная ее фраза такова: «В попытке, возможно, тщетной, побудить обе враждующие стороны лучше понять стоящую перед ними проблему, равно как и друг друга... мы и предлагаем эту небольшую книгу». Разве это не великолепно: «небольшая книга» как средство примирить пролетариат с буржуазией! Резюмируем: до войны, «казалось», было общепризнано, что нынешний строй должен быть изменен к лучшему; однако, насчет характера изменения полного согласия не было: капиталисты стояли за частную собственность, рабочие — против; после войны объективное положение ухудшилось, а политическое расхождение еще более обострилось; поэтому супруги Вебб пишут книжку, в надежде склонить обе стороны к примирению; но эта надежда, «возможно, тщетна». Да, возможно, очень возможно. Эти почтенные супруги Вебб, которые так верят в силу убеждения, должны были бы, на наш взгляд, в интересах «постепенности», поставить себе для начала более простую задачу, например: убедить некоторых высокопоставленных христианских негодяев отказаться от монопольной торговли опиумом и отравления миллионов людей на Востоке.

Бедное, жалкое, скудоумное, позорное в своей умственной трудности фабианство!

Пытаться перебрать другие философские разновидности фабианства было бы делом совершенно безнадежным, так как у этой публики «свобода мнений» царит в том смысле, что каждый из лидеров имеет свою собственную философию, которая состоит, в конце концов, из тех же реакционных элементов консерватизма, либерализма, протестантизма, но в несколько другой комбинации. Не так давно мы все очень удивлялись, когда Бернард Шоу³¹⁾, столь остроумный, казалось бы, и столь критический писатель, сообщил нам, что Маркс давно уже превзойден великим трудом Уэльса по всеобщей истории^{*)}. Такие несоизмеримые для всего человечества открытия объясняются тем, что фабианцы в теоретическом отношении представляют собой чрезвычайно замкнутый мирок, глубоко провинциальный, несмотря на то, что проживают в Лондоне. Их философские измышления не нужны, разумеется, ни консерваторам, ни либералам. Еще меньше нужны они рабочему классу, которому они ничего не дают и ничего не объясняют. Эти труды, в конце концов, служат лишь для того, чтобы объяснить самим фабианцам, для чего на свете существует фабианство. Наряду с богословской литературой, это, пожалуй, самый бесполезный и во всяком случае самый скучный вид словесного творчества.

В Англии сейчас в разных областях жизни с известным пренебрежением говорят о людях «викторинской эры», т. е. о деятелях времен королевы Виктории³²⁾. Все сдвинулось с того времени в Англии, но наиболее, пожалуй, сохранился

---

^{*)} Какое, до письма Бернарда Шоу я даже не знал о существовании этой книги. После того я ознакомился с ней, — не могу из добросовестности сказать: прочитал, потому что знакомства с двумя-тремя главами было совершенно достаточно, чтобы прекратить дальнейшую трату времени. Представьте себе полное отсутствие метода, исторической перспективы, понимания взаимозависимости различных сторон общественной жизни, вообще какой бы то ни было научной дисциплины, и вообразите, далее, что отягощенный этими качествами «историк» с беспечным видом человека, совершающего воскресную прогулку, бродит вкравь и вкось по истории нескольких тысячелетий. Это и будет книга Уэльса, которая должна заменить марксистскую школу.

тип фабианца. Пошло-оптимистическая викторинская эпоха, когда казалось, что завтра будет немножко лучше, чем сегодня, а после-завтра еще лучше, чем завтра, нашла свое наиболее законченное выражение в Веббах, Споудене, Макдональде и других фабианцах. Оттого они кажутся таким неуклюжим и ненужным пережитком эпохи, потерпевшей окончательное и бесповоротное крушение. Можно сказать без преувеличения, что фабианское общество, созданное в 1884 году с целью «пробудить общественную совесть», является ныне самой реакционной группировкой Великобритании. Ни консервативные клубы, ни Оксфордский университет, ни английский епископат и прочие поповские учреждения не могут идти с фабианцами ни в какое сравнение. То всё — учреждения враждебных классов, и революционное движение пролетариата неизбежно прорвет их плотину. Но сдерживается пролетариат именно своей руководящей верхушкой, т.-е. фабианскими политиками и их подголосками. Эти напыщенные авторитеты, педанты, высокомерные и высокопарные трусы систематически отравляют рабочее движение, затмевают сознание пролетариата, парализуют его волю. Только благодаря им торизм, либерализм, церковь, монархия, аристократия, буржуазия продолжают держаться и даже чувствовать себя прочно в седле. Фабианцы, независимцы, консервативные бюрократы трэд-юнионов представляют сейчас самую контр-революционную силу Великобритании и, пожалуй, всего мирового развития. Опрокинуть фабианцев значит освободить революционную энергию великобританского пролетариата, значит завоевать для социализма британскую твердьню реакции, значит освободить Индию, Египет и дать могущественный толчок движению и развитию народов Востока. Отрицая насилие, фабианцы верят лишь в могущество «идей». Если выделить из этой плоской и лицемерной философии здоровое зерно, то оно сведется к тому, что ни один режим не может держаться только насилием. Это относится и к режиму британского империализма. В стране, где подавляющее большинство населения состоит из пролетариев, правящая консервативно-либеральная империалистская клика не могла бы держаться и одного дня, если бы имеющиеся у нее в руках насильственные средства не подкреплялись, не дополнялись,

не обволакивались лже-социалистическими идеями, опутывающими и разлагающими пролетариат.

Французские просветители XVIII века видели в католицизме, в клерикализме, в поповстве главного врага и считали, что надо задушить гадину, прежде чем можно будет двинуться вперед. Они были правы в том смысле, что именно поповство, организованный режим суеверий, католическая духовная полиция, стояли на пути буржуазного общества, задерживая развитие науки, искусства, политических идей, экономики. Фабианство, макдональдовщина, пацифизм играют сейчас ту же роль по отношению к историческому движению пролетариата. Это — главная спора британского империализма и европейской, если не мировой буржуазии. Надо во что бы то ни стало показать рабочим в натуральном виде этих самодовольных педантов, болтливых эклектиков, сентиментальных карьеристов, выездных ливрейных лакеев буржуазии. Показать их, как они есть, значит безнадежно дискредитировать их. Дискредитировать их значит оказать величайшую услугу историческому прогрессу. В тот день, когда английский пролетариат очистится от духовной мерзости фабианства, человечество, прежде всего европейское, станет сразу выше на целую голову.

V.

ВОПРОС О РЕВОЛЮЦИОННОМ НАСИЛИИ.

ПОПУЛЯРНО ИЗЛОЖЕННЫЙ, ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОНИМАНИЮ НЕ ТОЛЬКО
НАИБОЛЕЕ ОТСТАЛЫХ РАБОЧИХ, НО ДАЖЕ НЕКОТОРЫХ МЕНЕЕ БЕЗНАДЕЖНЫХ
ЛИДЕРОВ.

Мы познакомились со взглядами Макдональда на революционное насилие. Они оказались развитием консервативной теории постепенности мистера Болдуина. Более курьезный, хотя и более искренний характер имеет отрицание насилия со стороны «левого» Ленсбери. Этот последний, видите ли, просто-напросто «не зрится» в насилие. Он «не верит» ни в капиталистические армии, ни в вооруженные восстания. Если бы он верил в насилие, он не голосовал бы, по его словам, за британский флот, а примкнул бы к коммунистам. Вот какой храбрый! То, что Ленсбери, не веря в насилие, верит в загробный мир, делает, конечно, сомнительную честь его реалистической проницательности. Тем не менее, с позволения г. Ленсбери, кое-какие факты на земле произошли при помощи насилия. Верит или не верит Ленсбери в английский военный флот,—индусы знают, что этот флот существует. В апреле 1919 года английский генерал Дайер (Dyer) приказал, без предварительного предупреждения, стрелять в безоружное индусское собрание в Амритсаре, в результате чего убито было 450 человек, ранено 1500. Если оставить в покое убитых, то о раненых во всяком случае придется сказать, что они не могли «не верить» в насилие. Но даже и в качестве верующего христианина Ленсбери должен был бы сообразить, что если бы в свое время продувные бестии еврейского духовенства, совместно с трусли-

вым римским проконсулом Пилатом, политическим предком Макональда, не применили насилия к Христу, не было бы ни приятия мученического венца, ни воскресения, ни вознесения, и сам г. Ленсбери не имел бы случая родиться благочестивым христианином и стать плохим социалистом. Не верить в насилие то же самое, что не верить в тяготение. Вся жизнь построена на различных формах насилия, на противопоставлении одного насилия другому, и отказываться от освободительного насилия значит поддерживать угнетательское насилие, которое правит ныне миром.

Мы чувствуем, однако, что беглыми замечаниями здесь ничего поделать нельзя. Вопрос о насилии и его «отрицание» со стороны господ пацифистов, христианских социалистов и пр. ханжей занимает такое большое место в английской политике, что требует здесь особого и детального рассмотрения, применительно к политическому уровню нынешних «вождей» британской рабочей партии, при чем мы заранее извиняемся перед остальными читателями за этот уровень.

Что собственно значит отрицать всякое насилие? Если, скажем, в квартиру мистера Ленсбери заберется вор, то мы очень опасаемся, что этот благочестивый джентльмен (мы говорим о хозяине квартиры) применит насилие или пригласит для этого ближайшего полицейского. Если даже в своем христианском милосердии Ленсбери отпустит вора с миром,—в чем мы вовсе не уверены,—то лишь под само собой разумеющимся условием немедленно покинуть квартиру. Притом роскошь такого христианского жеста почтенный джентльмен сможет позволить себе лишь потому, что его квартира состоит под покровительством британских законов о собственности и их многочисленных аргусов, так что, вообще говоря, почные визиты воров составляют скорее исключение, чем правило. Если Ленсбери попытается ответить нам, что вторжение в почтенную частную христианскую квартиру есть насилие и этим вызывает необходимость отпора, то мы скажем ему, что такое рассуждение есть отказ от отрицания насилия вообще, наоборот, есть его принципиальное и практическое признание и может быть целиком перенесено на классовую борьбу, где повседневные вторжения вора-капитала в жизнь и труд пролетариата и похищения прибавочной стоимости вполне оправдывают отпор. Ленс-

бери может быть ответит нам, что под насилием он понимает не все вообще меры принуждения, без которых наша великолепная общественная жизнь не может обойтись, а лишь нарушение шестой заповеди, которая установила: «не убий». В обоснование такой постановки вопроса можно привести много напыщенных фраз насчет святости человеческой жизни. Но нам и здесь придется на языке евангельских притч, наиболее доступном руководителям британского социализма, спросить, как поступит мистер Ленсбери в случае, если на его глазах разбойник занесет дубину над детьми и если для спасения их не будет другого средства, как немедленный и меткий выстрел из револьвера. Если наш предполагаемый собеседник не захочет заниматься совершенно уж низкопробными софизмами, то он ответит, пожалуй, для своего облегчения, что наш пример имеет слишком исключительный характер. Но этот ответ будет лишь означать, опять-таки, что свое право на применение в соответствующих обстоятельствах убийства Ленсбери передоверил своей полиции, этой специализованной организации насилия, которая и избавляет его в большинстве случаев от необходимости применять револьвер и даже размышлять о его практическом назначении.

Но как быть, спросим мы, если вооруженные штрейкбрехеры избивают или убивают стачечников? Такие случаи в Америке совершенно обычны, да и в других странах не составляют исключения. Рабочие не могут передоверить полиции свое право на отпор штрейкбрехерам, потому что полиция во всех странах защищает право штрейкбрехеров избивать и убивать стачечников, на которых закон о святости человеческой жизни, как известно, не распространяется. Мы спрашиваем: имеют ли право стачечники пустить в ход палки, камни, револьверы, бомбы против фашистов, банд ку-клукс-клана и пр. наемных негодяев капитала? Вот маленький вопросец, на который мы просили бы ясного и точного, отнюдь не уклончиво-ханжеского ответа. Если Ленсбери скажет нам, что задачей социализма является дать народным массам такое воспитание, чтобы фашисты не были фашистами, негодяи—негодьями и пр., то это и будет чистейшее ханжество. Что целью социализма является устранение насилия, сперва в его наиболее грубых и кровавых формах,

а затем в других, более скрытых,—это совершенно бесспорно. Но речь идет у нас не о нравах и морали будущего коммунистического общества, а о конкретных путях и способах борьбы с капиталистическим насилием. Когда фашисты дезорганизуют стачку, захватывают редакцию газеты, кассу, избивают или убивают рабочих депутатов, а полиция окружает громил кольцом неприкосновенности, тогда лишь самый растленный лицемер мог бы советовать рабочим не отвечать ударом на удар под тем предлогом, что в коммунистическом строе не будет места насилию. Разумеется, в каждом данном случае надо решать, в зависимости от всей обстановки, как отвечать на насилие врага и до какой черты доходить в своем отпоре. Но это—вопрос тактической целесообразности, который не имеет ничего общего с принципиальным признанием или отрицанием насилия.

Что такое собственно насилие? Где оно начинается? Где допустимые и целесообразные коллективные действия массы переходят в насилие? Мы очень сомневаемся, чтобы Ленсбери или кто другой из пацифистов был способен дать ответ на этот вопрос, если он не ограничится простой ссылкой на уголовный кодекс, где указано, что дозволено и что недозволено. Классовая борьба есть постоянная цепь открытых или замаскированных насилий, которые «регулируются» в той или в другой степени государством, представляющим, в свою очередь, организованный аппарат насилия сильнейшего из противников, т.-е. господствующего класса. Есть ли стачка—насилие? Было время, когда стачки были запрещены, и каждая стачка почти неизбежно связана была с физическими столкновениями. Затем, вследствие развития стачечной борьбы, т.-е. вследствие насилия масс над законом или, точнее, вследствие постоянных ударов массы по законному насилию, стачки были легализованы. Значит ли это, что Ленсбери считает только мирные, «легальные», т.-е. разрешенные буржуазией, стачки допустимым средством борьбы? Но если бы рабочие не устраивали стачек в начале XIX столетия, английская буржуазия не легализовала бы их в 1824 году. Если же допустить стачечную форму применения силы или насилия, то надо брать на себя все последствия, в том числе и оборону стачек от штрейкбрехеров при помощи мер целесообразного контр-насилия.

Далее, если допустимы стачки рабочих против капиталистов или отдельных капиталистических групп, то откажется ли Ленсбери признать недопустимой всеобщую стачку рабочих против фашистского правительства, которое подавляет рабочие союзы, разрушает рабочую прессу, наводит ряды рабочих провокаторами и убийцами? Опять-таки, всеобщая стачка может быть применена не в любой день и час, а лишь в определенных конкретных условиях. Но это—вопрос стратегической целесообразности, а не общей «моральной» оценки. Что же касается всеобщей стачки, как одного из наиболее решительных средств борьбы, то вряд ли Ленсбери, как и все его единомышленники, вместе взятые, придумают другое средство, которое пролетариат мог бы применять для достижения решительной цели. Не падет же Ленсбери на самом деле так низко, чтобы рекомендовать рабочим ждать, пока дух братолюбия не овладеет сердцами, скажем, итальянских фашистов, кстати сказать в значительной своей части весьма благочестивых католиков. Если же признать, что пролетариат не только имеет право, но обязан готовиться ко всеобщей стачке против фашистского режима, то нужно из этого признания сделать все дальнейшие выводы. Всеобщая стачка, если это не простая демонстрация, означает чрезвычайное потрясение общества и, во всяком случае, ставит на карту судьбу политического режима и репутацию силы революционного класса. Предпринимать всеобщую стачку можно только при готовности рабочего класса и, прежде всего, его авангарда довести борьбу до конца. Но ведь и фашизм не собирается сдаваться перед лицом какой-либо мирной стачечной манифестации. В случае реальной и непосредственной опасности фашисты приведут в движение все свои силы, пустят в ход провокацию, убийства, поджоги в небывалом масштабе. Спрашивается: допустимо ли руководителям всеобщей стачки создать свои дружины для обороны стачечников от насилия, для обезоружения и рассеяния фашистских банд? И так как никому не удалось, по крайней мере, на нашей памяти, разоружать разъяренных врагов при помощи религиозных гимнов, то придется, очевидно, революционные отряды вооружать револьверами и ручными гранатами—до того момента, как им удастся овладеть винтовками, пулеметами и пушками. Или же, может быть, на

этой черте и начинается область недопустимого насилия? Но тогда мы окончательно запутываемся в нелепых и постыдных противоречиях. Всеобщая стачка, которая не охраняет себя от насилия и разгрома, есть демонстрация трусости и обречена на поражение. Только сумасшедший или изменник будет призывать к борьбе при таких условиях. «Безоружная» стачечная борьба, по логике отношений, которые от Ленсбери не зависят, вызывает вооруженные конфликты. В экономических стачках это бывает сплошь да рядом, в революционной политической стачке это абсолютно неизбежно, поскольку стачка имеет задачей низвержение данной власти. Кто отказывается от насилия, должен отказаться вообще от борьбы, т.-е. должен на деле встать в ряды сторонников торжествующего насилия господствующих классов.

Но дело этим не ограничивается. Ведь предположенная нами всеобщая стачка имеет своей целью опрокинуть фашистскую власть. Достигнуть этого можно лишь одержав верх над ее вооруженными силами. Здесь мыслимы, опять-таки, два пути: прямая военная победа над силами реакции или привлечение этих сил на сторону революции. В чистом виде ни один из этих путей неосуществим. Революционное восстание одерживает победу в том случае, когда ему удается разбить наиболее твердые, решительные и надежные отряды реакции и привлечь на свою сторону остальные вооруженные силы режима. Достигнуть этого можно, опять-таки, лишь при том условии, если колеблющиеся правительственные войска убеждаются, что рабочие массы не просто демонстрируют свое недовольство, а твердо решились на этот раз во что бы то ни стало низвергнуть правительство, не останавливаясь перед самыми беспощадными мерами борьбы. Только такого рода впечатление колеблющихся войск способно перебросить их на сторону народа. Чем более выжидательной, колеблющейся, уклончивой будет политика руководителей всеобщей стачки, тем меньше будет колебаний в войсках, тем тверже они будут поддерживать существующую власть, тем больше шансов у этой последней выйти победительницей из кризиса, чтобы затем обрушить все скорпионы кровавых репрессий на голову рабочего класса. Другими словами, раз рабочий класс вынужден для своего освобождения прибегнуть ко всеобщей политической

стачке, он должен заранее отдавать себе отчет, в том, что стачка неизбежно породит частные и общие, вооруженные и полувооруженные конфликты; он должен заранее отдавать себе отчет в том, что стачка не будет отброшена назад только в том случае, если он сразу же сможет дать необходимый отпор штрейкбрехерам, провокаторам, фашистам и пр.; он должен заранее предвидеть, что правительство, о судьбе которого идет речь, неизбежно, в тот или другой момент борьбы, выведет на улицы свою вооруженную силу, и что от исхода столкновения революционных масс с этой вооруженной силой будет зависеть судьба существующего режима, а следовательно, и судьба пролетариата. Рабочие должны заранее употребить все меры, чтобы привлечь солдат на сторону народа путем предварительной агитации; но в то же время они должны заранее предвидеть, что у правительства всегда останется достаточное число надежных или полун надежных солдат, которых оно сможет вывести для подавления восстания и, следовательно, в последнем счете вопрос придется решать вооруженным столкновением, к которому надо готовиться со всей планомерностью и которое надо проводить со всей революционной решительностью.

Только высшая решимость в революционной борьбе способна выбить оружие из рук реакции, сократить период гражданской войны, уменьшить число ее жертв. Если не идти на это, тогда вообще не нужно братья за оружие; если не братья за оружие—нельзя устраивать всеобщую стачку; если отказываться от всеобщей стачки—нельзя думать о серьезной борьбе. Тогда остается только воспитывать рабочих в духе полной протрации, чем и без того занимаются официальная школа, правящие партии, попы всех церквей и... социалистические проповедники недопустимости насилия.

Но замечательно вот что: подобно тому, как философские идеалисты в практической жизни питаются хлебом, мясом, вообще презренной матерней, и, не полагаясь на бессмертную душу, стараются не попасть под автомобиль, так и господа пацифисты, бессильные противники насилия, правственные «идеалисты», во всех тех случаях, где это входит в круг их непосредственных интересов, апеллируют к политическому насилию и прямо или косвенно пользуются им.

Так как мистер Ленсбери не лишен, повидимому, некоторого подобия темперамента, то такие приключения случаются с ним чаще, чем с другими. В парламентских прениях по поводу безработных (заседание палаты общин 9 марта) Ленсбери напомнил, что закон о страховании от безработицы в нынешнем его виде был введен в 1920 году «не столько для того, чтобы обеспечить жизнь рабочих и их семей, сколько, как сказал недавно лорд Дерби, для того, чтобы предупредить революцию. В 1920 году,—продолжал Ленсбери,—все рабочие, служившие в армии, были включены в число застрахованных, потому что правительство не было в то время достаточно уверено в том, не повернут ли они свои ружья в таком направлении, которое правительству отнюдь нежелательно» («Таймс», 10 марта 1925 г.). После этих слов парламентский отчет отмечает: «одобрения на скамьях оппозиции», т.-е. рабочей партии, и крики «ого!» на министерских скамьях. Ленсбери не верит в революционное насилие. Но он тем не менее признает, вслед за лордом Дерби, что страх перед революционным насилием породил закон о государственном страховании безработных. Против попыток отменить этот закон Ленсбери ведет борьбу; он верит, следовательно, что закон, порожденный страхом перед революционным насилием, приносит известную пользу рабочему классу. Но этим самым почти-что математически доказана польза революционного насилия. Ибо, с позволения Ленсбери, если бы не было насилия, то не было бы и страха перед ним. Если бы не было реальной возможности (и необходимости) в известных случаях повернуть ружья против правительства, то у правительства не было бы основания бояться этого. Следовательно, так называемое неверие Ленсбери в насилие есть чистейшее недоразумение. На деле он пользуется этим насилием, по крайней мере, в виде аргумента, каждый день. Еще больше он пользуется на практике завоеваниями революционного насилия прошлых десятилетий и веков. Он отказывается только сводить в своих мыслях концы с концами. Он отказывается от революционного насилия для захвата власти, т.-е. для полного освобождения пролетариата. Но он прекрасно уживается с насилием и пользуется им в той борьбе, которая не выходит за рамки буржуазного общества. Мистер Ленсбери за розничное на-

силie против оптового. Он похож на такого вегетарианца, который смиренно мирился бы с мясом уток и кроликов, но со священным негодованием отказывался бы от убоя крупных животных.

Мы предвидим, однако, что мистер Ленсбери, или его более дипломатические и более лицемерные единомышленники возразят нам: да, против фашистского режима, вообще против деспотического правительства, насилие может быть, в конце концов, не спорим, пожалуй, так сказать, до известной степени и допустимо; но оно совершенно недопустимо в режиме демократии. Мы, с своей стороны, сейчас же регистрируем это возражение, как сдачу принципиальной позиции, ибо речь у нас первоначально шла не о том, при каких политических условиях насилие допустимо или целесообразно, а о том, допустимо ли оно вообще с некоторой отвлеченной гуманитарно-христиански-социалистической точки зрения.

Когда нам говорят, что революционное насилие недопустимо лишь в режиме политической демократии, то этим весь вопрос переносится в другую плоскость. Это не значит, однако, что демократические противники насилия глубже и умнее христиански-гуманитарных. Мы сейчас без труда убедимся, что это не так.

В самом деле: верно ли, будто вопрос о целесообразности и допустимости революционного насилия решается в зависимости от большей или меньшей демократичности формы господства буржуазии? Такая постановка целиком опровергается историческим опытом. Борьба между революционным направлением и мирным, легалистским, реформистским внутри рабочего движения вовсе не начинается с момента установления республики или введения всеобщего избирательного права. В эпоху чартизма и вплоть до 1868 г. рабочие в Англии были начисто лишены избирательного права, т.е. основного орудия «мирного» развития. Между тем, чартистское движение было расколото между сторонниками физической силы, за которыми шла масса, и сторонниками моральной силы, преимущественно из мелко-буржуазных интеллигентов и рабочих-аристократов. В гоген-

цоллернской Германии, при бессильном парламенте, внутри социал-демократии шла борьба между сторонниками парламентских реформ и проповедниками революционной всеобщей стачки. Наконец, даже в царской России, при режиме 3-го июня, меньшевики ликвидировали революционные методы борьбы под лозунгом борьбы за легальность. Таким образом, ссылка на буржуазную республику или всеобщее избирательное право, как на основной реформистский и легалистский довод, есть продукт теоретической ограниченности, короткой памяти или прямого лицемерия. По существу дела, легалистский реформизм означает преклонение рабов перед учреждениями и законами рабовладельцев. Входит ли в число этих учреждений всеобщее избирательное право или нет, увенчаны ли они королем или президентом — это уже для оппортуниста вопрос второго порядка. Он всегда стоит на коленях перед идолом буржуазного государства и согласен пройти к своему «идеалу» не иначе, как через построенные для него буржуазией ослепные ворота. Ворота же построены так, что пройти через них невозможно.

Что такое политическая демократия и где она начинается? Другими словами, где, через какие страны проведена запретная для насилия черта? Можно ли, например, назвать демократией государство, в котором имеется монархия и аристократическая палата? Допустимо ли применять революционные методы для низвержения этих учреждений? На это будет, пожалуй, отвечено, что английская палата общин достаточно могущественна для того, чтобы, если найдет нужным, упразднить королевскую власть и палату лордов, так что у рабочего класса имеется мирный путь для завершения демократического режима в своей стране. Допустим на минуту. Но как обстоит дело с самой палатой общин? Действительно ли это учреждение может быть названо демократическим, хотя бы только с формальной точки зрения? Ни в малейшей степени. Значительные группы населения фактически лишены избирательного права. Женщины имеют голос только с 30 лет, мужчины только с 21 года. Понижение возрастного ценза, с точки зрения рабочего класса, в среде которого трудовую жизнь начинают рано, является элементарным требованием демократии.

А, сверх того, избирательные округа в Англии распределены таким вероломным образом, что на одного рабочего депутата приходится в два раза больше голосов, чем на одного консервативного. Отодвигая вверх возрастной ценз, английский парламент изгоняет активную молодежь обоего пола, вручая судьбы страны преимущественно старшим, более утомленным жизнью поколениям, которые глядят больше под ноги, чем вперед. В этом — смысл высокого возрастного ценза. Циничная геометрия избирательных округов дает консервативному голосу такой же вес, как двум рабочим голосам. Таким образом, нынешний английский парламент представляет самое вопиющее издевательство над народной волей, понимаемой даже в буржуазно-демократическом смысле. Имеет ли право рабочий класс, даже оставаясь на почве принципов демократии, властно потребовать от нынешней привилегированной и по существу узурпаторской палаты общин, чтобы она немедленно ввела действительно демократическое избирательное право? А если парламент ответит на это отказом, что, как мы полагаем, неизбежно, ибо только на днях правительство Болдуина отказалось уравнивать женщин с мужчинами в отношении возрастного ценза, — будет ли в таком случае пролетариат иметь «право» посредством, скажем, всеобщей стачки добиваться от узурпаторского парламента осуществления демократического избирательного права?

Если допустить далее, что палата общин, нынешняя, узурпаторская, или более демократическая, постановила бы упразднить королевскую власть и палату лордов, — на что нет никакой надежды, — это еще вовсе не значило бы, что реакционные классы, оказавшись в парламенте в меньшинстве, безоговорочно подчинятся такому решению. Мы видели совсем недавно, как ульстерские реакционеры встали на путь открытой гражданской войны под руководством лорда Карссона, когда они разошлись во мнении с британским парламентом по вопросу о государственном устройстве Ирландии, при чем английские консерваторы открыто поддерживали ульстерских мятежников³³). Но, скажут нам, в таком случае это будет со стороны привилегированных классов открытым восстанием против демократического парламента, и, разумеется, такой мятеж должен быть усми-

рен при помощи государственного насилия. Мы записываем и это признание, но потребуем тут, чтобы из него были сделаны кое-какие практические выводы.

Допустим на минуту, что на ближайших выборах в парламент проходит рабочее большинство, которое легальнейшим образом постановляет для начала безвозмездно передать земли лэнд-лордов фермерам и хроническим безработным, ввести высокий налог на капитал, уничтожить королевскую власть, палату лордов и некоторые другие непристойные учреждения. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что имущие классы не сдадутся без боя, тем более, что весь полицейский, судебный и военный аппарат целиком в их руках. В истории Англии был уже один случай гражданской войны, когда король опирался на меньшинство общин и большинство лордов против большинства общин и меньшинства лордов. Дело было в сороковых годах XVII столетия. Только идиот — мы это повторяем, — только жалкий идиот может серьезно воображать, что повторение такого рода гражданской войны (на новых классовых основах) невозможно в XX столетии, вследствие очевидных успехов за последние три века христианского мирозерпаяния, гуманитарных чувств, демократических тенденций и всех других превосходных вещей. Тот же пример Ульстера показывает, что имущие классы не шутят, когда парламент, их же собственный, оказывается вынужден хотя бы частично ущемить их привилегированное положение. Готовясь к овладению властью, нужно, следовательно, готовиться и ко всем последствиям, вытекающим из неизбежного сопротивления имущих классов. Нужно твердо понять: если бы в Англии к власти пришло, хотя бы и архи-демократическим путем, действительное рабочее правительство, гражданская война оказалась бы неизбежной. Рабочее правительство было бы вынуждено подавить сопротивление привилегированных классов. Сделать это средствами старого государственного аппарата, старой полиции, старых судов, старой милиции было бы невозможно. Парламентским путем созданное рабочее правительство было бы вынуждено строить для себя новые революционные органы, опираясь на профессиональные союзы и вообще на рабочие организации. Это привело бы к чрезвычайному росту активности

и самостоятельности рабочих масс. На почве непосредственной борьбы с эксплуататорскими классами трэд-юнионы активно сблизились бы между собою, не только на верхушке, но и в низах, и пришли бы к необходимости создания местных делегатских собраний, т.-е. советов рабочих депутатов. Действительно рабочее правительство, т.-е. правительство, до конца преданное интересам пролетариата, оказалось бы таким образом вынуждено разбить старый государственный аппарат, как орудие имущих классов, и противопоставить ему аппарат рабочих советов. Это значит, что демократическое происхождение рабочего правительства — если бы даже оно оказалось возможным — привело бы к необходимости противопоставить революционную классовую силу реакционному сопротивлению.

Выше мы показали, что нынешний английский парламент представляет чудовищное искажение принципов буржуазной демократии, и что без применения революционного насилия вряд ли можно добиться в Англии хотя бы только честного распределения избирательных округов, отмены монархии и палаты лордов. Но допустим на минуту, что эти требования тем или другим путем осуществлены. Значит ли это, что мы будем иметь в Лондоне действительно демократический парламент? Ни в каком случае. Лондонский парламент есть парламент рабовладельцев. Представляя хотя бы и идеальнейшим формально-демократическим способом сотрoкамиллионный народ, английский парламент издает законы для тристамиллионного населения Индии и распоряжается денежными средствами, которые получают благодаря господству Англии над колониями. Население Индии не участвует в издании законов, которые определяют его судьбу. Английская демократия подобна афинской в том смысле, что равенство демократических прав (на самом деле не существующее) касается только «свободнорожденных» и опирается на бесправие «низших» наций. На каждого жителя британских островов приходится около девяти колониальных рабов. Даже если считать, что революционное насилие недопустимо в демократии, то этот принцип ни в каком случае не распространяется на народы Индии, которые восстают не против демократии, а против угнетающей их деспотии. Но в таком случае и англичанин,

если он действительно демократ, не может признать обязательной демократической силы за британскими законами, касающимися Индии, Египта и пр. А так как на эти законы опирается вся общественная жизнь самой Англии, как колониальной державы, то очевидно, что вся вообще деятельность вестминстерского парламента ⁸⁴⁾, как средоточия хищнической колониальной державы, антидемократична в самых своих основах. С последовательно демократической точки зрения пришлось бы сказать: до тех пор, пока индусам, египтянам и пр. не будет предоставлена полная свобода самоопределения, т.е. свобода отделения, или пока в общеимперский парламент индусы, египтяне и пр. не пошлют своих представителей на равных с англичанами правах, не только индусы и египтяне, но и английские демократы имеют право на восстание против хищнического правительства, созданного парламентом, представляющим ничтожное меньшинство населения британской империи. Вот как, следовательно, обстоит для Англии дело, если подойти к вопросу о применении насилия только с демократическим критерием, но уж доведенным до конца.

Отрицание английскими социал-реформистами права угнетенных масс на насилие есть постыдный отказ от демократии, есть презренная поддержка империалистской диктатуры ничтожного меньшинства над сотнями миллионов поработанных. Прежде, чем поучать коммунистов о святости демократии и обличать советскую власть, г. Макдональду следовало бы привести в опрятное состояние свой собственный нос!

★

Мы рассмотрели сперва вопрос о насилии с «гуманитарной», христианской, поповской точки зрения и убедились, что социал-пацифисты, ища выход из безвыходных противоречий, вынуждены фактически сдать свою позицию и признать, что за порогом демократии революционное насилие допустимо. Мы показали дальше, что отрицателям насилия так же трудно опираться на демократическую точку зрения, как и на христианскую. Другими словами, мы обнаружили полную несостоятельность, лживость, ханжество социал-пацифизма, ставши на его собственную основу.

Но это вовсе не значит, что мы готовы признать эту основу. При решении вопроса о революционном насилии парламентски-демократический принцип вовсе не является для нас высшей инстанцией. Не человечество для демократии, а демократия, как одно из вспомогательных орудий на путях развития человечества. Там, где буржуазная демократия превращается в препятствие, она подлежит разрушению. Переход от капитализма к социализму вытекает вовсе не из формальных демократических принципов, возвышающихся над обществом, а из материальных условий развития самого общества: из роста производительных сил, из безвыходных капиталистических противоречий, внутренних и международных, из обострения борьбы между пролетариатом и буржуазией. Научный анализ всего исторического процесса и собственный политический опыт нашего поколения, включающий в свой состав империалистическую войну, одинаково свидетельствуют, что без перехода к социализму всей нашей культуре грозит загнивание и разложение. Совершить переход к социализму может только пролетариат, руководимый своим революционным авангардом и ведущий за собой все трудящиеся и угнетенные массы, как метрополий, так и колоний. Высшим критерием нашим во всей нашей деятельности, во всех наших политических решениях являются интересы революционной борьбы пролетариата за овладение властью и перестройку общества. Мы считаем реакционным педанством судить движение пролетариата с точки зрения отвлеченных принципов и юридических параграфов демократии. Мы считаем единственно правильным судить демократию с точки зрения исторических интересов пролетариата. Не об ореховой скорлупе идет дело, а об ядре ореха. Чистейшим тупоумием звучат разговоры господ фабианцев насчет недопустимости «узко-классовой» точки зрения. Коренные задачи общественного развития, осуществляемые пролетариатом, они хотят подчинить школьной указке педантов. Под именем общечеловеческой солидарности они разумеют эклектическую мешанину, которая отвечает узко-классовому кругу зору мелкого буржуа. Между своей собственностью и революционным пролетариатом буржуазия ставит ширмы демократии. Социалистические педанты говорят рабочим:

надо овладеть средствами производства, но предварительно надо добиться, чтобы в этих ширмах были законодательным путем проделаны необходимые пути и каналы. А нельзя ли опрокинуть ширмы? Ни в каком случае. Почему? Потому что, если бы мы этим путем и спасли общество, то зато мы нарушили бы ту сложную систему государственного насилия и обмана, которую буржуазия научила нас считать священной демократией.

Вытесненные из двух первых позиций, противники насилия могут занять третью линию окопов. Они могут согласиться отбросить прочь христианскую мистику и демократическую метафизику и попытаться защищать реформистски-демократический, мирный, парламентский путь соображениями голой политической целесообразности. Некоторые из них могут сказать, примерно, так: конечно, учение Христа не предусматривает того, как выйти из противоречий британского капитализма; равным образом, и демократия не есть священное учреждение, а лишь временный и служебный продукт исторического развития; но почему же рабочему классу не воспользоваться демократическим парламентом, его методами, приемами, законодательным аппаратом для фактического овладения властью и для перестройки общества? Ведь это же совершенно естественный и по всем данным более экономный путь для совершения социалистической революции.

Мы, коммунисты, ни в каком случае не склонны давать английскому пролетариату совет повернуться спиной к парламенту. Наоборот, когда отдельные английские коммунисты обнаруживали такую тенденцию, они встречали отпор с нашей стороны на международных конгрессах. Таким образом, вопрос идет не о том, нужно ли вообще использовать парламентский путь, а о том, какое место парламент занимает в развитии общества; о том, где силы классов, в парламенте или вне парламента; о том, в какой форме и на каком поле эти силы столкнутся; о том, можно ли из парламента, созданного капитализмом в интересах развития и охраны его, сделать рычаг для ниспровержения капитализма?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо попытаться хоть с некоторой степенью конкретности представить себе, ка-

ким путем пойдет дальнейшее политическое развитие Англии. Разумеется, всякие такого рода попытки заглянуть вперед могут иметь лишь условный, ориентировочный характер. Но без таких попыток мы были бы обречены бродить впотьмах.

Нынешнее правительство имеет в парламенте прочное большинство. Не исключено, следовательно, что оно продержится у власти три-четыре года, хотя срок его жизни может оказаться и короче. В течение этого периода консервативное правительство, начавшее с «соглашательских» речей Болдуина, будет обнаруживать, что оно призвано, в конце концов, консервировать все противоречия и язвы послевоенной Англии. Насчет самой грозной из этих язв, хронической безработицы, сама консервативная партия не делает себе никаких иллюзий. На серьезное развитие экспорта надеяться нельзя. Конкуренция Америки и Японии возрастает, германская промышленность оживает. Франция экспортирует при помощи падающей валюты. Болдуин заявляет, что политики не могут принести облегчения промышленности; она должна найти его внутри себя самой. Новые усилия для восстановления золотого обращения означают новые жертвы со стороны населения и, следовательно, промышленности, что предвещает дальнейшее нарастание недовольства и тревоги. Радикализация английского рабочего класса пойдет полным ходом. Все это будет подготавливать пришествие к власти рабочей партии. Но мы имеем все основания опасаться или, вернее, надеяться, что этот процесс причинит много неудовольствия не только Болдуину, но и Макдональду. Можно ждать прежде всего возрастания числа промышленных конфликтов, а рядом с этим—повышения нажима рабочих масс на свое парламентское представительство. И то и другое не может быть по душе лидерам, которые аплодируют соглашательским речам Болдуина и выражают свою скорбь по умершем Керзоне. Внутренняя жизнь парламентской фракции, как и ее положение в парламенте, будет при этом становиться все труднее. С другой стороны, не может быть никакого сомнения в том, что капиталистический тигр скоро перестанет мурлыкать о постепенности и начнет показывать когти. Удастся ли Макдональду сохранить в этих условиях свое

лидерство до новых выборов? Другими словами: можно ли ждать полевения партийного руководства уже теперь, во время оппозиционного состояния партии? Вопрос этот не имеет, конечно, решающего значения, и ответ на него может иметь лишь гадательный характер. Во всяком случае, можно и должно ждать дальнейшего обострения отношений между правым и так называемым «левым» крылом рабочей партии и, что гораздо важнее, усиления революционных тенденций в массах. Имущие классы станут с возрастающей тревогой следить за тем, что происходит в рядах рабочего класса, и начнут задолго готовиться к выборам. Избирательная кампания должна в таких условиях получить чрезвычайно напряженный характер. Последние выборы, где фигурировал поддельный документ, пущенный по знаку из центра через всю буржуазную печать и все собрания, являются только слабым предвестником будущих выборов.

Результат выборов, если не предполагать, что они развернутся непосредственно в гражданскую войну (а это, вообще говоря, не исключено), может быть тройкий: либо к власти снова вернутся консерваторы, но с сильно урезанным большинством; либо ни одна из партий не будет иметь абсолютного большинства, и возобновится парламентская обстановка прошлого года, только в гораздо менее пригодных для соглашения политических условиях; либо, наконец, абсолютное большинство перейдет к рабочей партии.

В случае новой победы консерваторов возмущение и нетерпение рабочих неизбежно обострится. Вопрос об избирательной механике с ее мошенической геометрией избирательных округов неизбежно встанет со всей остротой. Требование нового, более демократического парламента должно будет прозвучать с большой силой. На время это может быть задержит до известной степени внутреннюю борьбу в рабочей партии, создавая, однако, более благоприятные условия для революционных элементов. Пойдут ли консерваторы на мирную уступку в вопросе, который может стать для них вопросом судьбы? Мало вероятно. Наоборот, раз вопрос о власти встанет остро, консерваторы попытаются расколоть рабочих, опираясь на Томасов наверху и на тех тред-юнионистов, которые отказываются от уплаты политических взносов, внизу. Отнюдь не исключена

попытка со стороны консервативного правительства вызвать отдельные столкновения, чтобы раздавить их силой, запустить руководящих рабочей партией либеральных филистеров и отбросить движение назад. Может ли этот план удался? Такая возможность не исключена. Поскольку руководители рабочей партии ведут ее с закрытыми глазами, без перспектив, без понимания общественных реальностей, они облегчают консерваторам возможность нанести движению удар на следующем, более высоком этапе. Такой вариант заключал бы в себе временное более или менее серьезное поражение рабочего класса, но не имел бы, конечно, ничего общего с мирным парламентским путем, который мнится соглашателям. Наоборот, такого рода поражение подготовило бы возобновление классовой борьбы на следующем этапе, в более решительных революционных формах и, следовательно, под новым руководством.

Если бы после ближайших выборов ни одна из партий не имела большинства, парламент впал бы в проstration. Повторение рабоче-либеральной коалиции вряд ли могло бы иметь место после проделанного опыта и притом в обстановке новых более обостренных междуклассовых и междупартийных отношений. Более вероятным явилось бы консервативно-либеральное правительство. Но это по существу совпало бы с первым только-что рассмотренным вариантом консервативного большинства. В случае же недостижения соглашения единственным парламентским выходом был бы пересмотр избирательной системы. Вопрос об округах, о перебаллотировках и пр. стал бы вопросом непосредственной борьбы двух главных партий за власть. Способен ли был бы парламент, разделенный между партиями, из которых ни одна не в силах взять власть, провести новый избирательный закон? Более, чем сомнительно. Для этого, во всяком случае, потребовалось бы могущественное давление извне. Слабость парламента без обеспеченного большинства создавала бы благоприятную обстановку для такого давления. Но это опять-таки открывает революционную перспективу.

Однако, этот промежуточный вариант не имеет для нас самостоятельного значения, так как очевидно, что неустойчивое парламентское положение должно разрешиться в ту

или в другую сторону, т.е. привести либо к консервативному, либо к рабочему правительству. Первый случай мы рассмотрели. Что же касается второго случая, то он именно и представляет для нас, с точки зрения занимающей нас темы, основной интерес. Вопрос стоит, следовательно, так: можно ли допустить, что рабочая партия, обеспечив себе на выборах абсолютное парламентское большинство и выдвинув свое правительство, проведет мирным путем национализацию важнейших отраслей промышленности и разовьет социалистическое строительство в рамках и методами нынешней парламентской системы?

Чтобы не усложнять сразу вопрос, допустим, что либерально-соглашательская группировка Макдональда удержит еще и во время ближайших выборов официальное руководство партией в своих руках, так что победа рабочей партии приведет к созданию правительства Макдональда. Оно уже не будет, однако, простым повторением первого опыта: во-первых, потому, что будет иметь за собой, по нашему предположению, самостоятельное большинство; во-вторых, между-партийные отношения неизбежно должны в ближайший период обостриться, особенно в случае победы рабочей партии. Сейчас, когда консерваторы имеют в своих руках твердое большинство, они склонны с покровительственной снисходительностью третировать Макдональда, Томаса и компанию. Но так как консерваторы сделаны из более серьезного материала, чем горе-социалисты, то оставшись в меньшинстве, консерваторы немедленно покажут когти и зубы. Можно поэтому не сомневаться, что если бы консерваторам не удалось теми или иными парламентскими и вне-парламентскими методами помешать созданию рабочей партией самостоятельного правительства, то и в этом, наиболее, казалось бы, благоприятном с точки зрения мирного развития, случае оставшиеся в меньшинстве консерваторы сделают все, что от них зависит, чтобы при помощи чиновничества, судов, военщины, палаты лордов и двора саботировать все мероприятия рабочего правительства. Перед консерваторами, как и перед остатками либералов, будет стоять задача скомпрометировать во что бы то ни стало первое самостоятельное правительство рабочего класса. Здесь ведь вопрос идет о жизни и смерти. Это совсем не

то, что старая борьба между либералами и консерваторами, когда разногласия не выходили из рамок «семьи» имущих классов. Сколько-нибудь серьезные реформы рабочего правительства в области налогов, национализации и подлинной демократизации управления вызвали бы могущественный прилив энтузиазма трудящихся масс, и—так как аппетит приходит во время еды,—то успешные умеренные реформы толкали бы неизбежно на путь все более радикальных реформ. Другими словами, каждый лишний день отдалял бы для консерваторов возможность возвращения к власти. Консерваторы не могли бы не отдавать себе совершенно ясный отчет в том, что дело идет не об очередной смене правительства, а о начале социалистической революции парламентским путем. Ресурсы государственной обструкции, законодательного и административного саботажа, в руках имущих классов очень велики, ибо, каково бы ни было парламентское большинство, весь государственный аппарат, сверху донизу, неразрывно связан с буржуазией. Ей же принадлежат: вся пресса, важнейшие органы местного самоуправления, университеты, школы, церковь, бесчисленные клубы и вообще добровольные союзы. В ее руках банки и вся система общественного кредита, наконец, аппарат транспорта и торговли, так что от крупных капиталистических объединений зависит повседневное питание Лондона, включая и рабочее правительство. Совершенно очевидно, что все эти гигантские средства будут приведены в движение с неистовой силой для того, чтобы затормозить деятельность рабочего правительства, парализовать его усилия, запугать его, внести раскол в его парламентское большинство, наконец, вызвать финансовую панику, производственные затруднения, локауты, терроризовать верхи рабочих организаций и обессилить пролетариат. Только последний глупец может не понимать того, что буржуазия приведет в движение небо, землю и преисподнюю в случае действительного прихода к власти рабочего правительства.

Нынешний так называемый английский фашизм пока еще имеет скорее интерес курьеза, но этот курьез все же симптоматичен. Консерваторы сегодня еще слишком прочно сидят в седле, чтобы нуждаться в помощи фашистов. Но обострение между-партийных отношений, рост настойчиво-

сти и наступательности рабочих масс и перспектива победы рабочей партии неизбежно вызовут развитие фашистских тенденций на правом крыле консерваторов. В стране, которая стала за эти годы беднее, где положение мелкой и средней буржуазии крайне ухудшилось и где имеется хроническая безработица, не будет недостатка в элементах для создания фашистских отрядов. Можно поэтому не сомневаться, что к моменту избирательной победы рабочей партии консерваторы будут иметь за собой не только официальный государственный аппарат, но и неофициальные банды фашизма. Они начнут свою провокационную и кровавую работу прежде еще, чем парламент успеет приступить к первому чтению билля о национализации угольных шахт. Что останется делать рабочему правительству? Либо позорно капитулировать, либо подавить сопротивление. Это последнее решение окажется, однако, совсем не таким простым. Опыт Ирландии свидетельствует, что для подавления такого рода сопротивления необходима серьезная материальная сила и крепкий государственный аппарат. Ни того, ни другого у рабочего правительства не окажется. Полиция, суды, армия, милиция будут на стороне дезорганизаторов, саботажников, фашистов. Придется громить чиновничий аппарат, заменяя реакционеров членами рабочей партии. Другого пути не будет. Но совершенно очевидно, что такие крутые, хотя и вполне «законные» государственные меры, чрезвычайно обострят легальное и нелегальное сопротивление объединенной буржуазной реакции. Другими словами: это и есть путь гражданской войны.

Но может быть рабочая партия, став у власти, подойдет к делу так осторожно, так тактично, так умело, что буржуазия—как бы это сказать?—не почувствует потребности в активном сопротивлении? Такое предположение само по себе, конечно, смехотворно. Тем не менее, нужно признать, такова именно основная надежда Макдональда и комп. Когда нынешний горе-лидер независимцев говорит, что рабочая партия будет проводить только такие реформы, осуществимость которых «научно» доказана («науку» Макдональда мы уже знаем), то он хочет сказать, что рабочее правительство будет вопросительно заглядывать в глаза буржуазии перед каждым своим реформаторским шагом. Конечно,

если бы все зависело от доброй воли Макдональда и его «научно» обоснованных реформ, то дело никогда не дошло бы до гражданской войны—за отсутствием к этому у буржуазии каких бы то ни было оснований. Если бы второе правительство Макдональда было, как первое, то незачем было бы поднимать самый вопрос об осуществимости социализма парламентским путем, ибо бюджет Сити не имеет ничего общего с бюджетом социализма. Однако же, политика рабочего правительства, даже если оно сохранит прежний состав, должна будет потерпеть кое-какие изменения. Смешно думать, что та могущественная рабочая волна, которая поднимет Макдональда к власти, сейчас же после этого почтительно отхлынет назад. Нет, требовательность рабочего класса чрезвычайно возрастет. Тут уж ссылкам на зависимость от либеральных голосов не будет места. Сопrotивление консерваторов, палаты лордов, бюрократии, монархии будет удваивать энергию, нетерпение, возмущение рабочих. Клевета и травля капиталистической печати будут подстегивать их вперед. Если бы их собственное правительство обнаружило в этих условиях даже самую неподдельную энергию, оно все равно казалось бы рабочим массам слишком вялым. Но ждать от Макдональда, Клайнса ⁸⁵⁾ и Сноудена революционной энергии можно с таким же, примерно, основанием, как ждать аромата от прелой свеклы. Между революционным натиском масс и неистовым сопротивлением буржуазии правительство Макдональда будет метаться из стороны в сторону, раздражая одних, не удовлетворяя других, провоцируя своей вялостью буржуазию, усугубляя революционное нетерпение рабочих, разжигая гражданскую войну и стремясь, в то же время, лишить ее необходимого руководства на стороне пролетариата. Тем временем будет неизбежно крепнуть революционное крыло, будут подниматься наверх более дальнзоркие, решительные и революционные элементы рабочего класса. На этом пути правительство Макдональда, раньше или позже, в зависимости от соотношения сил вне парламента, должно будет уступить свое место либо консервативному правительству, с фашистскими, а не соглашательскими тенденциями, либо революционному правительству, действительно способному довести дело до конца. И в том и в другом случае не-

избежен новый взрыв гражданской войны, острое столкновение между классами по всей линии. В случае победы консерваторов—беспощадный разгром рабочих организаций; в случае победы пролетариата—сокрушение сопротивления эксплуататоров мерами революционной диктатуры. Это вам не нравится, милорды? Ничего не можем поделать. Основные пружины движения от нас так же мало зависят, как и от вас. Мы ничего не «декретируем». Мы только анализируем.

Среди «левых» полу-сторонников, полу-противников Макдональда, стоящих, как и он, на демократической позиции, найдутся такие, которые, вероятно, скажут: разумеется, если буржуазные классы попытаются оказать сопротивление демократически избранному рабочему правительству, это последнее не остановится перед методами самого сурового принуждения, но это будет не классовая диктатура, а власть демократического государства, которое... и пр., и пр. Поднимать спор в этой плоскости почти бесполезно. Думать, в самом деле, что судьба общества может определяться тем, избрано ли в парламент 307 рабочих депутатов, т.-е. меньшинство, или 308—т.-е. большинство, а не от фактического соотношения сил в момент острого столкновения классов по основным вопросам их существования,—думать так значило бы находиться в полном плену у фетишизма парламентской арифметики. А как быть,—спросим мы,—если консерваторы, перед лицом нарастающего революционного прилива и опасности рабочего правительства, не только откажутся демократизировать избирательную систему, но, наоборот, введут в нее новые ограничения? Невероятно!—возразит иной простофиля, не понимающий, что там, где дело идет о жизни и смерти классов, все вероятно. Да уже и сейчас в Англии идет на верхах большая подготовительная возня вокруг реорганизации и усиления палаты лордов. По этому поводу Макдональд заявил недавно, что он может понять заботы иных консервативных лордов, но «почему либералы должны стремиться к тому же, вот чего я не могу понять». Мудрец не может понять, почему либералы укрепляют вторую линию окопов против наступления рабочего класса. Он не понимает этого потому, что он сам либерал, только глубоко провинциальный, маленький, огра-

ниченный. Он не понимает, что у буржуазии серьезные намерения, что она готовится к смертельной борьбе, что в этой борьбе займут видное место и корона и палата лордов. Урезав права палаты общин, т.-е. совершив легальный государственный переворот, консерваторы окажутся, несмотря на все трудности этого предприятия, все же в более выгодном положении, чем если бы им пришлось организовать сопротивление против успешного укрепиться рабочего правительства.—Ну, в таком случае, разумеется,—воскликнет иной «левый» краснойбай,—мы призовем массу к сопротивлению. Т.-е. к революционному насилию? Выходит, стало быть, что революционное насилие не только допустимо, но и неизбежно в том случае, когда консерваторы совершают легальнейшим парламентским путем превентивный государственный переворот? Не проще ли в таком случае сказать, что революционное насилие целесообразно там и тогда, где и когда оно усиливает позиции пролетариата, ослабляет или отбрасывает врага, ускоряет социалистическое развитие общества.

Однако, героические обещания оказать молниеносное сопротивление в случае, если консерваторы «посмеют» и пр., не стоят выеденного яйца. Нельзя убаюкивать массы изо дня в день болтовней о мирном, безболезненном, легальном, парламентском, демократическом переходе к социализму, а затем, при первом полученном по носу серьезном щелчке, призвать массы к вооруженному отпору. Это вернейший путь облегчить реакции разгром пролетариата. Чтобы оказаться способными к революционному отпору, массы должны быть идейно, организационно и материально подготовлены к нему. Они должны понимать неизбежность обострения классовой борьбы и превращения ее на известном этапе в гражданскую войну. К этой перспективе должно быть приурочено политическое воспитание рабочего класса и подбор руководящего персонала. Нужно изо дня в день бороться против соглашательских иллюзий, т.-е. объявить макдональдовщине войну не на жизнь, а на смерть. Так и только так стоит сейчас вопрос.

Отвлекаясь от ряда конкретных условий, можно, пожалуй, сказать, что у Макдональда был в прошлом шанс чрезвычайно облегчить переход к социализму, сведя к ми-

нимуму потрясения гражданской войны. Это было во время первого пришествия к власти рабочей партии. Если бы Макдональд сразу поставил парламент лицом к лицу перед решительной программой (ликвидация монархии и палаты лордов, высокий налог на капитал, национализация важнейших средств производства и пр.) и, распустив парламент, апеллировал бы с революционной решимостью к стране, он мог бы надеяться застичь имущие классы до известной степени врасплох, не дать им собраться с силой, сокрушить их напором рабочих масс, захватить и обновить государственный аппарат прежде, чем успел бы сложиться британский фашизм, и таким образом провести революцию через ворота парламента, «легализовать» ее и твердой рукой довести до полной победы. Но совершенно очевидно, что такая возможность является чисто теоретической. Для этого нужна была бы другая партия, с другими вождями, а это в свою очередь предполагало бы какую-то другую обстановку. Если мы строим эту теоретическую возможность по отношению к прошлому, то лишь для того, чтобы тем ярче обнаружить ее невозможность в будущем. Первый опыт рабочего правительства, при всей своей трусливой бездарности, явился, однако, важным историческим предостережением для господствующих классов. Их уже нельзя будет застичь врасплох, они теперь с удесyтеренной зоркостью следят за жизнью рабочего класса, за всеми происходящими в нем процессами. «Мы ни в каком случае не будем стрелять первыми», заявил как будто совершенно неожиданно гуманнейший, благочестивейший, христианнейший Болдуин, в своей парламентской речи 5 марта. И на скамьях рабочей фракции нашлись дураки, которые аплодировали этим словам. Болдуин-то не сомневается ни на минуту, что стрелять придется. Он хочет лишь в предстоящей гражданской войне заранее свалить ответственность, по крайней мере в глазах промежуточных классов, на врага, т. е. на рабочих. Совершенно таким же образом дипломатия каждой страны на случай будущей войны заранее стремится перенести виновность на противную сторону. Конечно, и пролетарская партия заинтересована в том, чтобы отбросить ответственность за гражданскую войну на капиталистические верхи, и, в конце концов, у рабочей партии есть и бу-

дет для этого гораздо больше политических и моральных оснований. Можно допустить, что покушение консерваторов на палату общин было бы одним из «благородных» мотивов для агитации, но это, в конце концов, обстоятельство третьего и пятого порядка. Мы здесь рассматриваем не вопрос о поводах к революционному столкновению, а вопрос о мерах овладения государством в целях перехода к социализму. Парламент ни в малейшей степени не обеспечивает мирного перехода: революционное насилие класса необходимо и неизбежно. К нему нужно готовиться и готовиться. Нужно революционно воспитывать массы и закалять их. Первым условием этого является непримиримая борьба с растлевающим духом макдональдовщины.

*

25 марта комиссия палаты лордов постановила в торжественной форме, что звание герцога Сомерсетского должно перейти к некоему мистеру Сеймуру, который тем самым получает отныне право законодательствовать в палате лордов, при чем это решение в пользу Сеймура зависело от разрешения другого предварительного обстоятельства: когда в 1787 г. некий полковник Сеймур женился, чтобы через несколько поколений дать Британии нового лорда, был ли в это время жив или умер в Калькутте первый муж его жены? Вопрос, как видим, исключительной важности для судеб английской демократии. В том же № «Дэйли Геральд», где рассказывается этот поучительный эпизод о первом муже жены пращура законодателя Сеймура, редакция защищается от обвинений в желании завести в Англии советские порядки: нет, нет, мы только за торговлю с Советами, но ни в каком случае не за советский режим в Англии.

А что же плохого было бы—позволяем мы себе спросить—в советских порядках, примененных к английской технике, к английской индустрии, к культурным навыкам английского рабочего класса? Пусть «Дэйли Геральд» пораздумает, какие последствия вытекли бы из введения советского режима в Великобритании. Во-первых, была бы отменена королевская власть, и мистрис Сноуден была бы избавлена от необходимости скорбеть о непосильном труде

членов королевской семьи. Во-вторых, была бы отменена палата лордов, в которой законодательствуют господа Сеймуры в силу мандата, данного им своевременно умершим первым мужем их прапрабабушки в Калькутте. В-третьих, был бы ликвидирован нынешний парламент, о лживости и бессилии которого даже «Дэйли Геральд» пишет чуть не каждый день. Земельный паразитизм лэнд-лордов был бы уничтожен 'навсегда. Основные отрасли промышленности перешли бы в руки рабочего класса, составляющего в Англии подавляющее большинство народа. Могушественные аппараты консервативных и либеральных газет и издательств могли бы быть использованы для просвещения рабочего класса. «Дайте мне диктатуру над Флит Стрит (газетная улица Лондона) только на месяц и я уничтожу гипноз!» — воскликнул Роберт Вильямс ³⁶⁾ в 1920 г. Сам Вильямс переметнулся, но Флит Стрит по-прежнему ждет пролетарской руки... Рабочие выбирали бы своих представителей не в рамках тех обманных избирательных округов, на которые разбита ныне Англия, а по заводам и фабрикам. Советы рабочих депутатов обновили бы правительственный аппарат снизу доверху. Привилегии рождения и богатства исчезли бы вместе с фальсифицированной демократией, состоящей на содержании у банков. Воцарилась бы настоящая рабочая демократия, сочетающая управление хозяйством с политическим управлением страной. Такое правительство, в первый раз в истории Англии действительно опирающееся на народ, установило бы свободные, равноправные и братские отношения с Индией, Египтом и др. нынешними колониями. Оно заключило бы немедленно могущественный политический и военный союз с рабочей и крестьянской Россией. Такой союз был бы рассчитан на многие годы вперед. Хозяйственные планы обеих стран были в соответственных своих частях согласованы на ряд лет. Обмен благ, продуктов и услуг между этими двумя дополняющими друг друга странами поднял бы на небывалую высоту материальное и духовное благосостояние трудящихся масс как Англии, так и России. Неужели это было бы так плохо? И почему нужно оправдываться от обвинений в стремлении ввести в Англию советский порядок? Терроризуя общественное мнение рабочих, буржуазия хочет вну-

шить им спасительный страх перед покушением на нынешний британский режим, а рабочая печать вместо того, чтобы беспощадно разоблачать политику реакционного гипноза, трусливо подлаживается к ней и тем поддерживает ее. Это и есть макдональдовщина.

Английские, как и континентальные, оппортунисты не раз говорили, будто большевики пришли к диктатуре лишь логикой своего положения и наперекор всем своим принципам. С этой стороны было бы в высшей степени поучительно рассмотреть эволюцию марксистской и вообще революционной мысли в вопросе о демократии. Здесь мы вынуждены ограничиться лишь двумя беглыми свидетельствами. Еще в 1887 году Лафарг³⁷⁾, ближайший ученик Маркса, связанный с ним тесными личными узами, такими чертами рисовал общий ход революции во Франции: «Рабочий класс будет господствовать,—писал он,—в промышленных городах, которые все станут революционными центрами и образуют федерацию, чтобы привлечь деревню на сторону революции и преодолеть то сопротивление, которое будет организовано в таких торговых и приморских городах, как Гавр, Бордо, Марсель и т. д. В промышленных городах социалисты должны будут захватить власть в местных учреждениях, вооружить рабочих и организовать их по военному; у кого оружие, у того и хлеб,—говорил Бланки. Они отворят двери тюрем, чтобы выпустить мелких воришек и держать под замком таких крупных воров, как банкиры, капиталисты, крупные промышленники, крупные собственники и т. д. Им ничего худого не сделают, но их будут считать заложниками, ответственными за хорошее поведение их класса. Революционная власть сформируется путем простого захвата, и лишь тогда, когда новая власть вполне овладеет положением, социалисты обратятся за утверждением своих действий к голосованию, которое называется всеобщим. Буржуа так долго не допускали к избирательным урнам неимущие классы, что они не должны слишком удивляться, если все бывшие капиталисты будут лишены избирательных прав до тех пор, пока не восторжествует революционная партия» (П. Лафарг, Сочинения, том I, стр. 330).

Судьба революции решается для Лафарга не апелляцией

к какому-либо учредительному собранию, а революционной организацией масс в процессе борьбы с врагом: «Когда будут установлены местные революционные учреждения, последние должны будут организовать путем делегаций или иначе центральную власть, на которую будет возложена обязанность принимать общие меры в интересах революции и воспрепятствовать формированию реакционной партии» (П. Лафарг, Сочинения, том I, стр. 330). Разумеется, в этих строках нет еще сколько-нибудь оформленной характеристики советской системы, которая вообще есть не априорный принцип, а вывод из революционного опыта. Однако, построение центральной революционной власти путем делегирования от местных революционных органов, ведущих борьбу с реакцией, чрезвычайно приближается по идее к советской системе. И уже во всяком случае, что касается формальной демократии, то отношение к ней Лафарга охарактеризовано с замечательной ясностью. Власть рабочий класс может получить только путем революционного захвата. «Голосование, которое называется «всеобщим», — иронически выражается Лафарг, — сможет быть введено лишь после того, как пролетариат овладеет аппаратом государства. Но и тогда буржуа должны быть лишены избирательных прав, а крупные капиталисты должны быть переведены на положение заложников. Кто представляет себе сколько-нибудь ясно характер отношений Лафарга к Марксу, для того совершенно несомненно, что Лафарг развивал свои соображения о диктатуре пролетариата на основании неоднократных бесед с Марксом. Если сам Маркс не останавливался подробно на разъяснении этих вопросов, то лишь потому, разумеется, что характер революционной диктатуры класса считался им само собой разумеющимся. Во всяком случае, то, что сказано на этот счет у Маркса, и не только в 1848—1849 г.г., а в 1871 г. по поводу Парижской Коммуны, не оставляет никакого сомнения в том, что Лафарг лишь развивает мысли Маркса.

Однако, не только Лафарг стоял за классовую диктатуру в противовес демократии. Эта идея выдвигалась с достаточной определенностью уже во время чартизма. В органе «Poor Man's Guardian», по поводу намечавшегося расширения избирательного права, выдвигалась следующая

«единственно правильная реформа: только люди, производящие хозяйственные блага, должны иметь право издавать законы» (приведено в книге Бера, «История социализма в Англии», стр. 324). В том и состоит значение чартизма, что вся последующая история классовой борьбы как бы конспективно предъосхищена в этом десятилетии. После того движение во многих отношениях вернулось вспять. Оно расширяло свою базу, оно набиралось опыта. На новой, более высокой основе оно вернется неизбежно ко многим идеям и методам чартизма.

VI.

ДВЕ ТРАДИЦИИ: РЕВОЛЮЦИЯ XVII ВЕКА И ЧАРТИЗМ.

Редактор «Дэйли Геральд» выражал недавно свое сомнение относительно того, может ли Оливер Кромвель быть назван «пионером рабочего движения». Один из сотрудников газеты, поддерживая сомнение редактора, сослался на суровую расправу, учиненную Кромвелем над левеллерами, тогдашней сектой уравниателей (коммунистов). Эти размышления и справки крайне характерны для исторического мышления руководителей рабочей партии. Что Оливер Кромвель был пионером буржуазного общества, а не социалистического, — на доказательство этого, казалось бы, не нужно тратить и двух слов. Этот великий революционный буржуа был против всеобщего избирательного права, ибо видел в нем опасность для частной собственности. Отсюда, к слову сказать, г.г. Веббы делают вывод о «несовместимости» демократии с капитализмом, закрывая глаза на то, что капитализм научился как нельзя лучше уживаться с демократией и владеть инструментом всеобщего избирательного права так же, как инструментом биржи*). Тем не менее, английские рабочие могут у Кромвеля научиться несравненно большему, чем у Макдональда, Сноудена, Вебба и прочей соглашательской братии. Кромвель был большим революционером своего времени и умел, ни перед чем

*) Любопытно, что два столетия спустя, именно в 1842 году, историк Маколей, в качестве члена парламента, совершенно по тем же причинам, что и Кромвель, протестовал против всеобщей подачи голосов.

не останавливаясь, отстаивать интересы нового, буржуазного общественного строя против старого, аристократического. Этому у него надо учиться, и в этом смысле мертвый лев XVII века бесконечно выше многих живых собак.

Вслед за теми живыми не-львами, которые пишут передовицы в «Манчестер Гардиан» и других либеральных органах, лидеры рабочей партии обычно противопоставляют демократию всяким деспотическим правительствам, будь то «диктатура Ленина» или «диктатура Муссолини». Ни в чем историческое бессмыслие этих господ не выражается ярче, как в этом сопоставлении. Не потому, чтобы мы склонны были задним числом отрицать «диктатуру Ленина» — по фактическому влиянию на весь ход дел в огромном государстве его власть была исключительной. Но разве можно говорить о диктатуре, минуя ее общественно-историческое содержание? История знала диктатуру Кромвеля, диктатуру Робеспьера, диктатуру Аракчеева, диктатуру Наполеона I, диктатуру Муссолини. С болваном, который Робеспьера и Аракчеева ставит на одну доску, вообще разговаривать не о чем. Разные классы в разных условиях и для разных задач оказываются вынужденными, в известные и при том наиболее острые и ответственные периоды своей истории, присваивать исключительную силу и власть таким вождям своим, которые наиболее ярко и полно для данной эпохи проводят их основные интересы. Когда речь идет о диктатуре, нужно первым делом выяснить, какие интересы каких именно классов через эту диктатуру находят свое историческое выражение. Оливер Кромвель для одной эпохи, Робеспьер для другой выражали исторически прогрессивные тенденции развития буржуазного общества. Вильям Питт, тоже весьма близкий к личной диктатуре, защищал интересы монархии, привилегированных классов, буржуазных верхов против революции мелкой буржуазии, нашедшей свое высшее выражение в диктатуре Робеспьера. Либеральные пошляки говорят обыкновенно, что они против диктатуры слева, как и справа, хотя на практике не упускают ни одного случая поддерживать диктатуру справа. Для нас же вопрос разрешается тем, что одна диктатура движет общество вперед, другая стаскивает его назад. Диктатура Муссолини есть диктатура

преждевременно сгнившей, бессильной, насквозь зараженной итальянской буржуазии: это диктатура с провалившимся носом. «Диктатура Ленина» выражает могущественный напор нового исторического класса и его сверхчеловеческую борьбу со всеми силами старого общества. Если с кем сопоставлять Ленина, то не с Бонапартом и тем более не с Муссолини, а с Кромвелем и Робеспьером. Можно с известным правом сказать, что Ленин — это пролетарский Кромвель XX века. Такое определение будет в то же время величайшей апологией мелко-буржуазного Кромвеля XVII века.

Французская буржуазия, фальсифицировав великую революцию, усыновила ее и, разменяв на мелкую монету, пустила в повседневный оборот. Английская буржуазия стерла самую память о революции XVII века, растворив все свое прошлое в «постепенности». Передовые английские рабочие должны открыть британскую революцию и найти в ней под церковной шелухой могущественную борьбу общественных сил. Кромвель ни в каком случае не был «пионером труда». Но в драме XVII века английский пролетариат может найти великие прецеденты революционного действия. Это тоже национальная традиция, но вполне законная и вполне уместная в арсенале рабочего класса. Другую великую национальную традицию пролетарское движение имеет в чартизме. Знакомство с обеими этими эпохами необходимо каждому сознательному английскому рабочему. Уяснение исторического смысла революции XVII века и революционного содержания чартизма является одной из важнейших обязанностей английских марксистов.

Изучать революционную эпоху в развитии Англии, длившуюся, примерно, от вынужденного созыва парламента Карлом Стюартом до смерти Оливера Кромвеля, нужно прежде всего для того, чтобы понять место парламентаризма и вообще «права» в живой, а не воображаемой истории. «Великий» национальный историк Маколей опошляет социальную драму XVII столетия, прикрывая внутреннюю борьбу сил общими местами, иногда интересными, но всегда поверхностными. Глубже подходит к событиям французский консерватор Гизо³⁸). Во всяком случае, чье бы изложение ни взять, чело-

век, который умеет читать и под историческими тенями способен открывать живые реальные тела, классы, фракции, именно на опыте английской революции убедится в том, насколько служебную, подчиненную и условную роль играет право в механике общественной борьбы, особенно в революционную эпоху, т.е. когда на первое место выступают основные интересы основных классов общества.

Мы видим в Англии в 40-х годах XVII столетия парламент, основанный на самом причудливом избирательном праве, и в то же время считавшийся представительством народа.

Нижняя палата представляла нацию, представляя буржуазию и тем самым—национальные богатства. В царствование Карла I было не без изумления установлено, что палата депутатов втрое богаче палаты лордов. Король то разгоняет этот парламент, то созывает его снова под давлением финансовой нужды. Парламент создает для своей защиты армию. Армия постепенно сосредоточивает в себе все наиболее активные, мужественные, решительные элементы. Именно вследствие этого парламент капитулирует перед армией. Мы говорим: вследствие этого. Этим мы хотим сказать, что парламент капитулирует не просто перед вооруженной силой (перед армией короля он не капитулировал),—но перед пуританской армией Кромвеля, которая смелее, решительнее и последовательнее, чем парламент, выражала потребности революции.

Сторонники епископальной или англиканской, полукатолической церкви были партией двора, дворянства и, разумеется, высшего духовенства. Превитериане были партией буржуазии, партией богатства и просвещения. Индепенденты и особенно пуритане были партией мелкой буржуазии и мелкого самостоятельного землевладения. Левеллеры были зарождавшейся партией левого крыла буржуазии, плебса. Под оболочкой церковных споров, под формой борьбы за религиозное устройство церкви шло общественное самоопределение классов, их перегруппировка на новых, буржуазных началах. В политике пресвитерианская партия стояла за ограниченную монархию, индепенденты, которые назывались тогда коренными реформаторами (root and branch men) или на языке нашего времени—радикалами, стояли за республику. Половинчатость пресвитериан вполне отвечала

противоречивым интересам буржуазии—между дворянством и плебсом. Партия индипендентов, смевшая доводить идеи и лозунги до конца, естественно вытеснила пресвитериан в среде пробужденных мелко-буржуазных масс города и деревни, составляющих главную силу революции.

События разворачивались эмпирически. Борясь за власть и имущественные интересы, и та и другая сторона пряталась под сень законности. Об этом очень недурно говорит Гизо:

«Тогда началась у него (Карла I) с парламентом борьба, до того времени беспремерная в Европе... Сношения продолжались; но уже ни та, ни другая сторона не возлагали на них никаких надежд и даже не брали на себя труда предлагать какие-либо условия. В своих посланиях и декларациях обе стороны обращались уже не друг к другу, а к целой нации, к общественному мнению; от этой новой силы, казалось, обе они ожидали для себя могущества и успехов. Происхождение и объем королевской власти, привилегии палат, пределы обязанностей подданных, милиция, петиции, порядок должностей стали предметом официального спора, в котором главные основания общественного порядка, разнообразный характер правления, первобытные права свободы, история, законы, обычаи Англии—все это приводилось, объяснялось, толковалось. В течение нескольких месяцев стояли, так сказать, на меже между прениями обеих партий в палатах и между вооруженным столкновением их на поле сражения, сдерживали поток событий, употребляли все усилия, чтоб придать тому или другому делу характер законности и таким образом приобрести свободное содействие народа... Когда наступила минута обнажить меч, все изумились и пришли в смущение... Теперь уже обе стороны обвиняли друг друга в незаконности и в новаторстве, и притом обе с одинаковой справедливостью, потому что одна нарушила древние права народа и не хотела отказаться от принципов самовластия; другая требовала, в силу неустановившихся еще начал, дотоле неизвестных льгот и власти» («История Карла I», изд. 1859, СПб, стр. 170—171).

По мере того, как разыгрывалась гражданская война, наиболее активные роялисты покидали вестминстерскую палату общин и палату лордов и перебегали в Йорк, в штаб-

квартиру Карла: парламент раскалывался, как во все большие революционные эпохи. Оказывается ли в том или в другом случае «законное» большинство на стороне революции или на стороне реакции, это в подобных положениях не решает вопроса.

В известный момент политической истории судьба «демократии» зависела не от парламента, а—как это ни ужасно для золотушных пацифистов!—от кавалерии. В первый период борьбы королевская кавалерия, самая значительная в то время часть войска, наводила ужас на конницу парламента. Замечательно, что такое же явление мы встречаем и в позднейших революциях, особенно во время гражданской войны в С.-А.С.Ш., где конница южан имела в первый период неоспоримый перевес над конницей северян, и, наконец, в нашей революции, в первый период которой белогвардейские кавалеристы нанесли нам ряд жестоких ударов, прежде чем научили рабочих крепко сидеть в седле. По своему происхождению конница наиболее дворянский род войск. Королевская кавалерия была куда сплоченнее и решительнее парламентских всадников, наспех набранных с бору да с сосенки. Конница южно-американских штатов была, так сказать, прирожденным родом войск плантатора-степняка, тогда как торгово-промышленному Северу приходилось только приучаться к лошади. Наконец, у нас основным очагом конницы был степной юго-восток, казачья Вандея. Кромвель очень скоро понял, что судьба его класса решается конницей. Он сказал Гэмдену³⁹): «Я наберу людей, у которых страх божий не будет выходить из ума, которые будут действовать не бессознательно и, ручаюсь, их не разобьют» (Гизо. «История Карла I», изд. 1859, СПб, стр. 216). В высшей степени интересны слова, с которыми Кромвель обращался к набираемым им свободным землевладельцам и ремесленникам: «Я не хочу вас обманывать, не стану вас убеждать, как мне это приказано в инструкции, будто вы идете сражаться за короля и парламент. Какой бы враг ни стоял лицом к лицу передо мною, кто бы он ни был, я выстрелю в него из пистолета, как во всякого другого врага; если совесть запрещает вам сделать то же самое, идите служить другому» (там же, стр. 216—217). Таким образом Кромвель строил не только армию, но и партию,—его армия

была до известной степени вооруженной партией, и именно это составило ее силу. В 44 году «святые» эскадроны Кромвеля одержали уже блестящую победу над королевскими всадниками и получили прозвище железных ребер. Революции всегда полезно иметь железные ребра! На этот счет английские рабочие могут многому поучиться у Кромвеля.

Не лишены интереса соображения, которые высказывает об армии пуритан историк Маколей: «Армия, таким образом составленная, могла, без вреда для самой себя, пользоваться такими вольностями, которые, будучи предоставлены иным войскам, подействовали бы разрушительно на всю дисциплину. Вообще, солдаты, которые сформировались бы в политические клубы, выбирали бы депутатов и постановляли бы решения по важным государственным вопросам, скоро освободились бы от всякого контроля, перестали бы составлять армию и сделались бы наихудшим и самым опасным из сборищ. И не безопасно было бы, в наше время, терпеть в каком-нибудь полку религиозные сходки, на которых капрал, сведущий в писании, назидал бы менее даровитого полковника и увещевал бы вероотступного майора. Но таковы были разум, серьезность и самообладание воинов..., что в их лагере политическая и религиозная организации могли существовать, не нарушая организации военной. Те самые люди, которые вне службы были известны как демагоги*) и полевые проповедники, отличались стойкостью, духом порядка и беспрекословным повиновением на страже, на ученьи и на поле битвы». И далее: «В одном лишь его лагере строжайшая дисциплина встречалась рядом с самым крайним энтузиазмом. Его войска ходили в бой с точностью машин, пылая в то же время необузданнейшим фанатизмом крестоносцев» (Маколей. Полное собр. соч., том VI, стр. 120. Изд. 1861, СПб).

Всякие исторические аналогии требуют величайшей осторожности, особенно, когда дело идет о XVII и XX столетиях; тем не менее, нельзя не поразиться некоторыми яркими чертами, сближающими быт и характер армии Кромвеля с характером Красной армии. Правда, там все было основано

*, Маколей хочет сказать: революционеры-агитаторы.

на вере в предопределение и на суровой религиозной морали; здесь у нас царит боевой атеизм. Но под религиозной формой пуританства шла проповедь исторической миссии нового класса, а учение о предопределении было религиозным подходом к исторической закономерности. Бойцы Кромвеля чувствовали себя в первую голову пуританами и лишь во вторую—солдатами, как наши бойцы сознают себя прежде всего революционерами и коммунистами и затем—солдатами. Но черты различия еще больше, чем черты сходства. Красная армия, созданная партией пролетариата, остается ее вооруженным органом. Армия Кромвеля, совмещавшая в себе его партию, сама стала решающей силой. Мы видим, как пуританская армия начинает приспосабливать парламент к себе и к революции. Армия добивается исключения из парламента одиннадцати пресвитериан, т.-е. представителей правого крыла. Пресвитериане, жирондисты английской революции, пытаются поднять мятеж против парламента. Усеченный парламент ищет спасения у армии и тем все больше подчиняется ей. Под давлением армии, особенно ее левого, наиболее решительного крыла, Кромвель вынужден казнить Карла I. Топор революции причудливо переплетается с псалмами. Но топор убедительнее. Затем кромвелевский полковник Прайд окружает здание парламента и силой изгоняет оттуда семьдесят одного пресвитерианского члена. От парламента остается одно охвостье. Оно состоит из индипендентов, т.-е. единомышленников Кромвеля и его армии; но именно поэтому парламент, проведший грандиозную борьбу с монархией, в момент победы перестает быть источником какой бы то ни было самостоятельной мысли и силы. Средоточием того и другого является Кромвель, непосредственно опирающийся на армию, но в последнем счете черпающий силу из смелого разрешения основных задач революции. Глупец, невежда или фабианец может видеть в Кромвеле только личную диктатуру. На самом деле здесь, в условиях глубокого социального перелома, форму личной диктатуры принимала диктатура класса, притом такого, который один только и был способен освободить ядро нации от старых уз и пут. Английский социальный кризис XVII столетия сочетает в себе черты немецкой реформации XVI столетия⁴⁰) с чертами французской революции XVIII столетия. В самом Кромвеле

Лютер подает руку Робеспьеру. Пуритане были не прочь называть своих врагов филистимлянами, но дело, тем не менее, шло о классовой борьбе. Задача Кромвеля состояла в том, чтобы нанести как можно более сокрушительный удар абсолютистской монархии, придворной знати и полукатолической церкви, припоровленной к нуждам монархии и знати. Для такого удара Кромвелю, истинному представителю нового класса, нужны силы и страсти народных масс. Под руководством Кромвеля революция приобретает весь необходимый ей размах. Поскольку она выходит, в лице левеллеров (уравнителей), за пределы потребностей обновляющегося буржуазного общества, Кромвель беспощадно расправляется с «безумцами». Победив, Кромвель начинает строить новое государственное право, сочетая библейские тексты с пиками «святых» солдат, при чем решающее слово всегда принадлежит пикам. 19 апреля 1653 года Кромвель разогнал охвостье Долгого парламента. В сознании своей исторической миссии, пуританский диктатор напутствовал изгоняемых библейскими обличениями: «Ты пьяница!» кричал он одному, «ты прелюбодей!» напоминал он другому. После этого Кромвель создает парламент из представителей богобоязненных людей, т.-е. по существу классовый парламент: богобоязненным был средний класс, который при помощи строгой нравственности совершал работу накопления и с текстами священного писания на устах приступал к ограблению всего мира. Но и этот неуклюжий «Бербонский» парламент стеснял диктатора, лишая его необходимой свободы маневрирования в трудной внутренней и международной обстановке. В конце 1653 года Кромвель еще раз очищает палату общин при помощи солдат. Если охвостье «Долгого» парламента, разогнанное в апреле, было повинно в том, что уклонялось вправо, в сторону сделки с пресвитерианами, то «Бербонский» парламент склонен был в некоторых вопросах итти слишком прямолинейно по пути пуританской добродетели и тем затруднял Кромвелю установление нового общественного равновесия. Революционный реалист Кромвель строил новое общество. Парламент не есть самоцель, право не есть самоцель, и если сам Кромвель и его «святые» считали самоцелью осуществление божественных заветов, то на деле эти последние были лишь идейным материалом

для постройки буржуазного общества. Разгоня парламент за парламентом, Кромвель обнаружил так же мало преклонения перед фетишем «национального» представительства, как казнь Карла I он обнаружил недостаток почтения к монархии божией милостью. Тем не менее, именно Кромвель пролагал дорогу парламентаризму и демократии двух последовавших столетий. В отместку за то, что Кромвель казнил Карла I, Карл II вздернул на виселицу труп Кромвеля. Но восстановить до-кромвелевское общество не могла уже никакая реставрация. Работы Кромвеля не могло ликвидировать и вороватое законодательство реставрации, потому что нельзя уничтожить пером то, что написано топором. В этом обратном своем виде пословица гораздо вернее, по крайней мере, по отношению к топору революции.

Для иллюстрации взаимоотношений «права» и «силы» в эпохи социальных переворотов навсегда сохранит исключительный интерес история Долгого парламента, который в течение двадцати лет успел испытать все превратности хода событий, отражал на себе толчки классовых сил, усекался справа и слева, сперва восстал против короля, потом терпел заушения со стороны своих собственных вооруженных слуг, дважды был разогнан и дважды восстановлен, повелевал и унижался, прежде чем получил, наконец, возможность издать акт о своем распусчении.

Будет ли у пролетарской революции свой «долгий» парламент, мы не знаем. Весьма вероятно, что она ограничится коротким парламентом. Однако, она достигнет этого тем вернее, чем лучше усвоит уроки эпохи Кромвеля.

*

О второй, подлинно-пролетарской революционной традиции мы скажем здесь лишь несколько слов.

Эпоха чартизма бессмертна тем, что она на протяжении десятилетия дает нам в сжатом и схематическом виде как бы всю скалу пролетарской борьбы—от петиций в парламент и до вооруженного восстания. Все основные вопросы классового движения пролетариата—взаимоотношение между парламентской и внепарламентской деятельностью, роль всеобщего избирательного права, трэд-юнионы и кооперация, значение всеобщей стачки и ее отношение к вооружен-

ному восстанию, даже взаимоотношение между пролетариатом и крестьянством,—не только практически выкристаллизовались из хода чартистского массового движения, но и нашли в нем свой принципиальный ответ. Теоретически этот ответ далеко не всегда безупречно обоснован, концы не всегда сведены с концами, во всем вообще движении и в его теоретическом отражении много незрелого, не законченного. Тем не менее, революционные лозунги и методы чартизма и сегодня еще, если их критически выделить, бесконечно выше слащавой эклектики Макдональдов и экономического тупоумия Веббов. Если прибегать к рискованному сравнению, то можно сказать, что чартистское движение похоже на прелюдию, которая дает в неразвернутом виде музыкальную тему всей оперы. В этом смысле английский рабочий класс может и должен видеть в чартизме не только свое прошлое, но и свое будущее. Как чартисты отбросили в сторону сентиментальных проповедников «морального действия», собравши массы под знаменем революции, так и английскому пролетариату предстоит извергнуть из своей среды реформистов, демократов, пацифистов и сплотиться под знаменем революционного переворота. Чартизм не дал победы не потому, что его методы были неверны, а потому, что он явился слишком рано. Он был лишь историческим предвосхищением. Революция 1905 г. тоже потерпела поражение. Но ее традиции ожили через 12 лет, и ее методы победили в Октябре 1917 г. Чартизм совсем не ликвидирован. История ликвидирует либерализм и готовится к ликвидации лже-рабочего пацифизма именно затем, чтобы возродить чартизм на новых, неизмеримо более широких исторических основах. Вот где подлинная национальная традиция английского рабочего движения!

VII.

ТРЕД-ЮНИОНЫ И БОЛЬШЕВИЗМ.

Что нельзя оценивать и ограничивать основные задачи рабочего движения под формальным, в конце концов чисто юридическим углом зрения демократии, это особенно ясно видно как раз на новейшей истории самой Англии и с особой наглядностью—на вопросе о политических взносах профессиональных союзов. Вопрос этот, на первый взгляд чисто практический, имеет на самом деле огромное принципиальное значение, не понятое, как мы опасаемся, господами лидерами рабочей партии. Тред-юнионы имеют своей целью борьбу за улучшение условий труда и существования наемных рабочих. Для этого члены союзов делают известные денежные взносы. Что касается политической деятельности, то формально тред-юнионы считались нейтральными, фактически же шли чаще всего в хвосте либеральной партии. Незачем и говорить, что либералы, продающие, как и консерваторы, всякие почести богатым буржуа за крупный взнос в их партийную кассу, нуждались не в денежной помощи тред-юнионов, а только в их голосах. Положение изменилось с того момента, когда рабочие, через посредство тред-юнионов, создали рабочую партию. Раз призвав ее к жизни, тред-юнионы оказались вынуждены финансировать ее. Для этого понадобились дополнительные взносы со стороны профессионально-организованных рабочих. Буржуазные партии единодушно выступили против этого «вопиющего нарушения индивидуальной свободы».—Рабочий есть не только рабочий, но

и гражданин и человек,—глубокомысленно поучает Макдональд.—Вот именно,—вторят ему Болдуин, Асквит⁴¹⁾ и Ллойд-Джордж. В качестве гражданина, рабочий, примыкает ли он к трэд-юнионам или нет, имеет право голосовать за любую партию. Взимать с него принудительный взнос в пользу рабочей партии есть насилие не только над его кошельком, но и над его совестью. Это, наконец, прямое нарушение демократической конституции, исключающей какое бы то ни было принуждение в деле поддержки той или другой партии! В сущности, эти доводы должны сильно импонировать лидерам рабочей партии, которые охотно отказались бы от принудительных, анти-либеральных, почти большевистских методов профессиональных организаций, если бы не эта проклятая нужда в шиллингах и фунтах, без чего нельзя даже в демократической Аркадии получить депутатское место. Такова уж печальная судьба демократических принципов, что шиллинги и фунты набивают им синяки на лбу и фонари под глазами. В этом и состоит собственно несовершенство лучшего из миров.

История вопроса о политических взносах трэд-юнионов уже довольно богата поворотами и драматическими эпизодами. Рассказывать ее здесь мы не будем. Совсем только на днях Болдуин отказался (пока-что!) от новой попытки своих консервативных друзей запретить взимание политических взносов. Ныне действующий парламентский закон 1913 г., разрешив союзам взимать политические взносы, дал право каждому члену трэд-юниона отказываться от уплаты этого взноса и в то же время запретил трэд-юниону преследовать таких членов, исключать их из союза и пр. Если верить подсчетам «Таймса» (6 марта 1925 г.), около 10 процентов общего числа профессионально-организованных рабочих воспользовались своим правом отказа от уплаты политических взносов. Таким образом, принцип индивидуальной свободы спасен, по крайней мере, частично. Полное торжество «свободы» было бы достигнуто лишь в том случае, если бы взносы могли взиматься только с тех членов, которые сами заявили бы на то свое добровольное согласие. Ныне же, в случае соответственного постановления союза, все члены его обязаны делать взносы. Освобождаются только те, которые своевременно и в надлежа-

щей форме об этом заявят. Другими словами, либеральный принцип из торжествующего правила превращен в терпимое исключение. Но и это частичное проведение принципа личной свободы достигнуто—увы, увы!—не волею рабочих, а насилем буржуазного законодательства над организацией пролетариата.

Это обстоятельство порождает вопрос: каким это образом оказывается, что рабочие, составляющие главную массу английского населения, следовательно, и английской демократии, всем ходом своей борьбы толкаются на путь нарушения принципов «личной свободы»; тогда как законодательствующая буржуазия и особенно палата лордов выступают в качестве оплота свободы, то категорически запрещая «насилие» над личностью трэд-юниониста (постановление палаты лордов в 1909 году по делу Осборна)⁴²⁾, то серьезно ограничивая это «насилие» (парламентский акт 1913 года)? Вся суть, разумеется, в том, что рабочие организации, устанавливая свое анти-либеральное, «деспотическое», большевистское право принудительного взимания политических взносов, тем самым борются за фактическую, реальную, а не метафизическую возможность парламентского представительства рабочих; тогда как консерваторы и либералы, отстаивая принципы «личной свободы», на самом деле стремятся материально разоружить рабочих и тем закабалить их буржуазным партиям. Достаточно только взглянуть на распределение ролей: трэд-юнионы—за безусловное право принудительного взимания политических взносов; палата ископаемых лордов—за безусловное запрещение таких поборов, во имя священной личной свободы; наконец, палата общин вынуждает у трэд-юнионов уступку, которая на деле сводится к скидке в десять процентов в пользу принципов либерализма. Даже слепой может нащупать здесь чисто-классовый характер принципа личной свободы, который означает в данных конкретных условиях не что иное, как покушение имущих классов на политическую экспроприацию пролетариата путем сведения на-нет его партии.

Консерваторы защищают от трэд-юнионов «право» рабочего голосовать за любую партию,—те самые тори, которые в течение столетий отказывали рабочим в каком бы то ни было избирательном праве! И сейчас еще, несмотря на то,

что мы многое видали и пережили, нельзя без волнения читать историю борьбы за билль о реформе в начале тридцатых годов в Англии. С каким поразительным упорством, с какой цепкостью, с какой наглостью рабовладельческого класса лэнд-лорды, банкиры, епископы, словом, привилегированное меньшинство, отбивали атаки буржуазии и шедших в ее хвосте рабочих на парламентские твердыни! Реформа 1832 года была проведена тогда, когда ее уже нельзя было не провести. И расширение избирательного права было проведено со строгим расчетом: отделить буржуазию от рабочих. От консерваторов нисколько по существу не отличались либералы, которые, добившись избирательной реформы 32-го года, оставили рабочих за бортом. Когда чартисты требовали от ториев и вигов предоставления рабочим права голоса, сопротивление парламентских монополистов имело бешеный характер. А когда рабочие добились, наконец, права голоса, консерваторы выступают на защиту их «индивидуальной свободы» — против тирании трэд-юнионов. И это подлое, отвратительное лицемерие не встречает надлежащей оценки в парламенте! Наоборот, рабочие депутаты благодарят премьера, который великодушно отказывается сегодня затянуть финансовую петлю на шею рабочей партии, но полностью и целиком сохраняет за собою право сделать это в более подходящий момент. Болтунов, которые забавляются терминами «демократия», «равенство», «индивидуальная свобода», надо бы посадить на школьную скамью и заставить их изучить историю Англии вообще и историю борьбы за расширение избирательного права в частности.

Либерал Кобден⁴³⁾ заявил некогда, что он охотнее жил бы под властью алжирского бей, чем под властью трэд-юниона. В этом Кобден выразил свое либеральное возмущение против «большевистской» тирании, заложенной в самую природу трэд-юнионов. По-своему Кобден был прав. Капиталисту, попавшему под власть профессионального союза, приходится очень тяжело: об этом русская буржуазия может порассказать кое-что. Но вся суть в том, что рабочий имеет над собою постоянно алжирского бей, в лице предпринимателя, и ослабить тиранический режим этого последнего он может не иначе, как через посредство трэд-юниона. Конечно, рабочему приходится нести при этом из-

вестную жертву, не только денежную, но и личную. Однако, через посредство трэд-юниона его «индивидуальная свобода» в последнем счете выигрывает несравненно больше, чем теряет. Это есть классовая точка зрения. Через нее нельзя перескочить. Из нее вырастает право на взимание политических взносов. Буржуазия в массе своей ныне считает необходимым мириться с существованием трэд-юнионов. Но она хочет ограничить их деятельность той чертой, где борьба с отдельными группами капиталистов переходит в борьбу с капиталистическим государством.

Консервативный депутат Мак-Истен указывал в парламенте на то, что отказ трэд-юнионов от политических взносов наблюдается, главным образом, в мелких и рассеянных отраслях индустрии; что же касается концентрированных отраслей промышленности, то там, жалуется он, наблюдается «моральное давление и массовое внушение». Наблюдение в высшей степени интересное! И как характерно для английского парламента, что оно сделано крайним тори, автором запретительного законопроекта, а не социалистом. Оно означает, что отказы от политических взносов наблюдаются в наиболее отсталых отраслях промышленности, где сильны мелко-буржуазные традиции, а следовательно, и мелко-буржуазное представление об индивидуальной свободе, связанное обычно с голосованием за либеральную, а то и за консервативную партию. В новых, более современных производствах господствуют классовая солидарность и пролетарская дисциплина, которая капиталистам и их слугам из рабочих отщепенцев кажется террором.

Некий консервативный депутат, потрясая громами, рассказывал, как в одном трэд-юнионе секретарь угрожал публично выставить списки членов, отказавшихся от уплаты взносов на партию. Рабочие депутаты стали с негодованием требовать имени этого нечестивого секретаря. Между тем, следовало бы каждому трэд-юниону рекомендовать такой образ действий. Разумеется, этого не сделают те бюрократы, которые под улюлюкание обеих буржуазных партий стараются вышибить из рабочих организаций коммунистов. Как только дело коснется этих последних, об индивидуальной свободе речи нет: тут выступают на сцену доводы о государственной безопасности. Нельзя же допускать в рабочую партию ком-

мунистов, отрицающих святость демократии. Между тем, во время прений о политических взносах уже знакомый нам автор запретительного законопроекта, Мак-Истен, обронил насчет этой самой демократии фразу, которую оппозиция встретила легкомысленным смехом, но которую следовало бы, по существу, не только выгравировать на стенах парламента, но и повторять и разъяснять на каждом рабочем собрании. Иллюстрируя цифрами значение политических взносов трэд-юнионов, Мак-Истен указал, что до либерального билля 1913 года трэд-юнионы расходовали в год лишь около ста тысяч рублей на политические цели, а ныне, благодаря легализации политических поборов, у них в руках фонд в $2\frac{1}{2}$ миллиона рублей. Естественно,—говорит Мак-Истен,—если рабочая партия стала сильной. «Когда имеешь $2\frac{1}{2}$ миллиона дохода в год, можно создать партию для какой угодно цели». Неистовый тори сказал немножко больше, чем хотел сказать. Он откровенно признал, что партии делаются, что делаются они при помощи денег, что фонды играют решающую роль в механике «демократии». Нужно ли говорить, что буржуазные фонды неизмеримо обильнее пролетарских? Одно это совершенно разбивает лживую мистику демократии. Всякий пробужденный английский рабочий должен сказать Макдональду: ложь, будто для нашего движения высшим критерием являются принципы демократии. Самые эти принципы состоят под контролем денежных фондов, ими искажаются и фальсифицируются.

И, тем не менее, нужно признать: если оставаться на формально-демократической точке зрения, если оперировать с понятием идеального гражданина, а не пролетария, капиталиста, лэнд-лорда, то наиболее последовательными окажутся самые реакционные гориллы верхней палаты. Каждый гражданин имеет, чорт возьми, право свободно поддерживать кошельком и голосом ту партию, какую укажет ему его свободная совесть! Беда только в том, что этого идеального британского гражданина не существует в природе. Он представляет собою юридическую фикцию. Он и раньше никогда не существовал. Но мелкий и средний буржуа до известной степени приближался к этому идеальному понятию. Ныне масштабом идеального среднего гражданина

считает себя фабианец, для которого капиталист и пролетарий не что иное, как «уклонения» от идеального типа гражданина. Но фабианских филистеров не так уж много на свете, хотя все же значительно больше, чем следовало бы. Вообще же избиратели делятся на имущих и эксплуататоров, с одной стороны, пролетариев и эксплуатируемых—с другой.

Профессиональные союзы представляют собой—тут уж никакая либеральная казуистика не поможет—классовое объединение наемных рабочих для борьбы с своекорыстием и жадностью капиталистов. Одним из важнейших орудий профессионального союза является стачка. Членские взносы идут на поддержку стачки. Во время стачечной борьбы рабочие ведут беспощадную борьбу с штрейкбрехерами, осуществляющими другой либеральный принцип—«свободу труда». Во время всякой большой стачки союз нуждается в политической поддержке, вынужден адресоваться к прессе, партиям и парламенту. Враждебное отношение либеральной партии к борьбе трэд-юнионов и было одной из причин, вынудившей их к созданию рабочей партии. Если вдуматься в историю просхождения рабочей партии, то станет ясно, что под углом зрения трэд-юниона партия является как бы его политическим отделом. Ему нужна стачечная касса, сеть уполномоченных, газета и доверенный депутат в парламенте. Расход на избрание депутата в парламент есть для него такой же законно-необходимый и обязательный расход, как и на секретарский аппарат. Либеральный или консервативный член трэд-юниона может сказать: я исправно плачу свой обычный членский взнос в трэд-юнион, но от поборов на рабочую партию отказываюсь, так как в силу моих политических убеждений голосую за либерала (или за консерватора). На это представитель трэд-юниона может ответить ему: во время борьбы за улучшение условий труда—а ведь в этом цель нашей организации—мы нуждаемся в поддержке рабочей партии, ее прессы, ее депутатов; между тем, та партия, за которую ты голосуешь (либералы или консерваторы), всегда в таких случаях обрушивается на нас, стараясь нас скомпрометировать, посеять в нашей среде раздор или прямо организовать штрейкбрехеров; таких членов, которые поддерживают штрейкбрехеров, нам не на-

до! Таким образом то, что с точки зрения капиталистической демократии является свободой личности, с точки зрения пролетарской демократии оказывается свободой политического штрейкбрехерства. Скидка в десять процентов, которой добилась буржуазия, совсем не невинная вещь. Это значит, что в составе трэд-юнионов из десяти членов один является заведомым политическим, т.е. классовым противником. Конечно, часть из них, может быть, удастся завоевать, но остальные могут, в случае острой борьбы, оказаться неценным орудием буржуазии против рабочих. Совершенно неизбежна поэтому в дальнейшем борьба против той брешки, которую парламентский акт 1913 г. пробил в стене трэд-юнионов.

Вообще говоря, мы, марксисты, стоим на той точке зрения, что членом профессионального союза может быть каждый честный, неопороченный рабочий, независимо от политических, религиозных и иных убеждений. На профессиональные союзы мы смотрим, с одной стороны, как на боевые экономические организации, с другой стороны, как на школу политического воспитания. Выступая, по общему правилу, за допущение в профессиональный союз отсталых и несознательных рабочих, мы исходим не из отвлеченного принципа свободы мнений, свободы совести, а из соображений революционной целесообразности. Но те же самые соображения говорят нам, что в Англии, где 90% профессионально-организованных рабочих уплачивают политические взносы, одни сознательно, другие из нежелания нарушить солидарность, и где только 10% решаются бросить открытый вызов рабочей партии, необходимо против этих 10% вести систематическую борьбу, заставить их почувствовать себя отщепенцами и обеспечить за трэд-юнионами право исключать их, как штрейкбрехеров. В конце концов, если отвлеченный гражданин имеет право голосовать за любую партию, рабочие организации имеют право не допускать в свою среду таких граждан, политическое поведение которых враждебно интересам рабочего класса. Борьба профессиональных союзов за недопущение на фабрики неорганизованных рабочих давно уже известна, как проявление рабочего «терроризма» или, по нынешнему, большевизма. Именно в Англии можно и должно эти методы перенести на рабо-

чую партию, выросшую как прямое продолжение трэд-юнионов.

Цитированные нами выше прения, которые происходили в английском парламенте 7 марта этого (1925) года по поводу политических взносов, представляют совершенно исключительный интерес для характеристики парламентарной демократии. Только в речи премьера Болдуина слышались осторожные намеки на реальные опасности, коренящиеся в классовой структуре Англии. Старые отношения исчезли, добрых старых английских предприятий с патриархальными нравами—мистер Болдуин сам руководил таким предприятием в дни своей молодости—теперь больше нет. Промышленность концентрируется и комбинируется. Рабочие объединяются в трэд-юнионы, и эти организации могут представить опасность для самого государства. Болдуин говорил об объединенных предпринимателях, как и о рабочих союзах. Но само собою разумеется, что реальную опасность демократическому государству он видит лишь в лице трэд-юнионов. К чему сводится так называемая борьба против трестов, мы достаточно хорошо знаем на примере Америки. Шумная анти-трестовская агитация Рузвельта⁴⁴) оказалась мыльным пузырем. Тресты при нем и после него еще более усилились, и американское правительство является их исполнительным органом в гораздо более непосредственной степени, чем рабочая партия—политическим органом трэд-юнионов. Если в Англии тресты, как форма объединения, не играют такой роли, как в Америке, то капиталисты играют не меньшую роль. Опасность трэд-юнионов в том и состоит, что они—пока что ошупью, нерешительно и половинчато—выдвигают принцип рабочего правительства, которое невозможно без рабочего государства, в противовес капиталистическому правительству, которое может ныне существовать лишь под прикрытием демократии. Болдуин целиком согласен с принципом «индивидуальной свободы», который положен в основу запретительного билля, внесенного его парламентскими друзьями. Он тоже считает политические взносы трэд-юнионов «моральным злом». Но он не хочет нарушать мира. Борьба, раз начавшись, может иметь тяжкие последствия: «мы ни в коем случае не хотим произвести первый выстрел». И Болдуин кончает: «дай нам мир

в наше время, о господи!». Почти вся палата приветствует эту речь и в том числе многие рабочие депутаты: премьер сделал, по собственному заявлению, «жест мира». Немедленно поднимается рабочий депутат Томас, который всегда на месте, когда нужно сделать жест лакейства: он приветствует Болдуина, он отмечает истинно-человеческую ноту в его речи; он заявляет, что от тесного общения предпринимателей и рабочих выиграют обе стороны; он с гордостью ссылается на то, что не мало левых рабочих в его собственном союзе отказываются платить политические взносы, ввиду того, что у них такой реакционный секретарь, как он, мистер Томас. И все прения по вопросу, в котором пересекаются жизненные интересы борющихся классов, ведутся в этом тоне условностей, недомолвок, официальной лжи, чисто-английского парламентского *cant'a*. Недомолвки консерваторов имеют характер маккиавеллизма⁵⁴); недомолвки рабочей партии вытекают из презренной трусости. Представительство буржуазии похоже на тигра, который втягивает когти и ласково жмурится; рабочие лидеры, вроде Томаса, похожи на битую собаку, которая поджимает хвост.

Безвыходность экономического положения Англии непосредственнее всего отражается на трэд-юнионах. На второй день после окончания войны, когда сгоряча казалось, что Великобритания является неограниченной владицей судеб мира, рабочие массы, пробужденные войной, приливали сотнями тысяч и миллионами в трэд-юнионы. Высшая точка была достигнута в 1919 году: после этого начинается отлив. В настоящее время число членов профессиональных организаций сильно пало и продолжает падать. Джон Уитли, «левый» член министерства Макдональда, выразился на одном из мартовских собраний в Глазгове в том смысле, что трэд-юнионы являются ныне лишь тенью самих себя и что они одинаково не в состоянии ни сражаться, ни вести переговоры. Против этой оценки решительно выступал Фред Бремли, генеральный секретарь конгресса трэд-юнионов. Poleмика между этими двумя, теоретически, пожалуй, одинаково беспомощными противниками, представляет, однако, выдающийся симптоматический интерес. Бремли ссылается на то, что политическое движение, как более «благодарное», т.е. открывающее более широкие карьерные возможности,

отвлекает от тред-юнионов наиболее ценных работников. С другой стороны, спрашивает Бремли, чем была бы партия без политических взносов тред-юнионов? В конце концов, Бремли не отрицает упадка экономической мощи тред-юнионов, объясняя его ссылкой на экономическое положение Англии. Но тщетно стали бы мы искать у генерального секретаря конгресса тред-юнионов какого-либо указания на выход из тупика. Его мысль не выходит из рамок скрытого соперничества между аппаратом тред-юнионов и аппаратом партии. Между тем, вопрос совсем не здесь. В основе радикализации рабочего класса, а следовательно, и роста рабочей партии покоятся те же причины, которые нанесли жестокие удары экономической мощи тред-юнионов. Одно несомненно развивается сейчас за счет другого. Но было бы величайшим легкомыслием делать отсюда тот вывод, что роль тред-юнионов сыграна. Наоборот, производственным союзам английского рабочего класса еще только предстоит великое будущее. Именно потому, что в рамках капиталистического общества для тред-юнионов, при нынешнем положении Великобритании, нет никаких больших перспектив, производственные рабочие союзы вынуждены стать на путь социалистической реорганизации хозяйства. Соответственным образом перестроившись, сами тред-юнионы станут главным рычагом экономического преобразования страны. Но необходимой предпосылкой для этого является завладение пролетариатом властью,—не в смысле жалкого и пошлого фарса макдональдовского министерства, а в реальном, материальном, революционном, классовом смысле. Нужно, чтобы весь аппарат государства стал служебным аппаратом пролетариата. Нужно, чтобы рабочий класс, как единственно заинтересованный в социалистическом перевороте, получил возможность продиктовать свою волю всему обществу. Нужно, чтобы вся администрация, все судьи и чиновники были так же глубоко проникнуты социалистическим духом пролетариата, как нынешние чиновники и судьи проникнуты духом буржуазии. Только тред-юнионы дадут для этого необходимый человеческий персонал. Наконец, тред-юнионы же выделяют из себя органы управления национализированной промышленностью. В дальнейшем тред-юнио-

ны станут школами воспитания пролетариата в духе социалистического производства. Будущая роль их, следовательно, необозрима. Но ныне они находятся в несомненном тупике. Из него нет выхода на пути паллиативов и полумер. Гниение английского капитализма неизбежно порождает бессилие трэд-юнионов. Только революция может спасти английский рабочий класс и вместе с ним его организации. Чтобы взять власть, пролетариату необходимо иметь во главе себя революционную партию. Чтобы сделать трэд-юнионы способными к их дальнейшей роли, нужно освободить их от консервативных чиновников, от суеверных тупиц, которые неведомо откуда ждут «мирных» чудес, наконец, просто от агентов крупного капитала, от ренегатов в духе Томаса. Реформистская, оппортунистическая, либерально-рабочая партия может только ослаблять трэд-юнионы, парализуя активность масс. Революционная рабочая партия, опирающаяся на трэд-юнионы, станет вместе с тем могущественным орудием их оздоровления и подъема.

В принудительном, анти-либеральном, «деспотическом» взимании политических взносов, как будущий стебель и колос в зерне, содержатся все те методы большевизма, против которых Макдональд не устает кропить святой водой своей возмущенной ограниченности. Рабочий класс имеет право и обязан ставить свою продуманную классовую волю выше всех фикций и софизмов буржуазной демократии. Он должен действовать в духе той революционной самоуверенности, какую Кромвель прививал молодой английской буржуазии. Своим пуританам-новобранцам Кромвель, как мы уже слышали, внушал: «Я не хочу вас обманывать, не стану вас убеждать, как мне это приказано в инструкции, будто вы идете сражаться за короля и парламент. Какой бы враг ни стоял лицом к лицу передо мною, кто бы он ни был, я выстрелю в него из пистолета, как во всякого другого врага; если совесть запрещает вам сделать то же самое, идите служить другому». В этих словах звучит не кровожадность и не деспотизм, а сознание великой исторической миссии, дающей право уничтожать все препятствия на пути. Молодой прогрессивный класс, впервые почувствовавший свое призвание, говорит устами

Кромвеля. Если искать национальных традиций, то английскому пролетариату надо этим духом революционной самоуверенности и наступательного мужества заимствоваться у старых индпендентов. Макдональды, Веббы, Сноудены и др. перенимают у соратников Кромвеля только их религиозные предрассудки и сочетают их с истинно-фабианской трусостью. Пролетарскому авангарду нужно сочетать революционное мужество индпендентов с материалистической ясностью мирозерцания.

★

Английская буржуазия отдает себе безошибочный отчет в том, что главная опасность грозит ей со стороны трэд-юнионов, и что только под давлением этих массовых организаций рабочая партия, радикально обновив свое руководство, может превратиться в революционную силу. Одним из новых методов борьбы против трэд-юнионов является самостоятельное объединение административно-технического персонала (инженеров, директоров, мастеров и пр.) в качестве «третьей партии в промышленности». «Таймс» ведет очень умелую, очень искусную борьбу против теории об «единстве интересов работников физического и умственного труда». В этом, как и в других случаях, буржуазные политики с большим искусством используют внушенные ими же самими идеи фабианства. Противопоставление труда капиталу гибельно для национального развития, говорит «Таймс» заодно со всеми лидерами рабочей партии и делает отсюда вывод: инженеры, директора, администраторы, техники, стоящие между капиталом и трудом, более всего способны оценивать интересы промышленности «в целом» и вносить мир в отношения между нанимателями и наемниками. Именно для этого административно-технический персонал должен выделиться в третью партию промышленности. По существу дела, «Таймс» идет здесь целиком навстречу фабианцам. Принципиальная позиция этих последних, реакционно-утопически направленная против классово-борьбы, полнее всего совпадает с общественным положением мелко-буржуазного и средне-буржуазного интеллигента, инженера, администратора, который стоит между капиталом и трудом, является, по существу дела, орудием в руках капи-

тала, но хочет воображать себя независимым, и чем больше подчеркивает свою независимость от пролетарских организаций, тем полнее попадает в кабалу к организациям капиталистическим. Можно заранее без труда предсказать, что, по мере своего неизбежного вытеснения из трэд-юнионов и рабочей партии, фабианство все больше будет сливать свою судьбу с судьбою промежуточных элементов промышленного, торгового и государственно-бюрократического аппарата. Независимая рабочая партия, после нынешнего своего временного возвышения, будет неизбежно сброшена вниз и, став «третьей партией в промышленности», будет путаться в ногах капитала и труда.

VIII.

ПЕРСПЕКТИВЫ.

По поводу того, что мистрис Ллойд-Джордж, жена бывшего премьер-министра, потеряла дорогое ожерелье, «Дэйли Геральд», ежедневный орган рабочей партии, задумался о либеральных вождах, которые переходят на сторону врага и преподносят своим женам дорогие ожерелья. Передовица газеты приходит по этому поводу к следующему поучительному выводу: «Существование рабочей партии зависит от того, с каким успехом ей удастся удержать рабочих лидеров от следования по тому же гибельному пути». Артур Понсонби⁴⁶⁾, отчаявшийся либерал, не переставший быть либералом и в составе рабочей партии, предается в том же номере газеты размышлениям о том, как либеральные вожди, Асквит и Ллойд-Джордж, погубили великую либеральную партию. «Да,—вторит ему передовик,—либеральные вожди сменили простые привычки и манеры на образ жизни богачей, с которыми они постоянно якшаются; они усвоили себе высокомерие по отношению к низам...» и пр., и пр. Казалось бы, нет ничего мудреного в том, что вожди либеральной, т.-е. одной из двух буржуазных партий, ведут буржуазный образ жизни. Но для либералов из рабочей партии либерализм представляет собою отвлеченную систему высоких идей, а либеральные министры, покупающие женам ожерелья, представляются изменниками идеям либерализма. Поучительнее, однако, размышления о том, как уберечь рабочих лидеров от следования по гибельному пути. Совершенно ясно, что эти рассуждения являются робкими

и косноязычными предостережениями полулиберальным рабочим лидерам со стороны полулиберальных рабочих журналистов, которым приходится считаться с настроениями рабочих читателей. Можно себе без затруднения представить тот карьеристский разврат, который царит на министерских верхах британской рабочей партии! Достаточно сказать, что сама мистрис Ллойд-Джордж в протестующем письме в редакцию «Дэйли Геральд» намекнула на кое-какие факты, вроде «королевского» подарка, полученного Макдональдом от его друга капиталиста. После этих напоминаний редакция сразу прикусила язык. Жалким ребячеством является мысль, будто поведение лидеров рабочей партии можно регулировать при помощи нравоучительных рассказов об ожерельи супруги Ллойд-Джорджа, будто политику вообще можно направлять при помощи отвлеченных моральных предписаний. Наоборот, мораль класса, его партии, его вождей вытекает из политики, понимаемой в широком историческом смысле слова. Это как нельзя лучше видно именно на организациях английского рабочего класса. «Дэйли Геральд» додумался до вредоносности якшания с буржуазией для житейской морали «вождей». Но ведь это же целиком зависит от политического отношения к буржуазии. Если стоять на позиции непримиримой классовой борьбы, то никакому амикошонству не будет места: ни рабочего лидера не потянет в буржуазную среду, ни буржуазия его туда не пустит. Но ведь лидеры рабочей партии защищают идею сотрудничества классов и сближения их вождей. «Сотрудничество и взаимное доверие между нанимателями и рабочими, — так поучал, например, мистер Сноуден на одном из парламентских заседаний этого года, — является существенным условием благосостояния страны». Подобные же речи мы слышим от Клайнса, Веббов и всех прочих светил. На той же точке зрения стоят и вожди трэд-юнионов: мы только и слышим от них о необходимости частых встреч нанимателей и рабочих представителей за общим столом. Между тем, политика постоянного «дружественного» общения рабочих лидеров с буржуазными дельцами в поисках общей почвы, т.е. устранения того, что отличает их друг от друга, представляет, как мы слышали от «Дэйли Геральд», опасность не только

для морали вождей, но и для развития партии. Как же быть? Когда Джон Бернс ⁴⁷⁾ изменил пролетариату, он стал говорить: «Я не хочу особой рабочей точки зрения, как не хочу рабочих сапог и рабочего маргарина». Что на этом пути Джон Бернс, ставший буржуазным министром, значительно улучшил свое масло и свои сапоги, стоит вне спора. Но вряд ли эволюция Бернса улучшила сапоги портовых рабочих, которые подняли Бернса на своих плечах. Мораль вытекает из политики. Чтобы бюджет Сноудена нравился Сити, нужно, чтобы сам Сноуден и в бытовом, и в моральном отношении стоял ближе к банковским воротилам, чем к углекопам Уэльса. А как обстоит дело с Томасом? Выше мы рассказали о банкете железно-дорожных предпринимателей, на котором Томас, секретарь союза железно-дорожных рабочих, клялся, что душа его принадлежит не рабочему классу, а «истине», и что в поисках за этой истиной он, Томас, пришел на банкет. Замечательно, однако, что обо всей этой гнусности подробно рассказывается в «Таймсе», но ни слова нет в «Дэйли Геральд». Несчастливая газетка занимается морализированием впус-тую. Попробуйте обуздать Томасов притчей об ожерели мистрис Ллойд-Джордж. Ничего не выйдет. Томасов надо выгнать. А для этого не замалчивать нужно банкетные и иные объятия Томаса с врагами, а кричать о них, раз-облачать их и призывать рабочих к беспощадной чистке своих рядов. Чтобы изменить мораль, надо изменить политику.

Сейчас, когда пишутся эти строки (апрель 1925 года), несмотря на консервативное правительство, официальная политика Англии стоит под знаком компромисса: нужно «сотрудничество» обеих промышленных сторон, необходимы взаимные уступки, нужно сделать рабочих в том или ином виде «участниками» доходов промышленности и пр. В этом умонастроении консерваторов выражается и сила англий-ского пролетариата и слабость его. Он заставил консерва-торов взять ориентировку на «примирение» тем, что создал собственную партию. Но он еще позволяет консерваторам надеяться на «примирение», потому что во главе рабочей партии оставляет Макдональдов, Томасов и К^о.

Болдуин произносит речь за речью о необходимости

взаимной терпимости, чтобы страна могла без катастрофы выйти из трудностей своего нынешнего положения. По поводу этих речей рабочий «вождь» Роберт Смилли выражает свое полное удовлетворение: «Какой чудесный призыв к терпимости с обеих сторон!» Смилли обещает целиком следовать этому призыву. Он надеется, что и капитаны промышленности встанут на более гуманный путь по отношению к требованиям рабочих. «Это вполне законное и разумное желание»,—удостоверяет с серьезнейшей миной руководящая газета «Таймс». И все эти приторные речи ведутся в условиях торгово-промышленных трудностей, хронической безработицы, передачи британских заказов на судостроение Германии и угрожающих конфликтов в целом ряде отраслей промышленности,—и где?—в Англии, с ее опытом классовых битв. Поистине коротка память трудящихся масс и беспримерно лицемерие правящих! Историческая память буржуазии—в ее традициях господства, в учреждениях, в законах страны, в накопленном искусстве управления. Память рабочего класса—в его партии. Реформистская партия есть партия короткой памяти.

Если соглашательство консерваторов—лицемерие, то оно вынуждено серьезными причинами. В центре усилий правящих партий Европы стоит сейчас забота о поддержании внешнего и внутреннего мира. Так называемая «реакция» против войны и методов первого послевоенного периода объясняется отнюдь не только психологическими причинами. Капиталистический режим показал себя во время войны настолько могучим и эластичным, что вызвал к жизни особые иллюзии военного капитализма. Смелое централизованное руководство хозяйственной жизнью, военный захват недостающих хозяйственных благ, жизнь в долг, неограниченный выпуск бумажных денег, устранение социальных опасностей при помощи кровавого насилия, с одной стороны, всевозможных подачек, с другой,—казалось горяча, что эти методы разрешают все вопросы и побеждают все трудности. Но хозяйственная действительность скоро подрезала крылья иллюзиям военного капитализма. Германия подошла к самому краю бездны. Государство богатой Франции не выходит из замаскированного банкротства. Английское государство вынуждено содержать армию безработных,

почти в два раза превосходящую армию французского милитаризма. Богатство Европы оказалось отнюдь не безграничным. Продолжение войн и потрясений означало бы неминуемую гибель европейского капитализма. Отсюда забота об «упорядочении» отношений между государствами и классами. На страхе перед потрясениями умело сыграли во время последних выборов английские консерваторы. Став у власти, они выступают, как партия примирения, соглашения, социального благоволения. «Безопасность — вот ключ к позиции», эти слова либерального лорда Грея⁴⁸) повторяет консервативный Остин Чемберлен. Их перепевом живет английская печать обоих буржуазных лагерей. Стремление к умиротворению, созданию «нормальных» условий, обеспечению твердой валюты, восстановлению торговых договоров не разрешает само по себе ни одного из противоречий, приведших к империалистической войне и ею еще более обостренных. Но только исходя из этого стремления и из политических группировок, на нем создающихся, можно понимать нынешние устремления внутренней и внешней политики правящих партий Европы.

Незачем говорить, что миротворческие тенденции на каждом шагу наталкиваются на сопротивление послевоенной экономики. Английские консерваторы уже начали подкоп закон о страховании безработных. Сделать английскую промышленность, как она есть, более способной к конкуренции нельзя иначе, как понижением заработной платы. А это недостижимо при сохранении нынешней страховки безработных, повышающей силу сопротивления рабочего класса. На этой почве уже начались аванпостные стычки. Они могут привести к серьезным боям. Во всяком случае, в этой области, как и в других, консерваторы вынуждены будут очень скоро заговорить своим натуральным голосом. Верхи рабочей партии будут при этом попадать во все более и более затруднительное положение.

Здесь вполне уместно будет напомнить о тех отношениях, какие установились в палате общин после выборов 1906 года, когда на парламентской арене впервые появилась крупная рабочая фракция. В первые два года рабочие депутаты были окружены особой предупредительностью. На третий год отношения значительно испортились. В 1910 году

парламент уже «игнорировал» рабочую фракцию. Вызвано это было не какой-либо непримиримостью этой последней, а тем, что вне парламента рабочие массы становились все более требовательными. Выбрав значительное число депутатов, они ждали серьезных перемен в своей судьбе. Эти ожидания явились одним из факторов, подготовивших могущественнейшее стачечное движение 1911—1913 г.г.

Из этой справки вытекают кое-какие выводы для настоящего момента. Заигрывания болдуинского большинства с рабочей фракцией должны будут тем неизбежнее превратиться в свою противоположность, чем решительнее будет напор рабочих на свою фракцию, на капитал и на парламент. Об этом у нас уже шла речь в связи с вопросом о роли демократии и революционного насилия во взаимоотношениях между классами. Теперь мы хотим подойти к тому же вопросу с точки зрения внутреннего развития самой рабочей партии.

Руководящую роль в британской рабочей партии играют, как известно, вожди независимой рабочей партии, с Макдональдом во главе. Независимая рабочая партия не только до, но и во время войны занимала пацифистскую позицию, «осуждала» социал-империализм и, вообще, принадлежала к центристскому течению. Программа независимой партии направлена «против милитаризма в какой бы то ни было форме». По окончании войны независимая партия выступила из состава II Интернационала, по постановлению конференции в 1920 г. независимцы входили даже в сношения с III Интернационалом и задали ему двенадцать вопросов, один другого глубокомысленнее. Седьмой вопрос гласил: «коммунизм и диктатура пролетариата могут ли быть установлены только вооруженной силой, или же к участию в Третьем Интернационале допускаются партии, оставляющие этот вопрос открытым?» Картина высоко поучительная: мясник вооружен кривым ножом, а теленок оставляет вопрос открытым. Но все же в то критическое время независимая партия ставила вопрос о вхождении в Коммунистический Интернационал, тогда как теперь она исключает коммунистов из рабочей партии. Противоречие между вчерашним неза-

висимой партии и сегодняшней политикой рабочей партии, особенно в те месяцы, когда она стояла у власти, бьет в глаза. И сегодня еще политика фабианцев в независимой рабочей партии отличается от политики тех же фабианцев в рабочей партии. В этих противоречиях находит ослабленный отголосок борьба тенденций централизма и социал-империализма. В самом Макдональде эти тенденции перекрещиваются и сочетаются,—в результате чего христианский пацифист строит легкие крейсера, в ожидании того, когда придется строить тяжелые.

Главная черта социалистического централизма—недоговоренность, промежуточность, межеумочность. Он держится до тех пор, пока не делает последних выводов, пока не вынужден отвечать на ребром поставленные основные вопросы. В мирные, «органические» эпохи центризм может держаться, как официальная доктрина даже большой и активной рабочей партии, как было с германской социал-демократией до войны, ибо в тот период от партии пролетариата не зависело решение основных вопросов государственной жизни. Вообще же, центризм больше всего свойственен небольшим организациям, которые именно недостатком своего влияния освобождаются от необходимости давать ясный ответ на все вопросы политики и нести за этот ответ практическую ответственность. Таков именно был центризм независимой рабочей партии.

Империалистическая война слишком ясно обнаружила, что рабочая бюрократия и рабочая аристократия успела за предшествующий период капиталистического расцвета пройти через глубокое мелко-буржуазное перерождение—в смысле жизненного обихода и всего духовного уклада. Но мелкий буржуа сохраняет видимость самостоятельности до первого толчка. Война одним ударом вскрыла и закрепила политическую зависимость мелкого буржуа от крупного и крупнейшего. Социал-империализм явился формой такой зависимости внутри рабочего движения. Центризм же, поскольку он сохранился или возродился во время войны и после нее, выражал собою испуг мелкого буржуа из рабочих бюрократов перед полным и, главное, открытым империалистическим пленением. Германская социал-демократия, которая в течение многих лет, и еще при Бебеле, вела центрист-

скую, по существу, политику, уже вследствие одного своего могущества не могла удержаться на этой позиции во время войны: тут нужно было быть либо против войны, т.-е. стать, по существу, на революционный путь, либо за войну, т.-е. открыто перейти в лагерь буржуазии. Независимая рабочая партия в Англии, как пропагандистская организация внутри рабочего класса, могла не только сохранить, но даже временно усилить свои центристские черты во время войны, «снимая с себя ответственность», занимаясь платоническими протестами, пацифистской проповедью, не доводя ни одной своей мысли до конца и не причиняя воюющему государству никаких серьезных затруднений. Центристский характер имела оппозиция независимых в Германии, которые тоже «снимали с себя ответственность», не мешая, однако, Шейдемана и Эбертам ставить всю мощь рабочей организации к услугам воюющего капитала.

В Англии мы получили после войны совершенно исключительное «совмещение» социал-империалистской и центристской тенденции в рабочем движении. Независимая рабочая партия, как уже сказано, была как нельзя более приспособлена к роли безответственной центристской оппозиции, которая критикует, но не причиняет господствующим большого вреда. Однако, независимцам пришлось в короткий срок стать политической силой, и это одновременно изменило их роль и их физиономию.

Силой независимцы стали вследствие пересечения двух причин: во-первых, потому что история поставила рабочий класс перед необходимостью создать собственную партию; во-вторых, потому что война и послевоенный период, пробудив многомиллионные массы, создали на первых порах благоприятный резонанс для идей рабочего пацифизма и реформизма. Разумеется, демократически-пацифистских иллюзий было немало в головах английских рабочих и до войны. Разница тем не менее колоссальна: в прошлом английский пролетариат, поскольку он участвовал в политической жизни, связывал свои демократически-пацифистские иллюзии—особенно в течение второй половины XIX века—с деятельностью либеральной партии. Она этих надежд «не оправдала» и лишилась доверия рабочих. Выросла особая рабочая партия, как неоценимое историческое завоевание, которого

уже ничто не возьмет обратно. Но нужно отдать себе ясный отчет в том, что рабочие массы разочаровались больше в доброй воле либерализма, чем в демократически-пацифистских способах разрешения социального вопроса, тем более, что новые поколения, новые миллионы привлечены к политике впервые. Они перенесли свои надежды и иллюзии на рабочую партию. Именно поэтому и только поэтому независимцы получили возможность возглавить ее. За демократически-пацифистскими иллюзиями рабочих масс стоит их пробужденная классовая воля, глубокое недовольство своим положением, готовность поддержать свои требования всеми способами, каких потребует обстановка. Но строить партию рабочих класс может из тех идеологических и личных руководящих элементов, которые подготовлены всем предшествующим развитием страны, всей ее теоретической и политической культурой. Здесь, вообще говоря, источник большого влияния мелко-буржуазной интеллигенции, включая сюда, конечно, и рабочих аристократов и бюрократов. Создание британской рабочей партии стало необходимостью именно потому, что в массах пролетариата произошел глубокий сдвиг влево. Политическое же оформление этого сдвига выпало на долю тех представителей бессильного консервативно-протестантского пацифизма, какие имелись налицо. Но перенеся свой штаб на основу из нескольких миллионов организованных рабочих, независимцы не могли оставаться самими собою, т.-е. наложить просто свою центристскую печать на партию пролетариата. Попав в руководители партии миллионов рабочих, они не могли уже ограничиваться центристскими недомолвками и пацифистской пассивностью. Им пришлось, сперва—в качестве ответственной оппозиции, затем—в качестве правительства, отвечать либо «да», либо «нет» на самые острые вопросы государственной жизни. С того момента, как центризм стал политической силой, он должен был выйти за пределы центризма, т.-е. либо сделать революционные выводы из своей оппозиции империалистическому государству, либо открыто встать на служение ему. Произошло, разумеется, последнее. Пацифист Макдональд стал строить крейсера, сажать в тюрьмы индусов и египтян, оперировать в дипломатии при помощи поддельных доку-

ментов. Ставши политической силой, центризм, как центризм, стал нулем. Глубокий сдвиг английского рабочего класса влево, приведший неожиданно быстро партию Макдональда к власти, обусловил ее явный сдвиг вправо. Такова связь между вчерашним и сегодняшним днем, и такова причина, почему маленькая независимая рабочая партия с кислым недоумением смотрит на свои успехи и пытается прикидываться центристской.

Практическая программа британской рабочей партии, руководимой независимцами, имеет по существу либеральный характер и представляет, особенно во внешней политике, запоздалый перепев гладстоновского бессилия. Гладстон был «вынужден» захватить Египет подобно тому, как Макдональд оказался «вынужден» строить крейсера. Биконфилд⁴⁹) вернее, чем Гладстон, отражал империалистские потребности капитала. Свобода торговли уже не решает ни одного вопроса. Отказ от укрепления Сингапура есть бессмыслица под углом зрения всей системы великобританского империализма. Сингапур — ключ к двум океанам. Кто хочет сохранить колонии, т.е. продолжать политику империалистского грабежа, должен иметь этот ключ в своих руках. Макдональд остается на почве капитализма, но вносит к нему трусливые поправки, которые ничего не решают, ни от чего не избавляют, но увеличивают все трудности и опасности.

По вопросу о судьбе английской промышленности в политике трех партий серьезной разницы нет. Основной чертой этой политики является растерянность, порожденная страхом перед потрясением. Все три партии консервативны и больше всего боятся промышленных конфликтов. Консервативный парламент отказывает углекопам в установлении минимума заработной платы. Выбранные углекопами депутаты говорят, что поведение парламента есть «прямой призыв к революционным действиям», хотя ни один из них всерьез о революционных действиях не думает. Капиталисты предлагают рабочим обследовать совместно состояние угольной промышленности, надеясь доказать то, что не нуждается в доказательствах, а именно, что при нынешней системе угольной промышленности, дезорганизованной частной собственностью, уголь обходится дорого

и при низкой оплате труда. Консервативная и либеральная печать видит в обследовании спасение. Рабочие лидеры идут по тому же пути. Все боятся стачек, которые могут усилить перевес иностранных конкурентов. Между тем, если в условиях капитализма вообще осуществима еще какая-либо рационализация производства, она не может быть достигнута без величайшего стачечного нажима со стороны рабочих. Парализуя через трэд-юнионы рабочую массу, лидеры поддерживают процесс экономического застоя и гниения.

Один из довольно ярких реакционеров, входящих в состав британской рабочей партии, доктор Хеден Гест, шовинист, милитарист, протекционист, безжалостно издевался в английском парламенте над линией собственной партии в вопросе о свободной торговле и протекционизме: позиция Макдональда, по словам Геста, имеет чисто негативный характер и не указывает никакого выхода из экономического тупика. Действительно, безжизненность фритредерства⁶⁰ совершенно очевидна: ведь крушением фритредерства и обусловлено крушение либерализма. Но столь же мало может Англия искать выхода в протекционизме. Для молодой, только развивающейся капиталистической страны протекционизм может быть неизбежной и прогрессивной стадией развития. Но для старейшей индустриальной страны, промышленность которой рассчитана на мировой рынок и имела наступательный и завоевательный характер, переход к протекционизму есть историческое свидетельство начавшегося процесса умирания и практическое означает поддержку одних отраслей промышленности, менее жизнеспособных в данной мировой обстановке, за счет других отраслей той же английской промышленности, более приспособленных к условиям мирового или внутреннего рынка. Программе старческого протекционизма партии Болдуина можно противопоставить не столь же старчески-безжизненное фритредерство, а только практическую программу социалистического переворота. Но для того, чтобы приступить к этой программе, нужно предварительно очистить партию и от реакционных протекционистов, как Гест, и от реакционных фритредеров, как Макдональд.

★

С какого конца и каким путем может произойти смена политики рабочей партии, немислимая без радикальной смены руководства?

Так как в исполнительном комитете и других важнейших учреждениях британской рабочей партии абсолютное большинство принадлежит независимой рабочей партии, то эта последняя образует правящую фракцию в рабочей партии. Эта система взаимоотношений внутри английского рабочего движения дает, кстати сказать, чрезвычайно ценный материал по вопросу о «диктатуре меньшинства»: ведь именно таким образом, т.е. как диктатуру меньшинства, лидеры британской партии определяют роль коммунистической партии в Советской Республике. Мы видим, однако, как независимая рабочая партия, насчитывающая три десятка тысяч членов, получает руководящее положение внутри организации, опирающейся через трэд-юнионы на миллионы членов. А эта организация, т.е. рабочая партия, благодаря численности и роли английского пролетариата, приходит к власти. Таким образом, ничтожнейшее меньшинство в 30.000 человек получает в руки власть в стране, насчитывающей сорок миллионов населения и повелевающей сотнями миллионов. Самая настоящая «демократия» приводит, следовательно, к партийной диктатуре меньшинства. Правда, «диктатура» независимой рабочей партии в классовом смысле не стоит выведенного яйца,—но это уже вопрос совершенно другого порядка. Если, однако, партия в 30.000 человек—без революционной программы, без боевого закала, без серьезных традиций—через посредство бесформенной рабочей партии, опирающейся на трэд-юнионы, может притти к власти по методам буржуазной демократии, то почему же эти господа так негодуют или удивляются, когда коммунистическая партия, теоретически и практически закаленная, с десятилетиями героических боев во главе народных масс в прошлом, партия, насчитывающая сотни тысяч членов, приходит к власти, опираясь на массовые организации рабочих и крестьян? Во всяком случае, приход к власти независимой рабочей партии является несравненно менее почвенным и коренным, чем приход к власти коммунистической партии в России.

Но головокружительная карьера независимой рабочей партии представляет интерес не только с точки зрения полемики против рассуждений о диктатуре коммунистического меньшинства. Несравненно важнее оценить быстрый подъем независимцев с точки зрения будущей судьбы английской коммунистической партии. Некоторые выводы здесь напрашиваются сами собой.

Независимая рабочая партия, зародившаяся в мелкобуржуазной среде и близкая по своим чувствам и настроениям среде профессиональной бюрократии, естественно возглавила вместе с нею рабочую партию, когда массы давлением своим вынудили своих секретарей создать эту последнюю. Однако, независимая рабочая партия своим сказочным выдвижением, своими политическими методами, всей своей ролью подготавливает и расчищает путь — для коммунистической партии. В течение десятилетий независимая рабочая партия собрала всего около 30 тысяч членов. А когда глубокие изменения в международном положении и во внутренней структуре английского общества породили рабочую партию, на руководство независимцев сразу обнаружился неожиданный спрос. Тот же ход политического развития подготавливает на следующем этапе еще более могущественный «спрос» на коммунизм. В настоящий момент коммунистическая партия очень малочисленна. На последних выборах она собрала всего 53 тысячи голосов—число, которое, по сравнению с 5½ миллионами голосов рабочей партии, способно произвести удручающее впечатление, если не уяснить себе логики политического развития Англии. Думать, что коммунисты будут в течение десятилетий расти шаг за шагом, приобретая на каждых новых парламентских выборах несколько новых десятков или сотен тысяч голосов, значило бы в корне ложно представлять себе будущее. Конечно, в течение известного, еще сравнительно длительного периода коммунизм будет развиваться сравнительно медленно, но затем произойдет неизбежный перелом: коммунистическая партия займет в рабочей партии то место, которое ныне занимают независимцы.

Что для этого нужно? Общий ответ совершенно ясен. Независимая рабочая партия совершила свой небывалый подъем потому, что помогла рабочему классу создать

третью, т.-е. свою собственную партию. Последние выборы показывают, с каким энтузиазмом английские рабочие относятся к созданному ими орудью. Но партия—не самоцель. Рабочие ждут от нее действий и результатов. Английская рабочая партия почти сразу выросла, как партия, непосредственно претендующая на власть и уже успевавшая обратиться к ней. Несмотря на глубоко компрометирующий характер первого «рабочего» правительства, партия на новых выборах приобрела больше миллиона новых голосов. Внутри партии образовалось, однако, так называемое левое крыло, бесформенное, бесхребетное, лишенное самостоятельной будущности. Но самый факт возникновения оппозиции свидетельствует о росте требовательности масс и о параллельном росте тревоги на верхах партии. Достаточно небольшого представления о природе Макдональдов, Томасов, Клайнсов, Сноуденов и всех других, чтобы представить себе, как катастрофически будет нарастать противоречие между требовательностью масс и тупоумным консерватизмом руководящей верхушки рабочей партии, особенно в случае ее нового прихода к власти.

Рисуя эту перспективу, мы исходим из предположения, что нынешнее международное и внутреннее положение английского капитализма не только не улучшается, но, наоборот, продолжает ухудшаться. Если бы этот прогноз оказался не верен, если бы английской буржуазии удалось скрепить империю, вернуть себе былое положение на мировом рынке, поднять промышленность, дать работу безработным, повысить заработную плату, тогда политическое развитие приняло бы попятный характер: снова укрепился бы аристократический консерватизм трэд-юнионов, рабочая партия пошла бы к упадку, внутри ее усилилось бы правое крыло, при чем это последнее сблизилось бы с либерализмом, который, в свою очередь, почувствовал бы известный прилив жизненных сил. Но для такого прогноза нет ни малейшего основания. Наоборот, каковы бы ни были частные колебания экономической и политической конъюнктуры, все говорит за дальнейшее обострение и углубление тех трудностей, через которые проходит ныне Англия, и тем самым—за дальнейшее ускорение темпа ее революционного развития. А в этих условиях приход к власти рабочей партии на одном

из ближайших этапов представляется весьма вероятным, и уж совершенно неизбежным оказывается конфликт между рабочим классом и возглавляющей его ныне фабианской верхушкой.

Нынешняя роль независимцев вызвана тем, что их путь пересекся с путем пролетариата. Но это вовсе не значит, что эти пути слились навсегда. Быстрый рост влияния независимцев есть только отражение исключительной силы напора рабочего класса; но именно этот напор, обусловленный всей обстановкой, столкнет английских рабочих с независимыми вождями. В той мере, в какой это будет происходить, революционные качества британской коммунистической партии—при правильной, разумеется, политике—будут переходить в многомиллионное количество.

Вырисовывается как бы известная аналогия в судьбе коммунистической и независимой партий. И та и другая долго существовали скорее как пропагандистские общества, чем как партии рабочего класса. Затем, при глубоком переломе в историческом развитии Англии, независимая партия возглавила пролетариат. Через некоторый промежуток таковой же подъем проредеет, по нашему предположению, и коммунистическая партия *). Путь ее развития сольется на известном пункте с большой исторической дорогой английского пролетариата. Однако, это слияние произойдет совершенно иначе, чем у независимой партии. Для этой последней связующим звеном явилась бюрократия трэд-юнионов. Независимцы постольку могут возглавлять рабочую партию, поскольку профессиональная бюрократия ослабляет, нейтрализует, искажает самостоятельный классовый напор пролетариата. Коммунистическая же партия, наоборот, лишь в той мере сможет встать во главе рабочего класса, в какой этот последний придет в непримиримое противоречие с консервативной бюрократией в трэд-юнионах и в рабочей партии. Коммунистическая партия может подготовиться к руководящей роли только беспощадной критикой всего руководяще-

---

*) Разумеется, такого рода прогноз имеет условный, ориентировочный характер и ни в каком случае не должен отождествляться с астрономическими предсказаниями лунных или солнечных затмений. Реальный ход развития всегда сложнее схематического, по необходимости, предвиденья.

го персонала английского рабочего движения, только повседневными обличениями его консервативной, антипролетарской, империалистической, монархической, лакейской роли во всех областях общественной жизни и классового движения.

Левое крыло рабочей партии представляет собою попытку возрождения центризма внутри социал-империалистической партии Макдональда. Оно отражает тем самым беспокорство части рабочей бюрократии за связь с левяющими массами. Было бы чудовищной иллюзией думать, что эти левые элементы старой школы способны возглавить революционное движение английского пролетариата и его борьбу за власть. Они представляют собою законченную формацию. Их эластичность очень ограничена, их левизна насквозь оппортунистична. Они не ведут и не способны вести массы на борьбу. В пределах своей реформистской ограниченности они возрождают старый безответственный центризм, не мешая или, вернее, помогая Макдональду нести ответственность за руководство партией, а в известных случаях и за судьбы Британской империи.

Эта картина как нельзя ярче вскрылась на глочестерском съезде независимой рабочей партии (на пасхе 1925 г.). Ворча против Макдональда, независимцы одобрили так называемую «деятельность» рабочего правительства 398 головами против 139. Но и оппозиция могла позволить себе роскошь неодобрения только потому, что большинство за Макдональда было обеспечено. Недовольство левых Макдональдом есть недовольство центризма самим собою. Политику Макдональда нельзя улучшить мозаическими поправками. Центризм, становясь у власти, неизбежно будет вести макдональдовскую, т.е. капиталистическую политику. Серьезно противопоставить линии Макдональда можно только линию социалистической диктатуры пролетариата. Было бы величайшей иллюзией думать, что партия независимцев способна развиться в революционную партию пролетариата. Фабианцы должны быть вытеснены, «сняты с постов». Достигнуть этого можно лишь путем непримиримой борьбы с центризмом независимцев.

Чем яснее и резче выдвигается вопрос о завоевании власти, тем больше независимая рабочая партия стремится

улизнуть от ответа, подменив основную революционную проблему бюрократическими измышлениями насчет наилучших парламентских и финансовых способов национализации промышленности. Одна из комиссий независимой рабочей партии пришла к выводу, что выкуп земли, заводов и фабрик следует предпочитать конфискации, так как в Англии, по предчувствиям комиссии, национализация будет происходить постепенно, по Болдуину, шаг за шагом, и было бы «несправедливо» лишать доходов одну группу капиталистов, в то время как другая группа еще получает процент на свой капитал. «Другое дело,—говорит отчет комиссии (мы пользуемся его изложением в «Таймсе»),—если бы социализм пришел у нас не постепенно, а сразу, в результате катастрофической революции: тогда доводы против конфискации потеряли бы большую часть своей силы. Но мы,—говорит отчет,—не думаем, что эта комбинация вероятна, и мы не чувствуем себя призванными рассуждать об этом в настоящем докладе». Вообще говоря, нет оснований принципиально отвергать выкуп земли, фабрик и заводов. На беду, однако, политическая и финансовая возможности такой операции никогда не совпадают. Состояние финансов Северо-Американской Республики сделало бы выкупную операцию вполне возможной. Но в Америке самый вопрос не стоит практически, и нет еще партии, которая могла бы серьезно поставить его. А к тому времени, когда эта партия появится, экономическое положение Соединенных Штатов должно будет претерпеть весьма резкие изменения. Наоборот, в Англии вопрос о национализации стоит ребром, как вопрос спасения английского хозяйства. Но состояние государственных финансов таково, что возможность выкупа представляется более, чем сомнительной. Однако, финансовая сторона вопроса стоит лишь на втором плане. Главная задача состоит в создании политических предпосылок национализации, все равно—с выкупом или без выкупа. В конце концов, дело идет о жизни и смерти буржуазии. Революция потому именно неизбежна, что буржуазия никогда не даст себя задушить посредством фабианской банковской операции. Даже на частичную национализацию буржуазное общество, в нынешнем его состоянии, может пойти не иначе, как обставив ее такими условиями, которые должны до

крайности затруднить успех меры, скомпрометировать принцип национализации и вместе с ним рабочую партию. На всякую же действительно смелую попытку национализации, хотя бы и частичной, буржуазия откликнется, как класс. Другие отрасли промышленности прибегнут к локаутам, к саботажу, к бойкоту национализированных отраслей, т.е. поведут борьбу не на жизнь, а на смерть. Как бы осторожен ни был первоначальный подход, задача все равно сведется к необходимости сломить сопротивление эксплуататоров. Когда фабианцы заявляют нам, что они не чувствуют себя «призванными» рассматривать «этот случай», то придется сказать, что эти господа вообще ошиблись насчет своего призвания. Очень может быть, что наиболее дельные из них будут полезны в той или другой канцелярии будущего рабочего государства, где займутся подсчетом отдельных элементов социалистического баланса. Но они никуда не годятся, пока вопрос идет о том, как создать рабочее государство, т.е. основную предпосылку социалистического хозяйства.

В одном из своих еженедельных обзоров в «Дэйли Геральд» (4 апреля 1925 г.) Макдональд обмолвился несколькими реалистическими словами: «Положение партий в наши дни,—сказал он,—таково, что борьба будет становиться все жарче и сильнее. Консервативная партия будет бороться на-смерть, и чем более угрожающей становится власть рабочей партии, тем чудовищнее будет становиться давление реакционных членов (консервативной партии)». Это совершенно верно. Чем непосредственнее будет становиться опасность прихода к власти рабочего класса, тем сильнее будет в консервативной партии влияние людей, вроде Керзона (недаром Макдональд назвал его «образцом» для будущих деятелей). Оценка перспективы дана на этот раз Макдональдом как будто правильная. Но по существу дела лидер рабочей партии сам не понимает значения и веса своих слов. Ссылка на то, что консерваторы будут сражаться на-смерть, и чем дальше, тем яростнее, понадобилась ему только для того, чтобы доказать нецелесообразность межпартийных парламентских комитетов. По существу же дела данный Макдональдом прогноз говорит не только против межпартийных парламентских комитетов, но и вопиет против

возможности разрешения парламентскими методами всего нынешнего социального кризиса. «Консервативная партия будет бороться на-смерть». Правильно! Но это значит, что победить ее рабочая партия сможет лишь в том случае, если превзойдет ее решимостью борьбы. Дело идет не о соревновании двух партий, а о судьбе двух классов. А когда два класса борются на-смерть,—вопрос никогда не решается подсчетом голосов. Этого не было в истории. И этого не будет в истории до тех пор, пока существуют классы.

Дело, однако, не в общей философии Макдональда и не в его отдельных счастливых обмолвках, т.-е. не в том, как он обосновывает свою деятельность и не в том, чего он хочет, а в том, что он делает и к чему его действия ведут. Если подойти к вопросу с этого конца, то окажется, что всей своей работой партия Макдональда подготавливает гигантский размах и чрезвычайную суровость пролетарской революции в Англии. Именно партия Макдональда укрепляет самоуверенность буржуазии и в то же время натягивает до последнего предела долготерпение пролетариата. И к тому моменту, когда это долготерпение лопнет, поднявшийся на дыбы пролетариат столкнется лицом к лицу с буржуазией, которая политикой партии Макдональда только укреплялась в сознании своего всемогущества. Чем дольше фабианцы будут сдерживать революционное развитие Англии, тем грознее и неистовее будет взрыв.

Английская буржуазия воспитана в беспощадности. По этой линии вели ее условия островного существования, нравственная философия кальвинизма, колониальная практика, национальное высокомерие. Англия все более отесняется ныне на задний план. Этот неотвратимый процесс и создает революционную ситуацию. Английская буржуазия, вынужденная смиряться перед Америкой, отступать, лавировать, выжидать, преисполняется величайшего ожесточения, которое в грозных формах обнаружится в гражданской войне. Так разбитая в войне с пруссаками буржуазная чернь Франции отыгралась на коммунарах; так офицерщина разгромленной гогенцоллернской армии отыгралась на немецких рабочих.

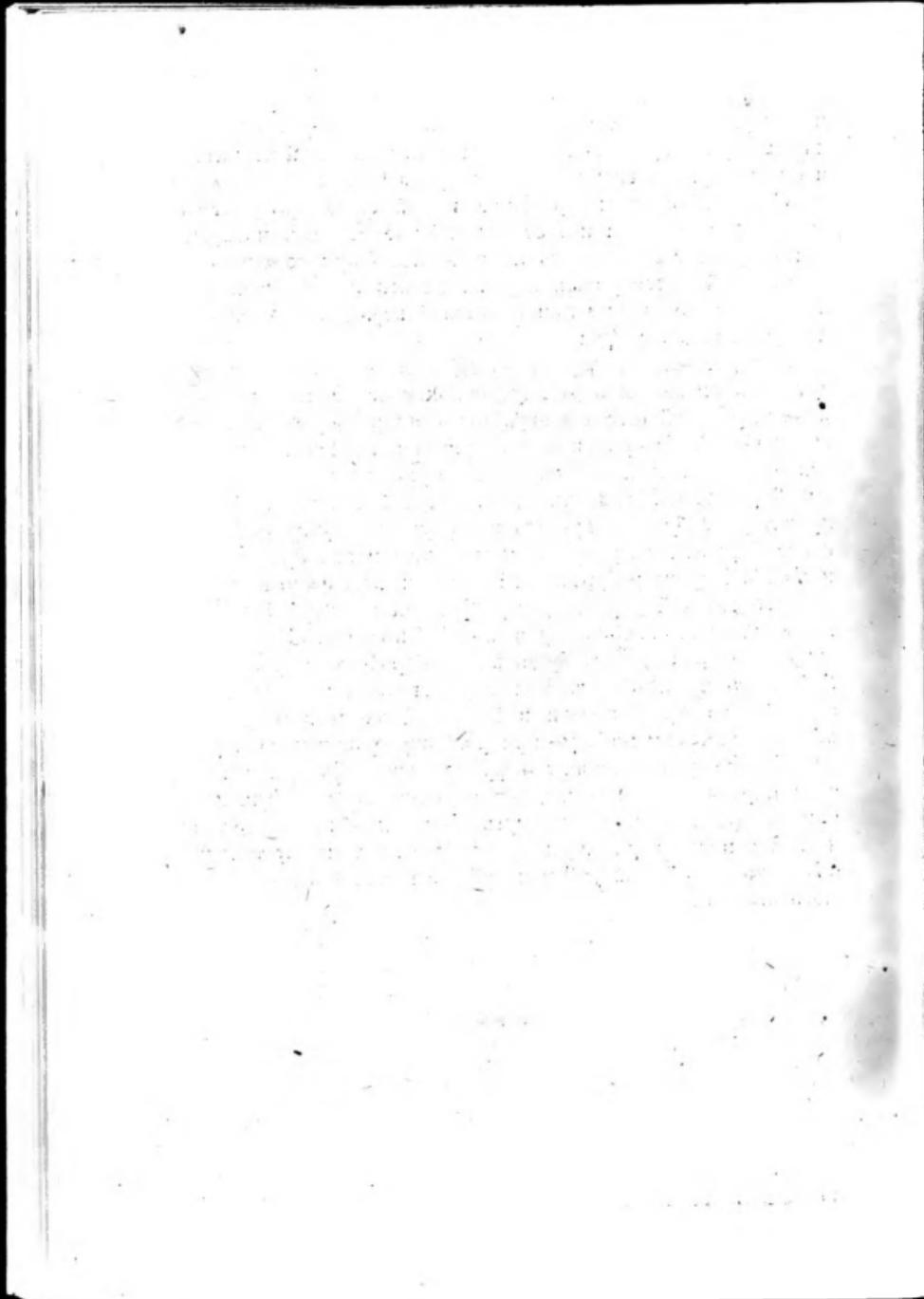
Вся та холодная жестокость, которую правящая Англия

проявляет по отношению к индусам, египтянам, ирландцам и которая имеет видимость расового высокомерия, обнаружит в случае гражданской войны свой классовый характер и окажется направленной против пролетариата.

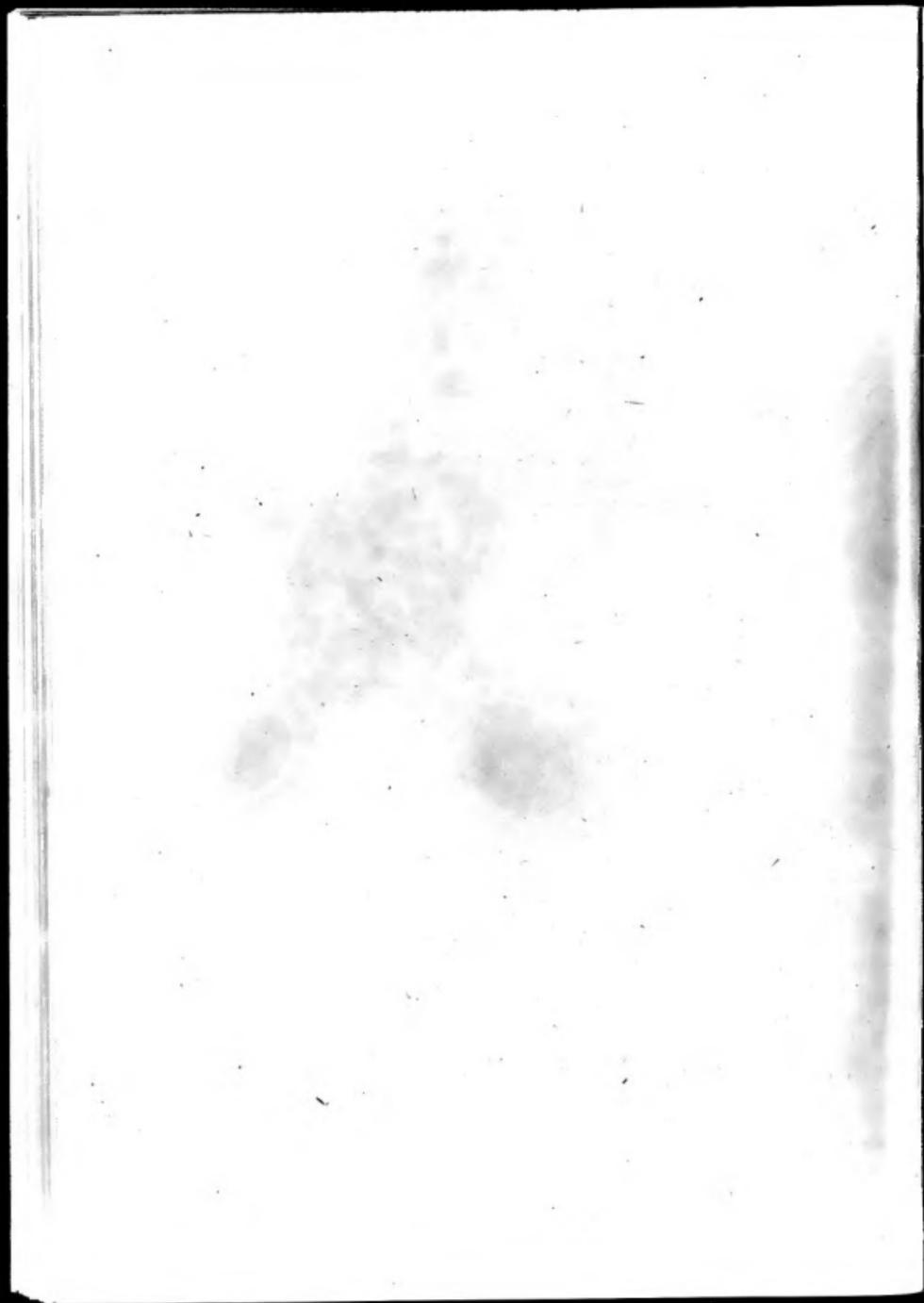
С другой стороны, революция неизбежно пробудит в английском рабочем классе величайшие страсти, которые так искусно сдерживались и подавлялись при помощи общественной дрессировки, церкви, печати и отвлекались в искусственные каналы при помощи бокса, футбола, скачек и других видов спорта.

Конкретный ход борьбы, ее длительность, ее исход будут целиком зависеть от внутренних и особенно международных условий того момента, когда она развернется. В решающей борьбе против пролетариата английская буржуазия будет пользоваться наиболее могущественной поддержкой буржуазии Соединенных Штатов, тогда как английский пролетариат будет опираться в первую голову на рабочий класс Европы и на угнетенные народные массы британских колоний. Характер британской империи неизбежно придаст этой гигантской борьбе международный масштаб. Это будет одна из величайших драм мировой истории. Судьба английского пролетариата будет в этой борьбе связана с судьбой всего человечества. Вся мировая обстановка и роль английского пролетариата в производстве и в обществе обеспечивает ему победу—при условии правильного и решительного революционного руководства. Коммунистическая партия должна развернуться и притти к власти, как партия пролетарской диктатуры. Никаких обходных путей нет. Кто в них верит и их проповедует, тот может только обмануть английских рабочих. Это есть главный вывод нашего анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Политическая революция XVII века и индустриальная революция XVIII века. Еще в начале XVII века стали обостряться отношения между парламентом и королевской властью. Трения происходили главным образом вследствие отказа депутатов утверждать военные кредиты на ведение непрерывных войн. Правительство пыталось изыскивать средства помимо парламента, что вызвало сильную оппозицию со стороны большинства депутатов. В 1629 г. король распускает парламент, который уже не созывался до 1640 г. Этот период ознаменовался жестокими гонениями на противников короля, подавлением восстания в Ирландии и т. д. В 1640 г. вспыхнуло восстание в Шотландии, для подавления которого потребовались большие средства, и король был вынужден созвать парламент. Этот парламент, прозванный „Долгим“, вступил в резкую оппозицию к королю. В 1642 г. король пытается совершить переворот и требует от парламента выдачи 5 депутатов. В ответ на это в Лондоне начинаются волнения, особенно среди торговой части населения, и король бежит из столицы. В завязавшейся борьбе между королем и парламентом, в которой на сторону последнего встало городское торгово-промышленное население, а на сторону короля — дворянство и высшее духовенство, победа осталась за парламентом. В этой борьбе огромную роль сыграл Оливер Кромвель, опиравшийся на мелкую буржуазию города и деревни. После смерти Кромвеля и непродолжительного управления страной его сына Ричарда вновь избранный парламент принимает решение о восстановлении королевской власти; начинается эпоха реставрации (1660 г.). Однако и этот реакционный парламент продолжает борьбу с неограниченной королевской властью. В 1688 г. происходит восстание вигов, и король, не оказав никакого сопротивления, бежит во Францию. Так совершилась вторая революция, названная буржуазными историками „славной“ в отличие от первой революции, которую они прозвали „великой смутой“. Новому королю Вильгельму III был предъявлен знаменитый билль о правах, которым устанавливалось безусловное господство законов, изданных парламентом; королю разрешалось содержать армию только с утверждения парламента, обеспечивалась свобода слова и петиций и т. д. Этот билль, являвшийся в тогдашних условиях победой аристократии и дворянства, означал в то же время падение абсолютизма и открывал путь для будущего развития английской бур-

жуазии. Если в 1688 г. „славная“ революция могла без кровопролития установить более либеральный режим, то, разумеется, только благодаря „великой смуте“.

Политические последствия „славной революции“ не заставили себя долго ждать.

„Новым исходным пунктом, — говорит Энгельс, был компромисс между развивающейся буржуазией и некогда феодальными крупными землевладельцами. Хотя последние тогда, как и сейчас, назывались аристократами, но они уже давно находились на пути к тому положению, какое значительно позже занял Луи-Филипп во Франции: именно, к положению первых буржуа нации. К счастью для Англии, старые феодальные бароны уначтожили друг друга в войнах между белой и алой розой. Их наследники — хотя большей частью и отпрыски тех же старинных фамилий — происходили, однако, из столь отдаленных боковых линий, что они составили совершенно новую корпорацию; их привычки и стремления отличались гораздо более буржуазным характером, чем феодальным; они прекрасно знали цену денег и быстро принялись вздувать земельную ренту, вытесняя своими овцами сотни мелких арендаторов...“ „Точно также всегда находилась часть крупных землевладельцев, которая из экономических или политических соображений готова была к совместной деятельности с руководителями финансовой и индустриальной буржуазии“. (Энгельс, „Об историческом материализме“, сборн. „Исторический материализм“, ГИЗ, 1924, стр. 126).

Индустриальная революция XVIII в., превратившая Англию из сельскохозяйственной страны в промышленную, была подготовлена быстрым ростом внешней торговли и общим увеличением товарной производительности города и деревни. Ручной труд, цеховые ограничения, феодальная система — все это задерживало процесс роста производительных сил. Одновременно с развитием городской промышленности, в сельском хозяйстве шел быстрый процесс превращения пахотных земель в пастбища. Землевладельцы начали усиленно заниматься чрезвычайно прибыльным для них скотоводством и продажей шерсти. Могучим толчком к созданию фабричной промышленности послужил целый ряд изобретений, из которых наиболее важным является паровая машина (изобретена Джемсом Уаттом в 1776 г.). Хозяйственная революция выдвинула на первый план торгово-промышленную буржуазию.

2. Кромвель (1599 — 1658) — лорд-протектор Англии, выдающийся политический деятель в эпоху Великой Английской Революции (1640—1659). В Долгом парламенте Кромвель был в первых рядах оппозиции. Будучи непримиримым врагом монархии Стюартов, Кромвель выдвинулся как один из руководителей революционно-религиозной партии индепендентов. (См. примечание 16). В наступившей гражданской войне Кромвель проявил себя талантливым полководцем. Победы его армии сделали имя Кромвеля чрезвычайно популярным в стране. Будучи главным руководителем революционной армии, он беспощадно подавляет все монархические выступления. После казни короля Карла I, Кромвель распускает в 1653 г. Долгий парламент, протестовавший против дальнейших революционных мероприятий, и получает титул лорда-протектора. Созвав новый парламент, он, однако, вскоре распускает

и его — теперь уже за слишком ^аредикальные требования. Сделавшись фактическим диктатором Англии, Кромвель возбуждает против себя как сторонников монархии Стюартов, так и крайних левых, недовольных единоличной политикой Кромвеля. Против тех и других Кромвель вел ожесточенную борьбу. За период его господства Англия расширила свои владения и выдвинулась в первый ряд европейских держав. Со смертью Кромвеля заканчивается период Великой Английской Революции. После его смерти и менее чем годичного правления его сына Ричарда королевская династия Стюартов была восстановлена.

3. Пуританизм — религиозно-политическое движение, возникшее в Англии в середине XVI века и поднявшее борьбу против официальной английской церкви за полное очищение христианской веры от остатков католицизма. Пуританизм боролся с церковной обрядностью и требовал полного отделения церкви от государства. Английское правительство подвергло пуритан систематическим преследованиям. Главную массу составляли торговцы, ремесленники, мелкие буржуа. В революции XVII в. пуритане сыграли решающую роль. Они составили основное ядро революционной армии, которая боролась за установление республики. После реставрации королевской власти политическая роль пуританизма заканчивается, он отходит от политической борьбы и продолжает существовать исключительно как религиозная секта.

4. Агадирский инцидент — произошел в июле 1911 г. на почве столкновения германских и французских интересов в Марокко. Франция, значительно усилившая свое влияние в Марокко, решила, вопреки прежним договорам с Германией, окончательно превратить Марокко в свою колонию, для чего послала туда войска и заняла ряд важнейших городов. Германия, имевшая в Марокко крупные экономические интересы, объявила, что пошлет в порт Агадир (в юго-западном Марокко) военное судно, якобы для защиты германских подданных от царящей в стране анархии. В сущности же этот шаг был военной демонстрацией Германии против Франции. В результате между Германией и Францией чуть не началась война. Англия и Россия заявили, что они готовы в случае войны оказать Франции вооруженную поддержку. В виду противодействия Англии Германия, обремененная к тому же финансовым кризисом и недостаточно подготовленная к войне, отказалась от своих территориальных требований в Марокко и решила удовлетвориться экономическими уступками и возмещением в виде других частей Африки. Кризис закончился договором от 4 ноября 1911 г., по которому Франция получила протекторат над Марокко и часть верхнего Камеруна, а Германия приобрела взамен кусок французского Конго и равные с Францией экономические права в Марокко.

5. Сити — часть Лондона, в которой помещаются биржа и все крупнейшие банки и торговые предприятия Англии. Лондонский Сити являлся до войны центром мирового денежного рынка.

6. Чартизм — социально-политическое движение рабочего класса и Англии, имевшее непосредственными своими причинами промышленный кризис и сильную безработицу. В 1834 г. парламент, избранный на основе новой избирательной реформы, отменил старинный закон „времен Елизаветы“ о призрании бедняков приходами и заменил его законом об устройстве рабочих домов. Это вызвало сильное недовольство в рабочих

массах и привело к возникновению в 1836 г. общества рабочих, выработавшего программу (хартию, по-английски „чартер“, откуда и самое название „чартизм“), которая легла в основу всего чартистского движения. Хартия состояла из следующих 6 пунктов: избирательное право для всех мужчин, тайное голосование, отмена имущественного ценза для депутатов, равные избирательные округа, вознаграждение депутатов и ежегодные выборы. Парламент отклонил требования чартистов; в ответ начались протесты, демонстрации и забастовки рабочих. Тем не менее парламент два раза (в 1842 и 1848 г.) отказался утвердить хартию. Вскоре среди чартистов обнаружилось два течения: правое крыло, возглавляемое лондонским рабочим Ловеттом, стояло за совместные выступления радикальной буржуазии, борющейся за свободную торговлю и отмену хлебных пошлин, с рабочим классом и возражало против насильственных методов борьбы за осуществление хартии; левое крыло, во главе с О'Коннором, Стеффенсом и позже О'Брайном, отстаивало необходимость революционных методов. По мере оживления революционного движения левое крыло стало усиливаться, и в дальнейшем чартизм, освободившись от влияния правых, решительно вступил на путь массовых стачек. В конце 1840 г. в Манчестере была образована национальная чартистская ассоциация, ставшая политической организацией английского рабочего класса. Ассоциация насчитывала в своих рядах 40.000 членов. Таким образом, чартизм, в первое время представлявший собою левое крыло радикальной буржуазной демократии, в своем дальнейшем развитии сложился в революционную форму чисто-классового пролетарского движения и стал исходным пунктом для будущих международных рабочих объединений — предшественников I Интернационала.

Общий упадок чартизма начался в конце 40 г.г. в эпоху реакции, наступившей после поражения революции 1848 г. Об упадке чартизма Маркс говорит:

„Поражение рабочих классов на континенте Европы распространило свое заразительное действие по другую сторону Ламанша... Полное поражение их континентальных собратьев лишило мужества рабочие классы Англии и сломило их веру в собственное дело... Все усилия поддержать чартистское движение самым недвусмысленным образом терпели неудачу, печатные органы рабочих умирали одни за другими от безучастия масс, и фактически казалось, что английский рабочий класс никогда еще не был до такой степени доволен своим состоянием политического небытия“.

7. Манчестерская школа — политико-экономическая школа английской либеральной буржуазии, возникшая в конце 30-х г.г. XIX в. в центре английской хлопчатобумажной промышленности в Манчестере. Текстильные фабриканты Манчестера нуждались для получения больших прибылей в повсеместной свободе торговли и невмешательстве государства в дела промышленности, прежде всего в отношении между предпринимателями и рабочими. Поэтому они выступали с либеральными требованиями о свободе торговли, отмене пошлин и т. п. мерах. Идеологи промышленной буржуазии провозгласили эти требования необходимым условием для нормального развития всей капиталистической системы вообще.

8. Избирательная реформа 1832 г. и отмена хлебных пошлин в 1846 г.—были вызваны главным образом сильным ростом торгово-промышленной буржуазии и непрерывным развитием ее политической активности. Выдвинутая на сцену промышленной революцией XVIII в., английская буржуазия начинает вести систематическую борьбу с ленд-лордами (ториями) за свое полное политическое и экономическое господство. Результатом этой борьбы и явились избирательная реформа 1832 г. и отмена хлебных пошлин в 1846 г. Большое влияние на принятие избирательной реформы оказала французская революция 1830 г. Реформа 1832 г., после долгой борьбы принятая наконец палатой лордов, состояла из трех главных мероприятий: 1) перераспределения депутатских мест в пользу городов, 2) уравнивания в избирательных правах городов с графствами, 3) увеличения общего количества депутатских мест. Эта реформа ввела в число избирателей мелкую буржуазию, арендаторов и фермеров. Она особенно усилила представительство промышленных округов. В отношении рабочего представительства никаких существенных перемен реформа не ввела; рабочие оставались попрежнему лишенными избирательных прав.

Борьба за отмену хлебных пошлин, нужных земельной аристократии для поднятия цен на хлеб, была начата промышленной буржуазией еще в конце 30-х гг. XIX в. Эта борьба велась путем постоянной, систематической агитации среди торговцев, ремесленников, средней и мелкой буржуазии и рабочих за отмену таможенных пошлин на ввозимый из-за границы хлеб. Стоявшее в то время у власти консервативное министерство упорно сопротивлялось либералам, настаивавшим на отмене хлебных пошлин. Только год 1845 г. и широкое общественное движение под лозунгом отмены хлебных пошлин заставили, наконец, английское правительство в 1846 г. отменить хлебные пошлины.

Реформа 1832 г. и отмена хлебных пошлин явились в свое время крупными победами английской промышленной буржуазии на ее пути к полному политическому и экономическому господству.

9. Протекционистское движение. Протекционизмом называется система покровительственных пошлин, ограждающая промышленность данной страны от конкуренции более дешевых иностранных товаров. При этой системе иногда совершенно запрещается ввоз определенных товаров. В Англии, первой из всех европейских стран вступившей на путь промышленного развития, движение либеральной буржуазии в пользу свободной торговли и отмены покровительственных пошлин окончательно победило в 40-х гг. Но со второй половины 70-х годов, когда начала быстро развиваться промышленность Германии и Америки, в Англии начинается широкое движение среди крупной буржуазии в пользу протекционизма. Главной руководительницей этой борьбы была консервативная партия.

10. Гладстон (1809—1898)—видный политический деятель Англии второй половины XIX века. Вождь либералов. В молодости был торием и протекционистом, но потом начал „деветь“ и уже в 1847 г. сделался умеренным торием, примыкая к так-называемым „пилитам“ (сторонникам левого тория Роберта Пилля). В 1852 г. Гладстон участвует в коалиционном министерстве лорда Абердина из вигов и пилитов, в качестве министра финансов. С 1859 г.—министр финансов в либеральном министерстве Паль-

мерстона. С этих пор он окончательно становится либералом, участвуя во всех последующих либеральных кабинетах вплоть до 1893 г. Старым принципам английского либерализма Гладстон остался верен и тогда, когда от последнего в 80-х гг. откололись империалистические элементы. Его „мирная“ политика по отношению к Ирландии, политика уступок и подачек, ставила себе целью подчинить ее английскому капиталу демократическими средствами. Либерализм и пацифизм Гладстона не помешал ему захватить Египет. С именем Гладстона связано значительное расширение избирательного права и борьба за самоуправление (гомруль) Ирландии. Законопроект о гомруле, внесенный Гладстоном в бытность его председателем совета министров в 1836 г., был отвергнут палатой общин. В 1893 г. Гладстон удалось, наконец, настоять на принятии законопроекта нижней палатой, но в палате пэров законопроект провалился. На почве этого конфликта и в виду все уменьшающегося влияния либералов старого толка Гладстон вскоре ушел в отставку.

11. Чемберлен, Джозеф (1836—1914)—один из виднейших деятелей английского империализма. Член радикальной партии и один из ее руководителей вплоть до 1885 г. С 1880 по 1885 г.—министр торговли в либеральном министерстве Гладстона. При расколе либералов на сторонников империалистической политики и протекционизма и на сторонников свободы торговли, Чемберлен переходит на сторону первых. В 1885 г., вследствие разногласий с Гладстоном по вопросу о „гомруле“, т.е. о предоставлении Ирландии собственного парламента и широкого местного самоуправления, выходит из министерства и из радикальной партии. Вскоре после этого он становится одним из вождей либеральной унионистской партии (националистической партии крупного капитала), являющейся выразительницей политики английского империализма. К концу 90-х гг. Чемберлен назначается министром колоний и остается им до 1905 г. Это назначение знаменовало собою вступление Англии на путь активного империализма. Яркий сторонник империалистического расширения и первый колониальный министр Англии после ее окончательного вступления на путь империалистической политики, Чемберлен получил заслуженное прозвище отца английского империализма.

12. Роберт Оуэн (1771—1858)—известный английский социалист-утопист. Родился в семье шорника. В детстве служил приказчиком в Лондоне и других городах. 20-ти лет получил место директора текстильной фабрики в Манчестере. Вскоре Оуэн приобрел в Нью-Ланарке (Шотландия) фабрику, в которой стал практически проводить свои социально-реформаторские взгляды. Он значительно сократил рабочий день, увеличил заработную плату, построил гигиенические помещения и т. д. Эти меры сильно подняли производительность труда рабочих. Успех Оуэна заставил его повести агитацию среди промышленников за издание фабричного законодательства в духе его реформ. Не ограничиваясь агитацией среди английской буржуазии, Роберт Оуэн совершает поездку во Францию, в Германию и другие страны и ведет переговоры с руководящими государственными людьми о своем плане разрешения рабочего вопроса. Не добившись в этом направлении никаких результатов, Оуэн уезжает в Америку, где создает так-называемые „коммуны органических интересов“, продолжая проводить в них свои

опыты, не увенчавшиеся, однако, сколько-нибудь значительным успехом. К чартизму Оузен относился отрицательно. Он считал неправильной идею классовой борьбы пролетариата и верил в возможность мирного сотрудничества рабочего класса и буржуазии.

13. Подчинение Южной Африки. Еще в 1806—14 гг. Англия завоевала некоторые голландские колонии в Южной Африке. С этих пор ее господство в этой области расширяется все больше. Провоцируя отдельные негритянские племена на борьбу друг с другом, действуя мечом и подкупом, Англия постепенно захватила почти все территории, лежащие вокруг бурских республик (буры—потомки, главным образом, голландских колонистов), стараясь отрезать их от моря, что ей в конце концов и удалось. Когда в 1872 г. в бурской республике Трансваале были открыты золотые россыпи, Англия потребовала от нее полного подчинения английскому контролю. Буры отказались и, все более притесняемые англичанами, в 1880 г. объявили Англии войну, в которой одержали ряд довольно значительных успехов. Сменивший консерватора Биконсфильда на посту премьер-министра либерал Гладстон в том же году предложил бурам мир на условиях подчинения южно-африканских республик контролю Англии и уплаты ими военных издержек, но с сохранением самостоятельности во внутреннем управлении. Окончательный договор был заключен через некоторое время на несколько менее тяжелых для буров условиях; однако, вся иностранная политика Трансваала попала в полную зависимость от Англии. В 1894 г., в связи с открытием в Трансваале новых золотых россыпей, борьба между коренными сельскохозяйственным населением и английскими пришельцами обострилась еще больше, потому что буры не желали отдать эксплуатацию богатой страны полностью в руки англичан. Этот период совпал с началом расцвета английского империализма, и борьба между завоевателями и двумя бурскими республиками (Трансваалем и Оранжевой) приняла еще более резкие формы. Бурские республики образовали оборонительный союз против обнаглевших англичан. В 1895 г. администратор Родезии (область в Южной Африке), Джемсон, при тайной поддержке английского правительства, организовал вооруженное нападение на буров. Нападение, получившее название „набега Джемсона“, окончилось неудачей. Между тем в обеих республиках борьба продолжалась. Английские владельцы рудников в Трансваале и Оранжевой, желая развязать себе руки для беспрепятственной эксплуатации страны, добивались полного захвата политической власти. В 1899 г. Англия объявила бурам войну. В 1900 г. был завоеван Трансвааль, а в 1902 г. Оранжевая республика. В результате войны на рудниках стал применяться дешевый труд китайцев и негров, заработок белых рабочих соответственно сократился и эксплуатация страны англичанами пошла полным ходом. Беззастенчивый захват Южной Африки вызвал естественный взрыв возмущения среди рабочих масс Европы, но даже и правительства капиталистических государств, испуганные ростом могущества Англии, запротестовали против насилия над „несчастливыми“ бурами.

14. Виги и тори—старейшие политические партии Англии. Родоначальниками этих партий являются партии круглоголовых и кавалеров, возникшие еще в эпоху Долгого парламента (см. прим. 15). Круглоголовые,

представители мелкой торговой буржуазии, были главной силой революционного парламента. Эта партия и является родоначальницей вигов. Партия кавалеров, стоявшая за упрочение королевской власти, развилась впоследствии в партию ториев. Свое название виги и тории получили в 1679 году, когда после смерти Карла II в парламенте возник вопрос о переходе престола к Иакову II, ревностному католику и реакционеру. Партия, бывшая против Иакова II, получила название вигов, а его сторонники стали называться ториями. Впоследствии партии вигов и ториев выкристаллизовались: первая—в классовую организацию торговой и промышленной буржуазии, вторая—в классовую организацию крупно-земельной аристократии. В дальнейшей истории Англии виги проявили себя сторонниками расширения прав парламента и ограничения королевской власти; наоборот, тории стояли за менее ограниченную королевскую власть. Вся история Англии XVIII и первой половины XIX в. является историей непрерывной борьбы вигов и ториев за обладание властью, что не мешало им в нужную минуту объединяться для совместной борьбы с рабочим движением. В то же время, однако, виги в своей борьбе против ториев в значительной степени опирались на рабочий класс, не имевший в то время самостоятельной партии. Переходы вигов к ториям, и наоборот, наблюдались чрезвычайно часто: левые тории, в целях проведения тех или других реформ, объединялись с вигами, занимая правое крыло этой партии; в свою очередь правые виги нередко становились левыми ториями. После крупной победы вигов—избирательной реформы 1832 г.—виги и тории теряют, вместе со своими названиями, свою первоначальную физиономию; виги, постепенно сливаясь с радикалами и левыми ториями, превращаются в либеральную партию; тории образуют основное ядро консервативной партии. Партия вигов, бывшая вначале классовой организацией всей торговой и промышленной буржуазии, после своего перерождения в либеральную партию становится выразительницей интересов преимущественно средней и мелкой торгово-промышленной буржуазии. Тории из партии земельной аристократии превращаются в консервативную, основное ядро которой составляют землевладельческая аристократия и крупная городская промышленная и финансовая буржуазия.

15. Круглоголовые и кавалеры и их роль в гражданской войне XVII столетия.—Родоначальники „вигов“ и „тории“, партии круглоголовых и кавалеров возникли в Англии в эпоху „Долгого“ парламента (создан в 1640 г.). Партия кавалеров была сторонницей королевской власти и опиралась на королевскую гвардию; основное ее ядро составляли дворяне-землевладельцы. В области религиозной она стремилась укрепить старую епископальную англиканскую церковь. Противники кавалеров, круглоголовые, стояли за упрочение конституционной парламентской системы и за обновление церкви в пуританском духе; главную силу этой партии составляли мелкие буржуа, ремесленники, торговцы, йомены (свободные мелкие землевладельцы) и т. п. Гражданская война бросила кавалеров в ряды королевской армии, против которой круглоголовые организовали революционную армию парламента. Победителями из этой войны вышли круглоголовые, к которым примкнули индепенденты (см. прим. 16). В дальнейшем часть круглоголовых вместе с индепендентами повела борьбу против умеренной части Долгого парламента, стоявшей за ограниченную монархию.

16. Индепенденты (по английски - независимые)—противники королевского абсолютизма и англиканской церкви. Выдвинулись в Англии еще задолго до революции XVII в. Систематические гонения, которым подвергались индепенденты, заставили их массами эмигрировать в Америку и Голландию. Когда началась революция в Англии, индепенденты объединились с революционной армией парламента и под руководством Кромвеля вышли победителями из гражданской войны. Индепенденты почти сплошь вербовались из городской и сельской мелкой буржуазии. Среди них были сторонники как республики, так и ограниченной королевской власти. Реставрация монархии вызвала новый взрыв гонений на индепендентов и вторичное массовое их переселение в Америку. Там индепенденты постепенно утрачивают свой революционный характер и превращаются в одну из многочисленных религиозных сект.

17. Борьба Долгого парламента с самовластием Карла I. Долгий парламента, созданный Карлом I в 1640 г., после 11-летнего перерыва парламентарской деятельности, сразу же занял резко оппозиционную линию по отношению к королю. Парламент отдал приказ об аресте и казни министра Стаффорда, главного руководителя реакции, потребовал немедленного освобождения всех арестованных за политические преступления и за отказ от внесения налогов и принял постановление о незаконности каких бы то ни было налогов и поборов, не утвержденных парламентом. Король был лишен права распускать и созывать парламента. Долгий парламента обратился к королю с так называемой „великой Ремонстрацией“, т.-е. письменным актом, в котором были изложены основные принципы английской конституции. Король отказался утвердить этот акт и распорядился об аресте 5-ти главных руководителей парламентарской оппозиции. После отказа парламента выдать популярных вождей, обе стороны начали спешно готовиться к гражданской войне.

18. Мистрис Сноуден—видная деятельница фабианского движения, супруга Филиппа Сноудена, одного из вождей английской независимой рабочей партии. Посетила вместе с английской рабочей делегацией в 1920 г. Советскую Россию и описала свои впечатления в книге „По большевистской России“.

19. Питт, Вильям (младший) (1759—1806)—английский политический деятель. Защищая и примиряя интересы крупных помещиков и промышленной буржуазии, Питт продержался в сформированном им в 1783 г. кабинете вплоть до 1801 г. Во внутренней и внешней политике умеренный фритредер (сторонник свободной торговли). По отношению к колониям Питт вел политику их полного закабаления и беззастенчивой эксплуатации. Великая французская революция, давшая толчок революционному движению Англии и угрожавшая ее могуществу на континенте, сделала Питта яростным противником революционной Франции. Питт становится организатором и вдохновителем всех контр-революционных коалиций против якобинской Франции, делавшей в то время не только политические, но и военные успехи. Занятие Францией Бельгии послужило поводом к тому, что Питт в 1793 г. объявил Франции войну. Вспыхнувшее под влиянием французской революции восстание в Ирландии (1798 г.), Питт подавил с невероятной жестокостью и еще более усилил репрессии в самой Англии. Трагедия революционеров,

финансирование контр-революционной армии, подкуп прессы, организация клеветы, натравливание соседей на революционную Францию,—таковы приемы, характеризующие этот период контр-революционной деятельности Питта. Недаром его имя во Франции служило олицетворением мировой реакции, и все враги якобинцев считались агентами Питта. Потерявши окончательно всякую популярность вследствие военных неудач, кабинет Питта пал в 1801 г. В 1804 г., когда блестящие победы Наполеона стали решительно угрожать мировому положению Англии, Питт был снова призван английской буржуазией для борьбы с Наполеоном. Вскоре вслед затем он умер.

20. Гражданская война в Америке между Севером и Югом и избирательная реформа 1867 г. в Англии. Гражданская война в Америке, длившаяся в продолжение четырех лет (1861—1865), была следствием роста противоречий между промышленными северными штатами и южными—земледельческими, ведшими плантационное хлопковое хозяйство и в полной мере сохранившими у себя невольничество. Поводом к войне послужило избрание в ноябре 1860 г. президента Линкольна, члена республиканской партии, борющейся за отмену рабовладельчества. Южные штаты, видя в избрании Линкольна непосредственную угрозу своей хозяйственной системе, немедленно приступили к военным действиям. Долгое время шансы на победу с той и с другой стороны были одинаковы, но в конце концов Север одержал решительную победу. Результатом гражданской войны явилась полная отмена рабовладельчества в южных штатах (1865 г.), вступивших отныне на путь свободного капиталистического развития. В гражданской войне между Севером и Югом крупная буржуазия Англии целиком поддерживала южные штаты, служившие ей колонией для сбыта товаров и главным источником дешевой добычи хлопка. Симпатии рабочих масс Англии были целиком на стороне северных штатов. Поддержка, оказанная южным штатам английским правительством, вызвала организованный протест со стороны рабочих. Победа северных штатов, скомпрометировавшая политику правительства, явилась в Англии толчком для проведения новой избирательной реформы. Последняя ввела в число избирателей всех жителей графств, платящих не менее 12 фунтов стерлингов за арендуемые помещения, и всех горожан, платящих за квартиру не менее 10 фунтов (100 рублей) в год. Кроме этих изменений в имущественном цензе, новый избирательный закон увеличил также общее количество депутатов. Он лишил права выборов некоторые малонаселенные местечки и передал их голоса более плотно населенным городам. Возрастной ценз избирателей определялся в 21 год. Число избирателей было увеличено на одну треть в сельских местностях и вдвое в городах. В общем итоге количество избирателей увеличилось на один миллион. Эта избирательная реформа, хотя и не уравнила избирателей в правах и в полной мере сохраняла имущественный ценз, тем не менее была для своего времени крупной победой английских рабочих.

21. Пальмерстон, Генри Джон Темплъ (1784—1865)—крупный английский политик. Начал свою карьеру в роли члена торийской партии; работал в военном министерстве. Позднее Пальмерстон переходит в партию вигов и в 1830 г. становится министром иностранных дел. Будучи в области внутренней политики сторонником некоторых либеральных реформ, Пальмерстон в своей внешней политике оставался отъявленным империалистом,

систематически завоевывая для Англии новые колонии на востоке. Пальмерстон являлся одним из вдохновителей войны западных держав с Россией (крымская война 1853—56 г.). Пальмерстон несколько раз должен был выйти в отставку, но каждый раз снова возвращался к власти. В партии вигов он все время стоял на крайнем правом фланге. К концу жизни стал министром внутренних дел и провел целый ряд реакционных мероприятий. Роль Пальмерстона в иностранной политике Англии чрезвычайно велика. Оценку этой роли Маркс дал еще в 1853 г.:

„Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон, ведущий свой род от английских пэров, был в 1807 г. назначен лордом адмиралтейства при образовании министерства герцога Портландского. В 1809 г. он стал военным министром и оставался на этом посту до мая 1828 г. В 1830 г. он в чрезвычайно искусной форме перешел к вигам, при которых оставался постоянным министром иностранных дел. Исключая промежутки, когда у власти были тории, то-есть время с ноября 1834 до апреля 1835 г. и от 1841 до 1846 г., он несет ответственность за всю внешнюю политику Англии со времени революции 1830 г. до декабря 1851 г.“ (Маркс, Сочинения, т. 10, стр. 250).

22. Черчилль, Уинстон, лорд—один из самых ярких представителей английской империалистической буржуазии. Вождь правых либералов. Принимал участие, в рядах английских войск, в кровавых индийских и египетских походах и в англо-бурской войне. До 1906 г. был консерватором. Перед мировой войной сначала министр торговли и внутренних дел, а затем, с 1911 по 1915 г., морской министр. Во время войны — министр снабжения, а с 1918 по 1921 г. — военный министр. В коалиционном министерстве Ллойд-Джорджа один из самых ярких вдохновителей интервенции в России. В 1919 г. проектировал ликвидацию Советской Республики путем одновременного нападения 14 государств. В 1921 г. Черчилль на посту министра колоний проводил обычную для Англии политику провокации и захватов. На выборах 1924 г. Черчилль выступил против собственной либеральной партии в целях создания новой „независимой национальной конституционной партии“ из правых либералов и левых консерваторов. В ноябре 1924 г. вошел в качестве министра финансов в кабинет Болдуина.

23. Акт безопасности 1707 г. и положение шотландской церкви. До 1707 г. шотландская церковь находилась в полной зависимости от господствующей англиканской церкви. В руках последней скопились большие богатства в виде земельных угодий, монастырских имуществ и т. д. Государственная власть предоставляла ей всевозможные льготы, субсидии и преимущества. Шотландское духовенство долгое время упорно стремилось к получению равных прав с англиканской церковью при назначениях на епископские места. Наконец, в 1707 г., в числе других актов, изданных при объединении Англии с Шотландией, был издан также акт о шотландской церкви, предоставлявший ей полную самостоятельность и независимость. Однако, формальная независимость отнюдь еще не означала передачи ей земельного имущества и права на замещение высших церковных должностей, и фактически шотландская церковь попрежнему оставалась в зависимом

положении от сильного и богатого англиканского духовенства. Шотландское духовенство черпало свои доходы не из государственных и церковных средств, как англиканское, а жило на счет угнетаемого крестьянского и городского населения, с которым было поэтому тесно связано. Это послужило причиной того, что социальная и национальная борьба против Англии издавна принимала в Шотландии форму религиозного отпора.

21. Кальвинизм—учение религиозного реформатора XVI в. Жана Кальвина (1509—1564). Основу учения Кальвина составляет вера в предопределение, согласно которой бог раз навсегда предопределил одних к праведности и вечному блаженству, а других—большинство людей—к вечным мучениям в аду. Кальвин учил, что всякий верующий должен в своей земной жизни вести себя так, чтобы быть достойным вечного блаженства, к которому он, быть может, предопределен. Поэтому кальвинизм обращал особенное внимание на строгость нравственных правил, проповедуя суровый образ жизни, строжайшую бережливость, отказ от всяких развлечений и т. д. Эти требования, которые Кальвин мотивировал религиозными соображениями, соответствовали интересам мелкой, преимущественно торговой буржуазии, которая, закладывая в то время основы своего благосостояния, нуждалась в строгой экономии сил и средств. Церковь, по взглядам кальвинистов, должна быть отделена от государства, и церковные обряды должны совершаться согласно единственному источнику христианской мудрости—священному писанию. Кальвинизм, как и все другие реформаторские движения XVI в., энергично боролся против католической церкви. Под маской религиозных форм, эта борьба являлась по существу классовой борьбой торговой буржуазии с феодализмом, тормозившим ее развитие.

Роль кальвинизма Энгельс характеризует следующими словами:

„Его (Кальвина) догма отвечала потребностям наиболее важной части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в торговом мире, в мире конкуренции, успех или банкротство зависят не от деятельности и ловкости отдельной личности, а от обстоятельств, вне ее лежащих. „Определяет не воля отдельного человека и не его деяния, а милость“—могучих, но неизвестных экономических сил. И это было безусловно верно в эпоху экономического переворота, когда все прежние торговые пути и центры были вытеснены новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже ценность золота и серебра, этих издавна почитаемых экономических святых, стала колебаться и стремительно падать. При этом церковный строй Кальвина был всецело демократическим и республиканским; но там, где царство божие стало республиканским, могли ли земные царства остаться верноподанными своих королей, епископов и феодалов? Если лютеранство дало удобное орудие в руки мелких немецких князей, то кальвинизм основал республику в Голландии и сильные республиканские партии в Англии и особенно в Шотландии“. (Энгельс „Об историческом материализме“, сборн. „Исторический материализм“, Гиз 1924, стр. 125).

25. Общество фабианцев — возникло в январе 1884 г. в Лондоне. Назвавшись по имени известного римского полководца Фабия Кунктатора (Медителя), общество тем самым охарактеризовало себя, как сторонника постепенной, выжидательной, медлительной политики и отказа от всяких решительных действий. Главнейшими руководителями фабианцев с первого дня их существования были Сидней Вебб и писатель Бернард Шоу. Немедленно после своей организации общество фабианцев занялось пропагандой социализма и изучением сочинений Карла Маркса, Лассалья, Прудона, Рикардо, Милля и др. Фабианцы решительно отрицали теорию пролетарской классовой борьбы. Программа фабианцев сводится к признанию необходимости передачи всех земель и предприятий в руки всего общества, с упразднением частной собственности. Для достижения этой цели фабианцы считают вполне достаточным вести пропаганду социалистических идей «во всех слоях населения». Социалистическая программа, по мысли фабианцев, может быть осуществлена путем постепенного, медленного, мирного строительства и соглашения труда с капиталом. Особой партийной организации фабианцы не имели, часть из них входила в рабочую партию, другая — в либеральную. В 1906 г. среди фабианцев произошел раскол. Часть членов общества высказалась за превращение всего фабианского общества в составную органическую часть рабочей партии; она же требовала исключения либералов из фабианского общества. Этой группой руководили писатель Уэльс, адвокат Шлессер Аллен, Герберт и др. Старую фабианскую тактику отстаивали Вебб, Шоу и Энзор. Споры по этому поводу длились в продолжение многих лет. Только в июле 1912 г. Веббу удалось провести резолюцию, которая признает за каждым членом фабианского общества право состоять в какой угодно партии. Общество фабианцев не придавало большого значения вопросу о числе своих членов. В 1911—12 г.г. их было 2 с лишним тысячи, в настоящее время фабианское общество насчитывает уже только 1.782 члена. Большинство из них составляли писатели, адвокаты, ученые и т. д. Никакой практической, реальной работы фабианское общество не вело, предоставляя своим членам практически участвовать в работах либеральной и рабочей партий. Особенное внимание фабианское общество уделяло и уделяет распространению и изданию социалистических брошюр, статей, листовок и т. д. За 1908 г. таких брошюр и листовок было выпущено около 250 тысяч.

Идеология фабианства — вера в постепенность, в мирное сотрудничество буржуазии и пролетариата, отказ от революционной борьбы и революционного насилия — чрезвычайно сильно распространена среди верхов английской рабочей партии.

26. Г а й н д м а н (1842—1922) — английский политический деятель. Один из основателей с.-д. федерации (в 1881 г.) и британской социалистической партии (в 1911 г.) Гайндман был лично знаком с Марксом, оказавшим на него большое влияние. Изучая Маркса и распространяя его учение, Гайндман не уяснил себе, однако, до конца точку зрения марксизма на вопросы рабочего движения, на значение тред-юнионизма, роль реформистских партий и т. д., вследствие чего не мог практически связать деятельность с.-д. федерации с рабочим движением Англии. Этому же способствовало исключительное положение Англии на мировом рынке, приведшее к образованию аристократии рабочего класса, что крайне затрудняло проникновение революционных

идей в среду пролетариата. В конце 1884 г. в с.-д. федерации произошел раскол. Из нее выделилась часть анархически настроенных лиц, основавших под руководством Морриса, Шея, Крена и др. недолго просуществовавшую «социалистическую лигу», которая отрицала парламентские методы борьбы и путь постепенных социальных реформ. Эта попытка образовать конкурирующую с Гайндманом организацию не дала положительных результатов. Гайндман остался верен старой тактике с.-д. федерации, опиравшейся на идею широкого использования парламента. В ноябре 1885 г. на выборах в парламент с.-д. федерация на денежные средства консерваторов выставляет несколько кандидатур своих членов. Получение денег на предвыборную кампанию от консерваторов, желавших выборами с.-д. кандидатур сломить либералов, вызвало взрыв негодования среди рабочих масс Англии. Когда в 80-х и 90-х г.г. быстро начало развиваться новое трэд-юнионистское (профессиональное) рабочее движение, которое в противоположность старому трэд-юнионизму не ограничивалось чисто экономической борьбой, но ставило себе и политические цели, Гайндман отнесся к нему недоверчиво. Он не считал нужным использовать эту новую форму рабочего движения, находя, что борьба за мелкие частичные улучшения, ведущаяся трэд-юнионами, несовместима с борьбой за конечные цели социализма и поэтому должна быть отвергнута. На 14 конференции с.-д. федерации он заявил о необходимости отмежевания последней от деятельности трэд-юнионов, если они не признают немедленно социал-демократическую программу. Той же самой позиции Гайндман придерживался и на последующих конференциях с.-д. федерации. Гайндман оставался во главе британской социалистической партии, никогда, впрочем, не имевшей значительного влияния на рабочее движение, вплоть до войны 1914 года. В начале войны он вместе со своей партией занял анти-милитаристическую позицию, но вскоре изменил ее в сторону открытого социал-патриотизма, тем самым поставив себя вне рядов партии, которая осталась верна принципам интернационализма и позднее своим левым крылом вошла в Коминтерн. Гайндман умер в 1922 году.

27. Годвин, Вильям (1756—1836)—английский публицист, романист и историк. Ему принадлежит одна из первых систем мирного анархического коммунизма. Взгляды Годвина, сложившиеся под непосредственным впечатлением французской революции, оказали большое влияние на молодежь Англии первой трети XIX столетия. Всякая политическая и хозяйственная организация является, по его мнению, злом. Монархическому и аристократическому государству—орудию угнетения в руках имущих классов—Годвин противопоставляет идеал полного упразднения всякой принудительной власти. Индивидуум имеет право на безусловную свободу, а потому никто и ничто не должны его принуждать к чему бы то ни было, даже к равномерному распределению собственности. В будущем обществе должны быть сохранены индивидуальные хозяйства и право собственности на продукты своего труда. Единственным законодателем в этом обществе должен быть «разум». Все надежды на уничтожение противоречий между бедностью и богатством Вильям Годвин возлагал на умственное просвещение людей, ибо буржуазная «собственность находится в полном противоречии с человеческой природой и с началом справедливости», в конечном торжестве которой Годвин был глубоко уверен.

28. Уэльс, Герберт — известный английский писатель, автор многочисленных фантастических и утопических романов и рассказов. Пацифист и фабианец. Сторонник эволюционного коллективизма, под которым, по словам Л. Д. Троцкого (см. книгу «О Ленине», стр. 137), «надо понимать фабианское варевое из либерализма, филантропии, экономного социального законодательства и воскресных размышлений о лучшем будущем. Сам Уэльс существо своего эволюционного коллективизма формулирует так: „Я верю в то, что путем планомерной системы воспитания общества существующий империалистический строй может цивилизоваться и превратиться в коллективистический“». В 1920 г. Уэльс посетил Советскую Россию и написал книжку «Россия во мгле».

29. Герцогиня Соутерлендская и ее палачество — приводится Марксом в качестве примера захвата земли у сельского населения, одного из способов первоначального накопления (см. «Капитал», т. I, гл. 24, стр. 722, изд. ГИЗ, 1923 г.). Этот же пример Маркс приводил раньше в одной из своих корреспонденций в «Нью-Йоркскую Трибуну» в 1853 г. (см. Собрание соч. Маркса и Энгельса, том X, стр. 81). Приводим выдержку из «Капитала»:

«Как пример метода господствующего в XIX столетии, мы приводим здесь «очистки», произведенные герцогиней Southerland. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в области политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению и превратить в пастбище все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было изведено до 15.000 человек. С 1814 по 1820 г.г. эти 15.000 жителей — около 3.000 семейств — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху божгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем эта дама присвоила себе 794.000 акров земли, с незапамятных времен принадлежавшей клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6.000 акров земли, по 2 акра на семейство. Эти 6.000 акров представляли пустырь и не приносили собственникам никакого дохода. Герцогиня обнаружила столь высокое благородство чувств, что сдала землю в среднем по 2 шиллинга 6 пенсов за акр тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю награбленную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна единственная семья, большей частью английские арендаторы-батраки. В 1825 г. 15.000 гэлов (горные шотландцы) уже были замещены 131.000 овец. Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась прокормиться рыболовством. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского писателя, на половину на земле, на половину на воде, но и земля и вода вместе лишь на половину обеспечивали их существование. Но бравых гэлов ждало новое и еще более тяжкое испытание за их горно-романтическое преклонение перед

«большими людьми» клана. Запах рыбы бросился в нос «большим людям». Они пронюхали в нем нечто прибыльное и сдали морское побережье в аренду крупным лондонским рыбороторгвам. Гэлы были изгнаны вторично».

30. Милль, Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ и экономист. В области политической экономии Милль особенно тщательно разработал теорию земельной ренты, выдвинув положение о необходимости высокого обложения всех связанных с нею доходов. Учение Милля оказало большое влияние на английских социалистов-фабианцев — Вебба и др. Находясь под сильным влиянием французских утопистов Фурье и Сен-Симона, Милль во всех своих произведениях тесно связывает экономические вопросы с социальными и политическими. Главный политико-экономический труд Милля — «Основания политической экономии» — насквозь эклектичен.

31. Бернард Шоу — английский писатель и драматург. Один из основателей фабианского общества (см. прим. № 25). Пацифист и мелко-буржуазный социалист. Написал целый ряд остроумных сатирических драм. Автор письма в «Известия ЦИК Союза С. С. Р.» (см. № 295 от 25 декабря 1924 г.), в котором уговаривает Советское правительство «как можно скорее отмежеваться от III Интернационала». В своем письме Бернард Шоу, между прочим, замечает, что «мистер Троцкий» «позволил себе говорить о мистере Х. Г. Уэльсе с презрением, свидетельствующим о том, что он не читал «Основы истории» Уэльса и поэтому не подозревает, каким громадным шагом вперед является это произведение по отношению к «Капиталу» Карла Маркса».

32. Королева Виктория и ее время — автор имеет в виду долгое царствование английской королевы Виктории, продолжавшееся с 1837 до 1901 г. В течение этого периода английский парламентаризм достиг своего высшего развития. На первый план выдвинулась крупная промышленная буржуазия, занявшая господствующее положение в стране. На протяжении 64-летнего царствования Виктории либеральное и консервативное министерство поочередно сменяли друг друга. Внешняя и внутренняя политика Англии за этот период менялась чрезвычайно часто. Первые годы царствования Виктории знаменуют собой полное господство либеральной буржуазии. Отмена хлебных пошлин в 1846 году, свобода торговли и конкуренции, введение либеральных реформ, — являлись крупными победами либеральной буржуазии. Начиная с 80-х гг., уже во время глубокой старости Виктории, укрепилась консервативная партия, которая при полном сочувствии престарелой королевы проводила империалистическую политику.

33. Карссон, Эдуард Генри — лорд, ярый консерватор и противник самостоятельности Ирландии. Летом 1914 года Карссон организовал вооруженное восстание против английского правительства для «защиты» Ирландии от дарованного парламентом самоуправления (гомруля). Восстание началось в северной Ирландии, в провинции Ульстер, самой богатой и промышленной части Ирландии. Ульстерская буржуазия с Карссоном во главе требовала отделения Ульстера от Ирландии, рассчитывая выбить таким образом экономическую почву из-под ног ирландского правительства, отняв у него самую богатую провинцию. Организацию восстания Карссон начал еще

в 1912 году, когда законопроект (билль) об ирландском самоуправлении был внесен на рассмотрение английского парламента. Карссон, при поддержке ульстерской буржуазии и английских консерваторов, беспрепятственно вооружил более 100.000 человек и, после утверждения билля английским парламентом, объявил, что „верноподданные ульстерцы“ не хотят отделения от Великобритании. В Ульстере образовалось временное правительство. Одновременно на юге Ирландии шло вооружение сторонников ирландской независимости (синфейнеров). Английское правительство решило действовать против Карссона, но его войска отказались итти против ульстерцев, и вызов, брошенный Карссоном, остался безнаказанным. Дальнейшему развитию событий помешала мировая война. Несмотря на свое антиправительственное выступление, Карссон, выдвинутый консерваторами, занял в 1917 году пост морского министра и до 1918 года был членом военного кабинета Великобритании. Опираясь на поддержку консерваторов, Карссон никогда не стеснялся выступать в защиту ирландской и английской буржуазии и самым кровавым способом подавлять движение синфейнеров.

34. Вестминстерский парламент — речь идет об английском парламенте, который помещается в здании Вестминстерского аббатства в Лондоне.

35. Клайнс, Джон Роберт — один из правых вождей английской рабочей партии и член ее Исполкома. Был продовольственным контролером в либерально-консервативном правительстве Ллойд-Джорджа в 1918 году. В кабинете Макдональда был министром (лордом-хранителем печати), в связи с чем, по английскому закону, был произведен в пэры. Во внешней политике — сторонник Лиги Наций и пацифист. В настоящее время Клайнс член парламента и председатель Федерации Неквалифицированных Рабочих.

36. Вильямс, Роберт — видный деятель английских трэд-юнионов. Член Независимой Рабочей партии. Бывший генеральный секретарь английского профсоюза транспортников. Примыкая к левым вождям английских трэд-юнионов, вошел было даже в коммунистическую партию, но в 1921 г. был исключен из нее за свое поведение в „черную пятницу“, когда вследствие предательства профсоюзных вождей была проиграна забастовка углекопов. Впоследствии Вильямс переметнулся еще более вправо и сейчас является злейшим врагом коммунизма.

37. Лафарг, Поль (1842—1911) — выдающийся французский социалист, зять Карла Маркса. Под влиянием личного знакомства с Марксом Лафарг стал горячим приверженцем научного социализма. Лафарг принимал активное участие в деятельности Парижской Коммуны; в провинции (Бордо) он пытался вызвать движение в пользу Коммуны, но, потерпев неудачу, был вынужден бежать в Испанию. В Испании, а затем в Португалии, Лафарг играл видную роль в рабочем движении, организовывая секции Интернационала и ведя борьбу с бакунинским (анархистским) влиянием. Лафарг принимал деятельное участие в работах Гаагского конгресса I Интернационала в 1872 году. Вернувшись в Париж в 1880 году, он становится вождем и признанным теоретиком французской социалистической партии и ведет упорную борьбу со всевозможными извращениями марксизма. Перу Лафарга принадлежит ряд выдающихся научных трудов и брошюр; некоторые из них, напр., „Эволюция собственности“ и „Исторический детерминизм К. Маркса“, переведены на все

европейские языки. В глубокой старости, сознавая свою непригодность к дальнейшей активной работе, Лафарг вместе со своей женой Лаурой покончил жизнь самоубийством.

38. Гизо (1787—1874)—французский историк и политический деятель. Лидер группы так-называемых „доктринеров“, сторонников английской конституционно-монархической системы. После июльской революции 1830 года, передавшей власть в руки финансовой буржуазии, Гизо как один из ее идеологов временно управляет министерством народного просвещения, а затем входит в правительство в качестве министра внутренних дел. Гизо был сторонником избирательного ценза, по которому избирательными правами из всего населения Франции пользовалось только около 200.000 человек. После образования либерального министерства банкира Лафитта он вышел в отставку. В 1832 году Гизо, вместе с Тьером и Брольо, образовал реакционное министерство под президентством маршала Сульта, заняв в нем пост министра народного просвещения. В 1837 году он вошел в правое министерство Моле, но через год вышел в отставку, так как находил политику Моле недостаточно консервативной. В 1839 году Гизо назначается послом в Лондон, а в 1840 году он—министр иностранных дел во вновь образовавшемся реакционном министерстве Сульта. На этих дипломатических постах он ведет энергичную борьбу против революционного движения в европейских странах, пытаясь объединить на этой почве реакционные правительства Франции и Австрии. В 1847 году Гизо становится во главе последнего монархического министерства при Луи Филиппе. Тотчас же после революции 1848 г. Гизо бежит в Англию, и с этих пор его политическое влияние падает. В своих многочисленных исторических работах Гизо впервые проводит точку зрения классовых борьбы, в которой он видит скрытую пружину всего исторического процесса. В то время такой взгляд, хотя и не проведенный вполне последовательно до конца, все же был крупным шагом вперед в развитии исторической науки.

39. Гемден, Джон (1595—1643)—один из вождей умеренной оппозиции в Коротком и Долгом парламентах, накануне великой английской революции. (См. прим. 17). Особенную популярность Гемден приобрел среди средней торговой буржуазии благодаря тому, что несколько раз упорно отказывался уплачивать в королевскую казну налоги и сборы. Во время борьбы Долгого парламента с королем Карлом I, последний распорядился об аресте Гемдена и четырех других руководителей оппозиции. Это толкнуло легального оппозиционера Гемдена в ряды революционной парламентской армии. Организовав один из лучших полков, он вскоре был смертельно ранен в одной из битв между королевской и парламентской армиями.

40. Немецкая реформация XVI века. Немецкая реформация предшествовало неограниченному господству римской католической церкви, особенно сильно сказавшейся на Германии. Мощный расцвет денежного товарного хозяйства в Германии заставил римскую церковь усиленно облагать ее всякими денежными поборами. Это вызвало протест со стороны ремесленников, крестьян и мелкой буржуазии, которые в связи с ростом товарного хозяйства испытывали усиленную потребность в деньгах. Целый ряд открытий и изобретений (изобретение книгопечатания, усовершенствование артиллерии, открытие Америки, развитие мореходства) положило начало

широкому расцвету внешней торговли Германии и усилил торговую буржуазию. Борьба торгового капитала с феодалами могла в то время вылиться только в форму религиозного протеста.

О причинах реформации Энгельс говорит следующее:

„Когда Европа вышла из эпохи средневековья, ее революционным элементом была восходящая буржуазия городов. Официально признанное положение, завоеванное ею внутри средневековой феодальной системы, стало слишком тесным для ее дальнейшего развития. Свободное развитие буржуазии стало более несовместимым с феодальной системой, и феодальная система должна была пасть.

Но великим международным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние раздоры, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, противостоящее как греко-православному, так и магометанскому миру. Она осветила феодальный строй венцом божественной благодати. Свою собственную иерархию она устроила по феодальному образцу, да и сама она была самым крупным феодалом, так как ей принадлежала, по крайней мере, третья часть всех католических земель. И прежде чем нанести удар светскому феодализму в каждой стране в отдельности, надо было разрушить центральную церковную организацию“. (Энгельс „Об историческом материализме“, сб. „Исторический материализм“, ГИЗ, 1924, стр. 124).

Внешним поводом к реформации послужил приказ папы об отлучении монаха Мартина Лютера, выступившего в 1517 году против продажи индульгенций (грамот об отпущении грехов). Получив приказ о своем отлучении, Лютер торжественно сжег его (в 1520 г.). С этого времени имя Лютера становится олицетворением нарождающегося религиозного и политического протеста. Движение в пользу церковной реформации встретило ожесточенный отпор со стороны высшего духовенства и крупного дворянства. Оно началось в Саксонии, в июне 1521 г., и оттуда распространилось по всей Германии.

В той же работе Энгельс так говорит о событиях, последовавших за началом реформации:

„Ответом на призыв Лютера к бунту против церкви были два политических восстания: сперва — низшего дворянства под предводительством Франца фон-Зиккингена в 1523 году, затем — великая крестьянская война 1525 г. Оба они были подавлены, главным образом, вследствие нерешительности наиболее заинтересованной стороны — городской буржуазии; причину этой нерешительности мы здесь объяснять не будем. С этого момента борьба выродилась в нескончаемую свару отдельных князей с центральной властью императора, и в результате этой свары Германия была на целых 200 лет вычеркнута из рядов политически-активных наций Европы. Лютеранская реформация превратилась, конечно, в новую религию, и как раз в религию, пригодную для абсолютной монархии. Как только крестьяне северо-востока Германии приняли лютеранство, они из свободных людей превратились в крепостных“ (стр. 125, там же).

Из Германии реформация перебросилась во все европейские страны, повсюду производя коренные изменения в церковной системе и содействуя укреплению торговой буржуазии и ее освобождению от пут феодализма. Немецкая реформация оказала, разумеется, сильное влияние также на великую английскую революцию, в которой чисто политические цели облекались в религиозные формы. Все основные черты реформации — религиозность, мистицизм, экзальтация — наложили свой отпечаток на английскую революцию. Основные кадры революционной армии состояли из пуритан, которые были страстными ненавистниками католической церкви.

41. Асквит, Герберт Генри, лорд, граф Оксфордский — вождь английских независимых либералов и руководитель „Вестминстер Газетт“. Противник англо-советского сближения. С 1892 по 1895 г. был министром внутренних дел в последнем либеральном кабинете Гладстона. С 1905 по 1908 г. канцлер казначейства. С 1908 по 1916 г. премьер-министр. На этом посту проявил себя ярким сторонником империалистической войны. В 1914 году был некоторое время военным министром. В 1915 г. Асквит образовал коалиционное министерство из либералов и консерваторов. В 1916 году уступил место премьеру Ллойд-Джорджу. Остатки либерального доктринерства мешали Асквиту проявить во внутренней и внешней политике надлежащий размах, вероломство, цинизм и пр. Под давлением консерваторов более активное империалистское крыло либералов помогло Ллойд-Джорджу заменить Асквита. На последних выборах в палату общин в 1924 году Асквит потерпел поражение. В настоящее время Асквит член палаты лордов.

42. Дело Осборна. — Либеральный рабочий железнодорожник Вильямс Осборн в 1908 г. подал иск в суд об отмене взимания тред-юнионами так называемых „политических взносов“. Дело в том, что кроме членских взносов на экономические нужды, тред-юнионы взимают еще со своих членов и взносы политические, идущие на поддержку политической борьбы рабочей партии. 22 июля 1908 г. судья вынес решение, которое отказывало в иске Осборну и категорически высказалось за законность взимания тред-юнионами членских взносов на политическую борьбу. Тогда Осборн, которого поддерживали крупные капиталисты, обратился к апелляционному суду. Последний отменил решение первого суда и целиком удовлетворил иск Осборна, мотивировав свое решение тем, что тред-юнионы являются организациями чисто экономического характера и никакого отношения к политике иметь не должны. Партия обжаловала это решение перед судебной коллегией палаты лордов, которая, несмотря на это, полностью утвердила приговор апелляционного суда. Палата лордов категорически воспретила тред-юнионам взимание взносов на какие бы то ни было политические цели. Однако, в 1913 г. это решение палаты лордов было отменено особым актом парламента. Этим актом тред-юнионам разрешалось взимание политических взносов, но отдельным членам предоставлялось право отказать от этих взносов, при чем тред-юнионы не имели права подвергать их каким-либо репрессиям (как, например, исключению из своего состава и т. д.). Закон этот действует до сего времени.

Дело Осборна сыграло большую роль в истории английского рабочего движения. Под его влиянием рабочие стали обнаруживать более живой интерес именно к политической стороне деятельности тред-юнионов.

43. Кобден (1804—1865) — бумагопрядильный торговец и фабрикант, выдвинувший в ряды наиболее видных деятелей английской радикальной буржуазии середины XIX века. Неустанный агитатор в пользу свободной торговли и отмены хлебных пошлин (он был основателем „Лиги отмены хлебных законов“), сторонник „всеобщего мира“. Избранный в парламент, выступал с речами против единственной политики английского правительства. Участвовал в пацифистском мировом конгрессе в 1849 г. Кобден является главою фритредерского движения либеральной буржуазии (см. прим. 50).

44. Рузвельт, Теодор (1858—1919) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов с 1901 по 1909 г. Яркий американский империалист и патриот. Во внутренней политике сторонник либеральных податок рабочим. Принадлежал к республиканской партии. В 1905 г. Рузвельт взял на себя посредничество в деле заключения мира между Японией и Россией. Во время мировой войны, как один из лидеров республиканцев, занял сначала пацифистскую позицию, но вскоре изменил ее и сделался одним из самых горячих сторонников войны.

45. Маккиавеллизм — означает государственную политику обмана насилия, лицемерия и хитрости. Название происходит от имени знаменитого итальянского писателя и политика Николо Маккиавелли (1469—1527), который считается основателем науки о политике.

46. Понсонби, Артур — товарищ министра иностранных дел в „рабочем правительстве“ Макдональда (1923—1924 г.). Сторонник англо-советского сближения, которому энергично способствовал во время заключения англо-советского соглашения в августе 1924 г. Любопытна биография этого деятеля рабочей партии. Понсонби происходит из аристократической семьи и в молодости был пажем английской королевы Викторнии. Затем он 9 лет работал в английском министерстве иностранных дел и был деятельным членом либеральной партии. В конце войны он порывает с либералами, становится пацифистом, входит в пацифистскую организацию „демократического контроля“ и в рабочую партию.

47. Джон Бернс — один из старейших английских рабочих лидеров, основатель и активный деятель с.-д. федерации. Поднявшаяся в конце 80-х годов новая волна тред-юнионистского движения нашла в нем своего выдающегося вождя. Талантливый и влиятельный оратор, Бернс неоднократно руководил крупнейшими рабочими забастовками и демонстрациями (в том числе знаменитой стачкой докеров). В 1888 г. за руководство рабочей демонстрацией был арестован и приговорен к шестинедельному аресту. Впоследствии, однако, Джон Бернс правееет и уже в 1889 г. выходит из с.-д. федерации. В 1882 г. он был избран в парламент. Спустя два года он начинает сближаться с либералами, а с 1905 года становится министром либерального кабинета.

Путь Бернса от рабочего лидера до либерального министра является типичным для английских социал-соглашательских вождей недавнего времени.

48. Грей, Эдуард, лорд — вождь английских независимых либералов. Сторонник сближения с консерваторами. Один из лидеров либералов в палате общин. С 1905 до 1916 г. министр иностранных дел во всех министерствах. Один из создателей Антанты и вдохновителей мировой войны. В

1919—20 г.—великобританский посол в Вашингтоне. Впоследствии видный деятель Лиги Наций. Ныне член палаты лордов.

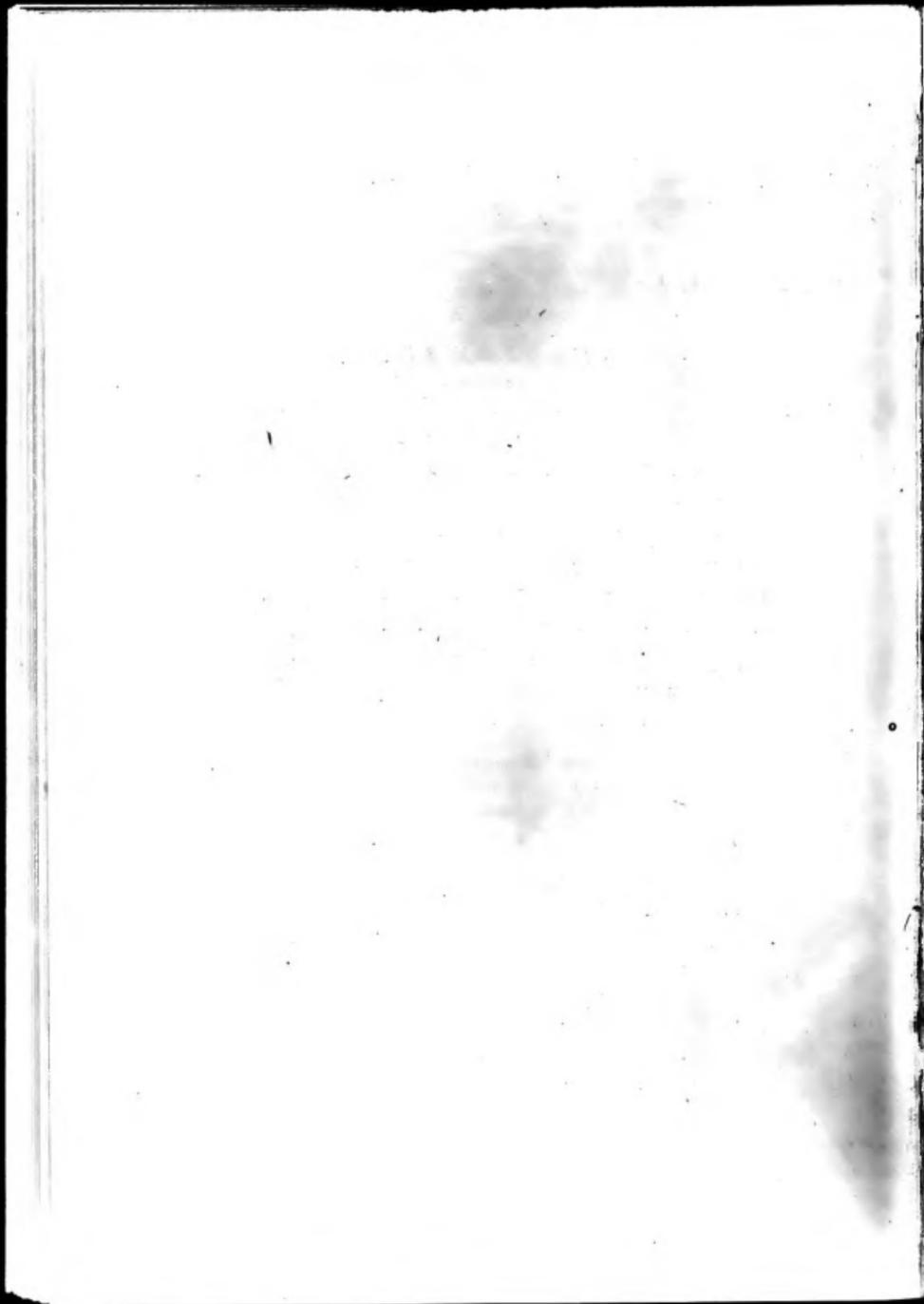
49. Биконсфильд (Дизраэли), Бенжамен—знаменитый английский государственный деятель и писатель (1804—1881). В молодости написал целый ряд сатирических романов. С 1832 г. обратился к политической деятельности, примыкая вначале к вигам. После сближения крупной финансовой буржуазии с ториями, он порывает с вигами и становится одним из лидеров торийской партии. Типичный представитель крупной банковской буржуазии, Биконсфильд был ярким сторонником протекционизма (см. прим. 9). В 1852 г. он становится канцлером казначейства в реакционном министерстве Дерби, но не надолго, так как через 10 месяцев кабинет Дерби был сменен либеральным министерством Гладстона. В 1858 г. Биконсфильд опять канцлер казначейства во вновь образованном кабинете Дерби, просуществовавшем 18 месяцев. В 1866 г. кабинет Дерби снова возвращается к власти, и Биконсфильд в третий раз канцлер казначейства. В 1868 г. Биконсфильд занимает место премьер-министра, но в том же году выходит в отставку со всем кабинетом. В 1874 г., в момент пробуждения английской империалистической политики, Биконсфильд снова на посту премьера и остается у власти до 1880 г. Политика Биконсфильда, стремящаяся к расширению английского господства в области международных отношений и прибегающая к либеральным подачкам внутри страны, является типичным выражением английского империализма.

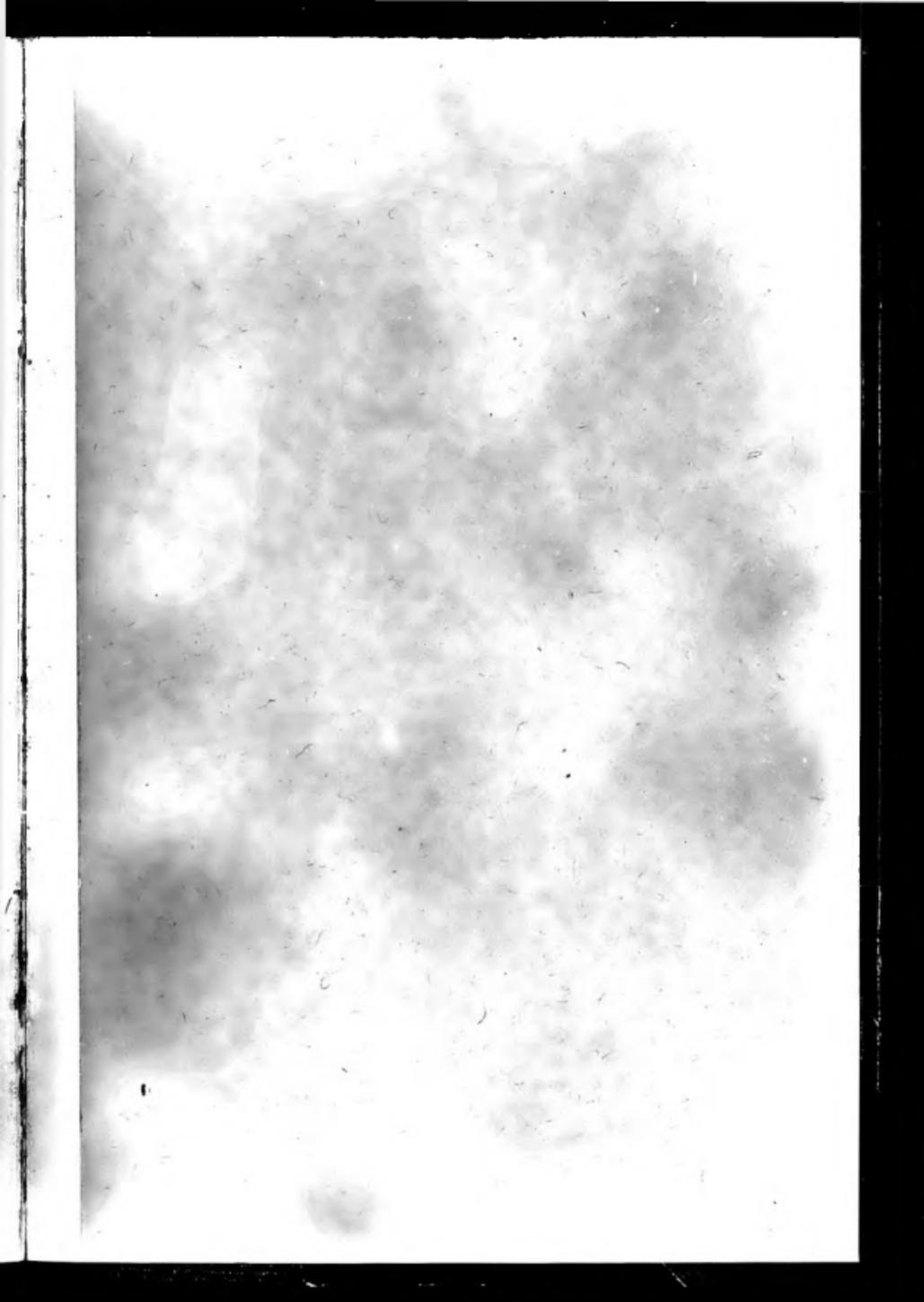
50. Фритредерство—экономическая политика и теория, требующая свободы для внешней торговли и, следовательно, полного простора для капиталистической конкуренции. Родиной фритредерства является Англия, буржуазия которой в первой половине XIX в. вела бешеную борьбу за свободный ввоз хлеба, против хлебной монополии землевладельческой аристократии, так как вызываемые монополией высокие неустойчивые цены на хлеб влияли на состояние внутреннего рынка, а также на заработную плату рабочих. В случае поднятия хлебных цен, промышленникам приходилось либо платить более высокую заработную плату, либо, заставляя рабочих голодать сверх обычной нормы, мириться с пониженной производительностью труда.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Куда идет Англия?	7
I. Упадок Англии	9
II. Мистер Болдуин и.. постепенность	21
III. Какое-какие «особенности» английских рабочих лидеров	39
IV. Фабианская «теория» социализма	51
V. Вопрос о революционном насилии	70
VI. Две традиции: революция XVII века и чартизм	101
VII. Трэд-юнионы и большевизм	112
VIII. Перспективы	126
Примечания	147

Sp. 50a.

68-100 n.

